

Հարգելի՛ ընթերցող.

ԵՊՀ հայագիտական հետազոտությունների ինստիտուտը, չհետապնդելով որևէ եկամուտ, իր կայքերում ներկայացնելով հայագիտական հրատարակություններ, նպատակ ունի հանրությանն ավելի հասանելի դարձնել այդ ուսումնասիրությունները:

Մենք շնորհակալություն ենք հայտնում հայագիտական աշխատասիրությունների հեղինակներին, հրատարակիչներին:

Մեր կոնտակտները՝

Պաշտոնական կայք՝ <http://www.armin.am>

Էլ. փոստ՝ info@armin.am

Виктор Дятлов, Эдуард Мелконян

АРМЯНСКАЯ ДИАСПОРА: ОЧЕРКИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТИПОЛОГИИ

Ереван, 2009

УДК 941 (479.25) : 31
ББК 63.3 (2 Ар) + 60.5
Д 998

Д998

В.Дятлов, Э.Мелконян.

Армянская диаспора: очерки социокультурной типологии. — Ер.: Институт Кавказа, 2009. — 207 с.

Монография представляет собой плод совместной работы двух ученых — специалиста по теории диаспор В.Дятлова и специалиста по истории армянской диаспоры Э.Мелконяна. На материале армянской диаспоры в монографии рассматривается диаспора как явление. Опираясь на богатую историческую и социологическую базу, авторы делают подробный анализ зарождения и динамики развития армянской диаспоры и выявляют особенности жизнедеятельности армянских общин в различных странах мира. Монография представляет интерес как для специалистов в сфере диаспорологии, так и для широкого круга читателей.

Редактор: Александр Искандарян

Редколлегия: Нина Искандарян, Сергей Минасян

Дизайн обложки: студия «Matit» / www.matit.am

Верстка: студия «Коллаж» / www.collage.am

Фотографии на обложке любезно предоставлены представительством Армянского всеобщего благотворительного союза (АВБС) в Армении

Viktor Dyatlov, Eduard Melkonian.

Armenian Diaspora: Essays on Sociocultural Typology. — Yerevan, CI, 2009. — 207 p.

The volume is the result of a joint study by two scholars, Viktor Dyatlov, an expert on Diaspora theory, and Eduard Melkonian, an expert on the history of the Armenian Diaspora. The study looks at the phenomenon of Diasporas based on a case study of the Armenian Diaspora. Relying on vast historical and sociological data, the authors analyze in detail the emergence of the Armenian Diaspora, its development and the functioning of Armenian communities in various countries of the world. The volume is intended both for scholars specializing on Diaspora studies and for the general reader.

Editor: Alexander Iskandaryan

Copy editing by Nina Iskandaryan and Sergey Minasyan

Cover design by *Matit* / www.matit.am

Layout by *Collage* / www.collage.am

Cover photos courtesy of the Armenian General Benevolent Union Representative Office in Armenia

УДК 941 (479.25) : 31

ББК 63.3 (2 Ар) + 60.5

© Институт Кавказа, 2009

© 2009 by Caucasus Institute

ISBN 978-99941-2-321-6

Мнения, выраженные в настоящей публикации, принадлежат авторам и не обязательно отражают точку зрения Института Кавказа или каких-либо иных организаций, в том числе спонсоров проекта и организаций, в которых работают или с которыми сотрудничают авторы. В книге сохранено авторское написание имен и названий.

Any opinions expressed in this volume are those of the authors and do not necessarily reflect the views of the Caucasus Institute or any other organization, including project sponsors and organizations with which the authors are affiliated. All personal and geographical names used in this volume are spelled the way they were spelled by the authors.

Издание опубликовано при поддержке Европейского Союза и Швейцарского агентства развития и сотрудничества.

The publication of this volume was made possible by the support of the European Union and the Swiss Development and Cooperation Agency.

Оглавление

От редактора	5
Глава 1. Что такое диаспора? (В.Дятлов)	7
Глава 2. Миграции армян: причины и направления (Э.Мелконян)	36
Глава 3. Социальные и культурные процессы в армянских общинах (Э.Мелконян)	44
В странах Востока	44
В странах Европы и Америки	58
От Российской империи к постсоветскому пространству	76
Глава 4. Политическая жизнь в диаспоре (В.Дятлов)	107
Глава 5. Роль этнических организаций в жизнедеятельности диаспоры (Э.Мелконян)	132
Глава 6. Республика Армения и диаспора (Э.Мелконян)	157
Библиография	186
Издания Института Кавказа	200

От редактора

Институт Кавказа предлагает вашему вниманию несколько необычную книгу об армянской диаспоре. Фундаментальных работ, посвященных проблемам диаспорологии, издается не очень много, как, впрочем, и исследований, посвященных конкретно армянской диаспоре. Еще более скромнен библиографический список узкопрофессиональных исследований, касающихся специфических отраслей изучения диаспор, в данном случае – социокультурной истории. Так сложилось, что в диаспорологии, как и во многих гуманитарных научных областях, имеется два основных направления: теоретическое, исследующее фундаментальные проблемы диаспорологии как науки, и практическое, исследующее проблемы конкретной диаспоры в конкретный временной период. Очень часто эти два направления в диаспорологии существуют, почти не пересекаясь.

Предлагаемая вашему вниманию книга, как нам кажется, сможет во многом восполнить именно этот пробел. Важным достоинством работы, кроме всего прочего, является то, что авторы, безусловно сохраняя строго научный стиль работы, вместе с тем излагают результаты исследования языком, вполне доступным для широкой общественности и неспециалистов. Но при этом профессионализм авторов и глубокое знание предмета исследования дают возможность найти в книге нечто новое также и ученым, в том числе и специалистам по истории и теории армянской диаспоры.

Авторами коллективной монографии являются известные ученые, признанные специалисты в своей области. Профессор Иркутского государственного университета, доктор исторических наук Виктор Иннокентьевич Дятлов – крупный ученый-теоретик в области диаспорологии и сравнительного изучения диаспор и торговых меньшинств, соучредитель и заместитель главного редактора научного журнала «Диаспоры». Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Армении Эдуард Левонович Мелконян – один из известнейших специалистов по истории именно армянской диаспоры. У обоих авторов, опубликовавших по шесть монографий (включая данную) и

множество научных статей, имеется огромный опыт не только кабинетной научной деятельности, но и полевой работы. Наряду с выявлением тенденций и закономерностей, особенный интерес для читателя представляют описанные в книге жизненные сюжеты, конкретные эпизоды из жизни армянских общин и отдельных людей, создающие живой и убедительный образ армянской диаспоры во всем хитросплетении ее внутренней жизни, взаимодействия с родиной и с принимающими сообществами.

Институт Кавказа с удовольствием представляет книгу Виктора Дятлова и Эдуарда Мелконяна и надеется, что она вызовет интерес у специалистов и широких кругов читателей, интересующихся проблемами диаспоры вообще и армянской диаспоры в частности.

Александр Искандарян
Директор Института Кавказа
декабрь 2009 г.

Глава 1. Что такое диаспора?

В. Дятлов

Исторически, на протяжении многих веков, армяне приобрели, по словам Э.Геллнера, «длительную традицию дисперсного проживания в качестве национального меньшинства» [Gellner 1990, p. 105]. Их более или менее многочисленные группы регулярно отрывались от своего «этнического массива», расселяясь по всему миру, от Москвы, Львова и Антверпена до Сан-Франциско, Бейрута и Мадраса. Несмотря на длительность проживания и интенсивные контакты в принимающих обществах, они не растворялись в них, хотя и принимали их обычаи, элементы культуры и образа жизни, часто язык. Разными были и побудительные причины, пути и формы миграций: от вынужденных, насильственных до чисто экономических, добровольных. По словам Э.Мелконяна, «постоянный и вынужденный характер эмиграции с родины и более или менее успешное существование в зарубежье с течением времени привели к тому, что армяне стали воспринимать эмиграцию как крайне нежелательное, но неизбежное явление, предопределенный свыше атрибут жизнедеятельности армянского народа» [Мелконян 2000, с. 14–15]. В результате к началу XXI в. в мире сложилось огромное разнообразие людей и их сообществ, которые, невзирая на все вытекающие из этого различия, считают себя армянами и которых называют так окружающие.

Во второй половине XX в. общераспространенным и общепринятым термином в европейских языках для собирательного названия армян вне пределов своего государства стало слово «диаспора» (армянский аналог - «спюрк» (սփյուռք)). Сейчас это и преобладающее самоназвание, и самоопределение, и наиболее распространенная характеристика со стороны принимающего общества. Слово активно используется как в научном обороте в качестве термина, так и в общественной практике и в обыденной речи.

Чем же важен и интересен феномен ввода в массовый оборот этого слова и почему именно оно оказалось востребованным? Какой социальный эффект может иметь употребление этого термина, распространение его на людей и на их группы, кардинально отли-

чающихся по правовым, культурным, социальным характеристикам, типам этнической идентификации, моделям поведения? Это важно, ибо слова не бывают нейтральными к социальной действительности. Они не только называют, маркируют некое явление, но и воздействуют на него, определяют отношение к нему, могут наделять его новыми смыслами и отношениями. Слова сами формируют реальность. И они редко возникают случайно. Есть, конечно, совершенно справедливая максима: о терминах не спорят, о них договариваются. Но само происхождение слова, ставшего термином, его история, насыщенность смыслами и значениями могут многое сказать о тех, кто и почему этим словом пользуется, о характере тех социальных отношений, задача вербализации и осмысления которых востребовали именно это слово. По справедливому замечанию А.Милитарева, «игнорирование этимологического основания слова, несоответствие содержания, вкладываемого в дефиницию термина, его «внутренней форме», делает сам термин внутренне противоречивым и может плохо сказаться на его научной судьбе» [Милитарев 1999, с. 28].

Итак, каково же происхождение и эволюция значения слова, которым ныне маркируется столь важное для армян явление? Наиболее глубокий и емкий, на мой взгляд, лингвистический анализ содержится в статье А.Милитарева. Это заставляет пойти на риск довольно большого цитирования: «Что касается происхождения греческого термина *diaspora*, то он образован от глагола *diaspeirein* «рассеивать(ся), рассыпать, раздавать, расточать», состоящего из приставки *dia-* и глагола *speirein* (сеять, засеивать, сыпать). Глагол *diaspeiro* встречается в ранних греческих текстах (у Геродота и Софокла) в значениях «рассеивать, разбивать (войско)» и «расточать (деньги)», а существительное *diaspora* впервые засвидетельствовано в Септуагинте, греческом переводе еврейской Библии, именно в значении «рассеяние евреев среди язычников»; впоследствии это слово упоминается у Плутарха, Филона Александрийского и позднее у христианских авторов.

Из этого следует, во-первых, что использование греческого термина *diaspora* в отношении любых других исторических ситуаций, кроме рассеяния евреев, о котором идет речь в Библии, является его расширительным толкованием. Во-вторых, что любое содержательное расширение этого термина имеет одно чисто формальное огра-

ничество: внутренняя форма *diaspora*, точно передаваемая русским словом *рас-сеяние*, позволяет относить его только к тем передвижениям человеческих сообществ, которые приводят к разделению первоначально единого сообщества не менее чем на две группы, оказывающиеся после разделения как минимум на двух территориях, причем — по смыслу греческого префикса *dia-* (и предлога *dia* «сквозь, через, между») — не смежных, а принципиально различающихся друг от друга по географическому местоположению и/или административной принадлежности; упрощенно говоря, они должны находиться в разных странах» [Милитарев 1999, с. 28–29].

На протяжении долгого времени это слово и обслуживало исторический феномен формы и способов многовекового существования еврейского народа в отрыве от страны своего исторического происхождения, среди множества различных народов, культур и религий, а также причины и механизм формирования такого феномена. Такая ситуация отразилась в разнообразных энциклопедиях и энциклопедических словарях. В авторитетной «Британнике» слово это трактуется только через призму еврейской истории и относится только к жизни этого народа. Другие словари добавляют обычно, что со временем термин стал употребляться расширительно, для обозначения национальных и религиозных групп, живущих вне стран своего происхождения, в новых для себя местах (а некоторые словари добавляют — на положении национально-культурного меньшинства) [The New Encyclopaedia Britannica 1992, p. 68, 69; The Encyclopaedia Americana 1987, p. 68, 69; Webster's Third International Dictionary 1971, p. 625; Grand Larousse 1987, p. 972; Большая Советская Энциклопедия 1973, с. 705; Большой энциклопедический словарь 1991, с. 388].

С середины прошлого века ситуация радикально меняется. Происходит две взаимосвязанных глубоких трансформации. Стремительно расширяется употребление слова, как в научном обиходе, так и в общественной практике. По словам Р.Брубейкера, «за последние годы термин *диаспора* сделал блестящую карьеру в социологии и других гуманитарных науках» [Брубейкер 2000, с. 6]. Г.Шеффер, много сделавший для этого, удовлетворенно констатирует, что оформилось и растет целое научное направление, связанное с комплексным изучением диаспор, издаются американско-канадский и российский журналы, проводятся многочисленные кон-

ференции и семинары, публикуется большое количество книг и журнальных статей [Шеффер 2003, с. 166].

Популярность термина «диаспора» отражает феномен его мощной экспансии не только в научный оборот, но и в общественную практику. Особенно отчетливо это наблюдается в современной России. Если в самых авторитетных и полных российских дореволюционных энциклопедических словарях Брокгауза и Ефрона, Граната вообще не было соответствующих статей¹, то сейчас это слово стало общеупотребительным. Его широко используют журналисты, им оперируют в повседневной практике и при выработке управленческих решений чиновники, его свободно употребляют простые люди. Это дало основание В.Тишкову саркастически высказаться по поводу «диаспоризации всей страны» [Тишков 2003, с. 161]. Представляется несомненным, что это результат не только и не столько моды и, уж тем более, не воздействия внешней среды. На термин сложился реальный спрос, и спрос немалый.

Научный спрос на термин определяется необходимостью изучения новых глобальных процессов в современном мире. «Последние годы XX столетия и начало нового века принесли с собой очевидную активизацию фактора этничности и, соответственно, повышение социально-политической, культурной и экономической роли этнических групп и этно-национальных диаспор в жизни современных обществ». В контексте беспрецедентно больших масштабов трансграничных миграций это означает, что «способность диаспор оказывать влияние на ход событий в культурной, экономической, социальной и, главное, политической жизни постоянно возрастает и будет возрастать и впредь» [Шеффер 2003, с. 163]. Еще дальше Г.Шеффера идет У.Сафран: «в эпоху глобализации, с ее интенсивными миграциями и активизацией культурно-информационного обмена поверх политических границ мы все более отчетливо осознаем, что «нация-государство» является некой странностью, анахронизмом, что идея устойчивости культур – иллюзия, а формирование культурно-гомогенных обществ – крайне трудноосуществи-

¹ Этого слова нет даже в непревзойденной и поныне «Еврейской энциклопедии», где сразу после справки о польском местечке Дзялошице идет биография английского писателя Ч.Дибдина. [Еврейская энциклопедия. 1991, с. 162].

мая задача, не говоря о том, что это вряд ли вообще необходимо» [Сафран 2004, с. 138–139].

Естественно, такая проблематика интересует и волнует не только ученых. Она находится в центре внимания властей, политиков, журналистов, она непосредственно касается повседневной, обыденной жизни обычного человека. К каким результатам может привести такое общественное внимание к проблеме и стремление описать и понять его через слово *диаспора* показывает ситуация в современной России.

Новая этномиграционная ситуация создает здесь массовую потребность в том, чтобы ее называть, описывать, понимать, иметь с нею дело. Появляется необходимость выйти за круг старых привычных терминов и понятий. Это тем более важно, что сняты табу на публичное обсуждение национальных проблем, возникли общественные институты (прежде всего, СМИ), для которых это стало важнейшим профессиональным занятием.

Национальные и миграционные проблемы стали предметом *открытой* государственной политики, что означает, помимо всего прочего, появление заметного слоя чиновников, которым поручено *управлять национальными отношениями*, и которые находятся в лихорадочном поиске объекта управления. И этот объект должен быть, прежде всего, назван, введен в речевую практику, в терминологию и стилистику бюрократического делопроизводства. Процесс этот стихийен, у чиновников нет времени, привычки, да и особого желания читать научную литературу и вникать в тонкости терминологических споров. Поэтому идет в ход все – всплывшая в памяти лексика прошлых эпох («националы», даже иногда «нацмены»), обыденная речь («черные»), научные термины, пришедшие через третьи руки – от журналистов, профессиональных аналитиков. В последнем случае, на этом пути содержание терминов, их смысловое наполнение могло испытывать самые причудливые трансформации.

Термин «диаспора» – как раз из этого ряда. Он стал широко использоваться в последнее время в управленческих и политических кругах, причем употребляется без объяснений и толкований, как общеизвестный и общепонятный. В отличие от профессиональных жаргонизмов (типа «националы»), слово это видится как принадлежащее к «высокому стилю»: солидный научный термин, может ши-

роко использоваться публично, вполне корректен, его употребление выгодно подчеркивает эрудицию и современность автора.

Однако использование термина без учета заложенных в нем исторически смыслов часто ведет к тому, что он становится неким клише, даже ярлыком. Нередко так теперь называют (и таким образом вычлениают и объединяют) всех, кого считают представителями неких национальных/этнических групп, живущих вне пределов соответствующих государств или национальных очагов. Подразумевается при этом, что это не просто конгломерат людей, а некий социальный организм, к которому принадлежат по факту этнической принадлежности. Последняя также оценивается как природная данность.

Такая «диаспора» многим видится даже организованным сообществом, корпорацией, иногда даже официально оформленной организацией с взаимными обязательствами и оформленным членством. Термину пытаются иногда придать даже правовое содержание. Таким образом, под диаспорой стихийно понимается нечто вроде сословия или миллета в Османской империи.

Принципиально важно то, что участие в «диаспоре» видится в этой схеме не как результат добровольного выбора, самоорганизации, а как следствие изначальной принадлежности мигранта к этнической группе. Таким образом, человек по факту врожденной этничности приписывается к группе, которая несет за него коллективную ответственность. Группа обладает юридически зафиксированными правами и обязанностями перед государством. Вплоть до выполнения чисто полицейских функций.

Этот стихийно примордиалистский² дискурс особенно характерен для чиновников и журналистов, пытающихся описать или объяснить феномен полиэтничности сообществ. В случае с чиновниками — стремящихся еще и «управлять процессом». В такой логике, одним словом «диаспора» называется и механическая совокупность лиц, относящих себя (или относимых другими) к некоей этнической группе, и возможные связи и отношения между этими людьми на

² *Примордиализм* - взгляд на этническую группу как на изначально данное и неизменное объединение людей по крови или унаследованной культуре, в отличие от *конструктивизма*, согласно которому этническая группа — сознательно или бессознательно сконструированное образование.

этнической основе, и их формальные объединения и институции. Когда одно слово обслуживает такие несовпадающие явления, причем обслуживает их в сознании и речи одного человека, то это может вести (и ведет, видимо) к их отождествлению. Можно предположить и обратную логику – когда в сознании человека это действительно одно и то же – и требовалось лишь некое слово для названия этого единого феномена.

Типичнейший образец такого понимания феномена содержится в книге плодovitого публициста и, как представлено в книге, директора Центра политической информации А.А.Мухина «Диаспоры и землячества: вопросы влияния» [Здоровец, Мухин, 2005]. Учитывая тираж (4000 экземпляров) – это самое доступное для современного массового читателя издание по проблеме. Первое, что бросается в ней в глаза – полное отсутствие попыток дать определение ключевых понятий книги – того, что понимается под словами «диаспора», «землячество», «община». Нет и понимания в необходимости этого – в книге отсутствует предисловие, вообще раздел, в котором содержалось бы, хотя бы очень кратко и формально, описание целей и задач работы, основных подходов при их решении, характеристика источников и т.д. Сразу идут главы об «азербайджанской диаспоре», «армянской диаспоре», «цыганской диаспоре», «эстонской диаспоре» и т.д. Критика и хотя бы элементарное сопоставление источников (а это самая разношерстная информация из Интернет) отсутствует напрочь. Исходя из контекста, можно понять, что под диаспорой понимается совокупность всех этнических азербайджанцев, армян, украинцев, цыган и т.д. (о критериях понимания этничности речи конечно тоже не идет), хотя есть пассажи и о «мусульманских диаспорах». Диаспоры – это одновременно и структуры, и институции. По умолчанию предполагается, таким образом, что любой этнический армянин или азербайджанец в России является членом диаспоры, которая состоит из общин и землячеств и структурирована институциями. А коль скоро речь идет о сферах и вопросах влияния «этих образований», то логика очевидна: диаспора это некое структурированное, имеющее цели, задачи и действующее для их реализации тело, субъект, к которому принадлежат и в котором участвуют по факту этнической принадлежности.

При попытках понять и объяснить проблему и, тем более, регулировать неизбежные конфликты, в которых участвуют представи-

тели различных национальностей, такой подход (особенно представления о коллективной ответственности) может радикально дестабилизировать ситуацию и вывести конфликтность на новый, более высокий уровень.

Особую роль в формировании и распространении образа и понятия «диаспоры» играют средства массовой информации, как печатные, так и электронные. Степень присутствия темы в прессе, набор преобладающих сюжетов, частотность соответствующих материалов могут служить важным индикатором внимания общества к проблеме и отношения к ней. С другой стороны, количество, тон, стиль, направленность публикаций являются мощным инструментом воздействия на общественное мнение. Причем, воздействие это может быть как осознанное, даже заранее спланированное, так и спонтанное, саморазвивающееся. Прессу можно, конечно, рассматривать только как носитель социально значимой информации – это ее естественная функция, но не единственная, и, скорее всего, не главная. Она отражает и вербализирует общественные настроения – и в этом качестве выполняет функцию зеркала общества, его интересов, пристрастий, настроений и фобий.

Однако СМИ не только отражают и транслируют созданные обществом образы, они и создают их, вербализируя – придают им новое качество. Конкретные органы СМИ могут быть (и обычно являются на практике) чьим-то инструментом воздействия на общественные настроения, манипулирования ими – часто с целью идеологической и политической мобилизации. Это особенно относится к партийным и идеологически ангажированным газетам, журналам и сайтам. Однако СМИ – это и вполне самостоятельный субъект, *актор*, действующее лицо, социальный институт, не столько отражающий (или пытающийся отражать) общественные настроения, явления и процессы, сколько стремящийся оказывать воздействие на них. Это хозяйствующие единицы, субъекты рыночных отношений, создающие товар и жизненно заинтересованные в его продаже. На рынок должен поставляться товар, пользующийся максимальным спросом – и для СМИ трудно и разорительно идти наперекор массовым настроениям или вступать в конфликт с интересами «сильных мира сего». Не стоит сбрасывать со счетов и претензии на «четвертую власть», ощущение собственной важной роли и миссии. Очень много зависит от уровня професси-

ональной подготовки и осознания социальной ответственности журналистов. От того, насколько они владеют словом и чувствуют оттенки его смыслов.

Сам жанр требует эмоциональной насыщенности, воздействия не на интеллект, а на чувства читателя. Сомнения, вопросительные знаки интонации здесь противопоказаны — или используются только в качестве риторических приемов. По точной оценке В.Мукомеля, «полемичность и провокативность — родовые свойства масс-медиа» [Мукомель 2006]. Именно такими средствами масс-медиа формируют собственный мир, особую реальность, в которой при всех оттенках отношений и коннотаций категория «диаспоры» служит для конструирования «другого» (а далее уже — «чужого» и «врага»). Для этой ситуации полностью справедлива констатация В.Н.Титова: «Образ иммигранта, создаваемый в прессе независимо от позиции на шкале оценок, неизбежно содержит коннотации «инового», которые легко при необходимости трансформируются в «чужого» [Титов 2003, с. 49]. Причем этот «другой» выступает в качестве коллективного тела, живущего собственной особой жизнью, имеющего осознанные интересы и реализующего их в общественной практике [О дискурсе СМИ относительно этнических мигрантов см.: Мукомель 2006; Титов 2003, с. 41–50; Карпенко 2002, с. 162–192; Карпенко 2004, с. 62–84; Язык мой... 2002; Малькова 2003, с. 135–147].

В свою очередь, и в кругах активистов национально-культурных обществ, которые тоже часто выступают под именем диаспор, также постоянно возникают проекты придания своим организациям квази-государственных функций. От властей требуют предоставления права выступать от имени «диаспоры» как единого тела и обладать властными полномочиями над его членами. Широко распространена, например, идея выдавать приезжим соотечественникам некие справки о благонадежности, без которых нельзя получить место на рынке. Просят иногда и права и обязанности депортировать «неблагонадежных», и т.д. [Подробнее см.: Дятлов 2004, с. 126–138].

Термины живут своей жизнью — и иллюзия, что это может быть жестко управляемый процесс. Люди сталкиваются с новыми явлениями, или по-новому осмысливают старые, пытаются вписать их в прежний социальный опыт, ищут и находят слова для этого. Иногда это старые слова и термины, неожиданно приобретающие новые смыслы, часто довольно причудливые. Борются с этим невоз-

можно, скорее всего — и не нужно. А вот фиксировать и анализировать этот процесс и его социальные последствия необходимо.

Это собственно и происходит в научной сфере. Радикальное расширение смыслового содержания термина диаспора происходит и здесь. Зачастую это происходит стихийно, термин, как и во внеаучной практике, употребляется без толкований и объяснений. Понимается, видимо, что содержание его настолько ясно, а явление им называемое, настолько определено, что особых комментариев просто не требуется. Поэтому иногда термин так далеко «отрывается от своих корней», приобретает настолько широкое содержание (вплоть до того, что он становится синонимом эмиграции или национального меньшинства), что вообще рискует лишиться всякого эвристического смысла.

Обычно же дискуссии ведутся вокруг набора критериев/признаков диаспоры, предложенного У.Сафраном и, все чаще, о том, насколько те или иные группы под эти критерии подпадают (и тогда могут быть описаны как диаспоры), или насколько они им не соответствуют (и тогда, в такой логике, это не диаспоры или полу-диаспоры) [Safran 1991, p. 83–84; Сафран 2004, с. 138–162; Сафран 2005, с. 98–122; Cohen 1997, p. 25; Шеффер 2003; Абрамян 2000, с. 52–76].

Есть прямой смысл перечислить эти признаки в изложении Л.Абрамяна: 1) члены группы или их предки переместились из определенного исходного «центра» в один или более «периферийных», или «иностранных» регионов; 2) они сохранили коллективную память, представление или миф о своей первоначальной родине — о ее физическом местоположении, истории и достижениях; 3) они уверены, что не стали, а возможно, и не могут стать полностью своими для «принимающего» общества, и потому чувствуют себя в некоторой степени отчужденными и изолированными; 4) они считают родину предков своей истинной, идеальной родиной, куда они или их потомки в конечном счете, возможно, вернуться (или должны вернуться), когда позволят условия; 5) они уверены, что должны коллективно поддерживать существование, безопасность и процветание своей первоначальной родины или способствовать ее восстановлению; 6) они продолжают относить себя к этой родине, персонально и/или через коллективные идентичности, и этим обстоятельством в существенной степени опре-

деляются их этнокоммунальное сознание и солидарность; 7) они хотят оставаться меньшинством, передавая последующим поколениям культурное (религиозное) наследие родины предков; 8) их культурная, религиозная и/или политическая связь с родиной существенным образом отражается в их общественных институтах [Абрамян 2000, с. 72].

Как и всякая жесткая конструкция, типология У.Сафрана вызвала массу критики, возражений и дополнений. Но важно отметить то, что дискуссия происходит на предложенной им площадке, что свидетельствует об эвристической ценности его исследовательской модели. Не вдаваясь в конкретику дискуссии, стоит подчеркнуть, что она полезна и важна, т.к. помогает выявить и сделать операциональными те смыслы и значения, которые стоят за этим термином, исторически сконцентрировались в нем. Это разработка инструментария, без которого нет качественного научного исследования. Менее плодотворны многочисленные споры о том, соответствует ли некая изучаемая группы набору этих критериев и является ли таким образом диаспорой или нет. Это легко может превратиться в довольно схоластическое и не очень полезное занятие.

Намного важнее и интереснее инструментальное применение этого концепта. Отличный пример такого подхода – концепция «диаспоры катаклизма» Р.Брубейкера. В ней сделана интересная (и потому дискуссионная) попытка применить диаспоральный исследовательский инструментарий для понимания характера такого нового феномена XX века, как меньшинств, образовавшихся в результате распада многонациональных империй за пределами этнически родственного государства. Их специфика, по автору, в том, что образовались они не в результате перемещения людей через границы, а вследствие движения самих границ и в том, что «диаспоры катаклизма» рождаются мгновенно, вследствие резкой «перетряски» политического устройства, нередко травматической для ее участников» [Брубейкер 2000; Абрамян 2000, с. 59; Космарская 2006, с. 488–491]. Здесь важно не то, можно или нет назвать эти группы диаспорами, а то, как наработанные в рамках этого подхода смыслы работают на понимание изучаемой ситуации.

Дискуссия вокруг эвристической ценности термина и понятия диаспоры, вокруг их содержательной насыщенности приобретает новое измерение в контексте жесткого противостояния примордиа-

листского и конструктивистского подходов³ к пониманию этничности. Наиболее четко и решительно высказал свои претензии по этому поводу В.Тишков: «Главная слабость в интерпретации исторического феномена диаспоры в современной литературе заключается в эссенциалистской⁴ реификации⁵ диаспоры как коллективных тел («устойчивых совокупностей!»), причем не только как статистических множеств, но и как культурно гомогенных групп, чего при более чувствительном анализе установить почти не удастся» [Тишков 2000, с. 46].

Резюмируя, можно сказать, в последние годы не просто вырос спрос на термин «диаспора», но и начался качественный прорыв в его осмыслении. Эту ситуацию стали отражать и новейшие энциклопедические издания. Это важно, т.к. они пытаются давать уже устойчивые значения слов. Для подтверждения приведу соответствующую статью для нового издания Большой российской энциклопедии.

«ДИАСПОРА (рассеяние, греч. *διασπορά* от *διασπείρω* рассеивать, разбрасывать, разъединять), первоначально совокупность еврейских общин, образовавшихся в различных частях ойкумены в результате насильственного исхода евреев из Палестины после разрушения 1-го и 2-го Храма (6 в. до н.э. и 1 в. н. э.). Исходя из этого понимания, термин «Д.» долгое время ассоциировался с изгнанием и передающейся от поколения к поколению коллективной памятью о покинутой родине. Иногда такая суженная трактовка Д., до сих пор имеющая своих сторонников, причисляет к диаспорным, кроме евреев, и представителей других народов со схожей судьбой (армяне, греки). Противоположная тенденция в понимании Д., особенно с кон. 1980-х гг., распространяет понятие Д. на множество экспатрированных *этнических меньшинств*, включая те, что достигли высокой стадии вынужденной или добровольной *ассимиляции*, а также группы, которые, проживая за пределами осн. этнич. территории, уже считают себя автохтонами по отношению к территории своего нынешнего расселения (см. также *Коренное население*).

³ См. примечание 2 на с. 12.

⁴ Эссенциализм - приписывание некоторой сущности неизменного набора качеств и свойств.

⁵ Реификация — овеществление абстрактных понятий, в результате чего они начинают мыслиться как нечто материальное.

Большинство исследователей, сходясь на том, что понятие Д. определяется 3 признаками. 1) Собственно рассеяние — расселение народа или его части за пределами осн. этнич. территории (этнической, исторической родины) в результате *миграций* различных типов либо изменения государств. границ. Данный признак является необходимым, но недостаточным для определения этнич. меньшинства в качестве Д. 2) Сохранение на протяжении жизни неск. поколений этнокультурной *идентичности*, служащей границей между диаспорной группой и, как правило, более многочисленным принимающим обществом. Такая идентичность часто поддерживается разветвлёнными сетями поддержки и институтами, связывающими группу как с родиной, так и с родств. общинами в других странах. 3) Особое отношение к реальной или воображаемой родине, на которую продолжают ориентироваться эмоционально и/или политически члены Д., что предстаёт в виде широкого континуума чувств и форм поведения — от хранимой в семье памяти о своем происхождении, сохранения ключевых элементов культурного наследия (в т.ч. языка) до активного интереса к судьбе родины и происходящим там событиям; от регулярных контактов с оставленными родственниками до участия в «домашних выборах» и готовности сражаться за родину. Названные критерии должны применяться с учётом причин переселения, ситуации в стране исхода и положения группы в принимающем обществе и государстве. Напр., при оценке этнокультурной отличительности диаспорной группы должны учитываться такие явления, как культурный *синкретизм* и *культурная гибридизация*. Существуют различ. типологии Д., в зависимости от обстоятельств «рассеяния» группы, характера экономич. деятельности её членов, особенностей их этнич. идентичности, социально-политич. статуса в принимающем обществе. Обычно выделяют Д.-жертвы (евреи, армяне и др.); торговые, или посреднические (армяне, китайцы, ливанцы и др.); трудовые (представители этнических групп, покинувшие родину по экономическим причинам); «имперские» (напр., британцы). Понимание Д. зависит также от разделяемой тем или иным исследователем концепции *этничности*. Сторонники *примордиализма* видят Д. группой с чётко заданными границами, подобной сословию или касте, куда попадают по врождённому признаку этничности (Шеффер); приверженцы *конструктивизма*, напротив, апеллируют к чувствам и поведению индивидов, которые могут меняться в зависи-

мости от многих обстоятельств их жизни (Тишков, Брубейкер)» [Комарская 2007, с. 718–719].

Какое отношение эти общие рассуждения имеют к армянам? То, что их традиционно принято называть диаспорой (и они сами в массе своей поступают таким же образом – во всяком случае, никто не протестует) свидетельствует и о том, что в массовом сознании неразрывно объединены, слиты самые разнообразные группы и феномены. Иногда, правда, различия фиксируются. Так, министр иностранных дел Республики Армения первых лет ее существования Ваган Папазян сформулировал это достаточно четко: «Смотря что мы подразумеваем под диаспорой. Ее как цельной общности не существует. Есть ближневосточная, северо- и латиноамериканская, французская, российская армянские диаспоры» [«Независимая газета» 1993, 22 июля].

Можно дополнить этот список и другими странами и континентами. И это не просто проблема географического разброса. Армяне в качестве этнического меньшинства живут среди представителей самых разнообразных национальностей и культур, в странах с радикально отличающимися политическими режимами и моделями социально устройства. Они неизбежно адаптируются – и глубина этой адаптации может быть также различной – от поверхностного усвоения языка и норм поведения в принимающем обществе до ассимиляции. Очень многое зависит здесь от давности проживания в принимающем обществе. Это могут быть и их уже практически коренные жители (по гражданству, давности проживания предков, культуре, языку), и недавние мигранты, сугубые новички. Постоянные жители или временные трудовые мигранты. Или вновь прибывшие беженцы. Люди, сами покинувшие свою страну или оказавшиеся в другой стране из-за изменения границ. Характер отношений в принимающем обществе формирует соотношение коммунизма, общности и индивидуализма, индивидуального самоопределения – крайние точки здесь демонстрируют США и Ливан.

Принципиально важна история прибытия в принимающую страну: когда, при каких обстоятельствах и в силу каких причин они или их предки покинули историческую родину и прибыли на родину новую (или место временного пребывания). Можно уверенно предположить, что психология, этническое самоощущение, образ жизни потомков беженцев в результате геноцида 1915 года отлича-

ется от соответствующих характеристик современных трудовых мигрантов, покинувших родину в результате осознанного личного выбора. По мнению Л.Абрамяна, «основной массив современной армянской диаспоры был образован после геноцида 1915 г. причем некогда совместно пережитое страдание может стать отличительной характеристикой экспатрированных групп, формируя коллективную память поколений, которые сами не испытали драматического процесса начального расщепления». Сложен вопрос и с исторической родиной. Л.Абрамян пишет о глубоких «исконных» культурных (вплоть до существования двух языков со своими литературными формами и орфографией) и исторических различиях Восточной и Западной Армении, на протяжении многих веков входивших в состав разных государств [Абрамян 2000, с. 60–61].

Список различий и разделительных линий этими, наиболее видимыми характеристиками не заканчивается. Не стоит забывать, что зарубежные армяне сейчас – это потомственные горожане и выходцы из деревни (а это тоже разные культуры), люди разных социальных и профессиональных статусов, уровней образования. Глубоко верующие (и тогда – представители разных конфессий), агностики или атеисты. Говорящие или не говорящие по-армянски. Люди, тесно связанные с Арменией и те, для кого это «виртуальная реальность», довольно абстрактный образ исторической родины.

И, наконец, носители разных стратегий национального самоопределения. Последнее особенно важно, ибо есть огромные различия между теми, кто на основе своей национальной самоидентификации выстраивает жизненные стратегии, систему связей и отношений, включается в социальные и деловые сети и создает их, и теми, для кого «армянство» - вещь довольно абстрактная и не определяющая жизненные стратегии и практики. Иногда даже мешающая, скрываемая или не афишируемая, но навязываемая окружающими – такую драматическую ситуацию рассматривает С. Гусейнова в статье о бакинских армянах в независимом Азербайджане [Гусейнова 2006, с. 116–149].

Приведем для иллюстрации два текста, концентрированно выражающих две крайние позиции в вопросе национального самоопределения.

Статья в газете «Еркрамас», издающейся в Краснодаре, с заголовком «Принадлежность к армянству доказываем делом»: «Мы

должны хранить традиции нашей нации как собственную жизнь, и защищать себя от ассимиляции. Мы не имеем права забывать те национальные святыни, которые пришли к нам от наших предков и обязаны передать их будущим поколениям, а не уничтожать своими руками. Если мы сегодня не будем рассказывать нашим детям о героях армянского народа, о героических битвах и победах нашей нации, то последующее поколение будет признавать уже героев других народов. Мы не должны беспокоиться о том, чтобы нас все вокруг любили, в первую очередь мы должны сами себя любить и уважать. Говоря «мы», я говорю о нашей нации. Нас постоянно пытаются разделить, даже мы сами говорим: «ты – ереванец», «ты – кировабадец», «ты – ленинканец» и т.д. Но ведь мы все просто армяне. Армяне. Наша разобщенность на руку нашим недругам. Понимая все это, мы должны быть ближе друг к другу, независимо от того, где родились или прожили. Наши дети должны брать с нас пример, и жить как армяне, думать как армяне. Кровь, пролитая нашими предками за наше право на жизнь, не должна быть напрасной. Если я армянин, значит должен жить как армянин, в армянском окружении, и по мере собственных возможностей быть полезным нашему народу - и материально, и физически, и интеллектуально... Только лишь слушая армянскую музыку и кушая армянские блюда, армянином не станешь, нужно свою “армянскость” доказывать делом... Не участвуя в армянской общественной жизни и отстраняясь от всего армянского, мы растворяемся среди других, оставаясь в итоге чужими и для армян, и для народов, среди которых живем. Те, кто не участвует в армянских мероприятиях, только потому, что они армянские, унижают само понятие армянства, считая себя выше него и не понимая, что выше армянства только небо Армении. Но Нация - это святыня, а не предмет для торговли. Честь нашей нации в наших руках, мы из этого мира уйдем, а нация наша останется, и будет жить столько, сколько будет жить планета Земля» [Буранян 2007].

Не менее характерен и красноречив заголовок статьи в американском англоязычном журнале «Арагат»: «Ну, мой папа был армянином, да...» [Нагорян 1961; русский перевод: Хагопян 2000, с. 216–225. Отклики на статью опубликованы в: Ararat 1961; русский перевод: Диаспоры 2002, с. 70–78]. Автор – американский армянин во втором поколении, профессор американской литературы в Гер-

мании — пытается понять, что означает для него самого и для окружающих его двойная американо-армянская (дефисная) идентичность. Его раздражает стремление окружающих навязать ему «армянство» исходя из его происхождения и характерной фамилии (которую он поэтому даже пытался менять). Он бунтует против предопределенности, примордиальной приписанности к группе по факту рождения, отстаивает право на личностное самоопределение. Не отрицая своих армянских корней, он хочет сам решать, кем ему быть (и быть ли кем-то в этническом отношении). Он отрицает значимость для себя армянского языка (которого он и не знает), армянской исторической и культурной традиции, религии и народных обычаев. «Я не могу определить, что значит для меня «быть армянином». Собственно, я не вполне понимаю, что значит для меня быть американцем, а ведь Америку я постигал опытным путем, а не генетически. Кроме того, поскольку я профессор американистики в германском университете, быть американцем является частью моих профессиональных обязанностей. И я только-только начинаю открывать для себя, что значит быть Джоном Хагопяном... Конечно, процесс осознания себя, обретения своего «я» неотделим от определенного жизненного контекста, испытывает на себе прямое или косвенное воздействие конкретных людей, среды, обстоятельств, жизненного опыта. Человек может и должен приложить все силы к тому, чтобы осознанно и разумно усвоить и переработать этот опыт — так, чтобы жить полной жизнью. Ставить же какие-то искусственные рамки и говорить: «Я считаю себя армянином (американцем, балуба), и поэтому буду пускать в свой мир и ценить лишь армянское (американское, балубское), будь то люди, вещи, страны, города и т.д.» — означает калечить себя».

Зарубежные армяне — это гигантское многоцветье, разнообразие жизненных историй, культур, языков, образов жизни и стилей мысли. Что же может последовать из-за сведения, редукции этого многообразия к одному слову «диаспора»? Неизбежно возникает вопрос: насколько инструментарными в такой ситуации являются эти термин и понятие, насколько помогают они изучать сложные реальные процессы? Возможно еще более важный вопрос: не создает ли такая ситуация дополнительных сложностей и проблем во взаимоотношениях «представителей диаспоры» и их отношениях с внешним миром — прежде всего, принимающим обществом? Не возник-

кает ли из-за этого сложностей во взаимопонимании во внутриармянских взаимоотношениях?

Или, наперекор этим гигантским различиям все-таки, как убеждены Ж.Ананян и В.Хачатурян, «армяне, независимо от того, в каком регионе мира они не находились бы, продолжали жить как единая нация, сохраняя цельность национального духа, свою самобытную культуру и нравственные устои» [Ананян и Хачатурян 1993, с. 3]?

Что это: конструирующая работа «этнических предпринимателей», создающих «нацию»? Низовое, возможно не очень отрефлектированное, слабо осмысленное, но мощное ощущение «единства в многообразии» - и при этом проведение четкой границы между армянами метрополии и армянами зарубежья?

При попытке ответа на эти вопросы не обойтись без авторского понимания феномена «диаспоры». Мне представляется, что диаспора – это не просто рассеяние, пребывание представителей некоей этнической группы вне своего «национального очага» в качестве национального меньшинства. Тогда неизбежен следующий вопрос – что такое этническая группа, кто такие ее представители и почему, что такое этничность вообще. Мне чуждо примордиалистское представление о врожденном или автоматически унаследованном свойстве этничности, об этносе как вечном и неизменном субъекте общественных отношений.

Поэтому диаспору я понимаю как особый тип человеческих взаимоотношений, как специфическую систему формальных и неформальных связей, жизненных стратегий и практик людей. Эти связи, стратегии и практики основаны на общности исхода с «исторической родины» (или представлениях, исторической памяти и мифах о таком исходе), на усилиях по поддержанию образа жизни «в рассеянии» - в качестве национального меньшинства в иноэтничном принимающем обществе. Диаспора – не данность, ее существование (или не существование), возникновение и исчезновение, может быть ситуативным ответом на вызов времени, места и обстоятельств. Исходя из такого подхода, наличие совокупности лиц одной национальности, живущих вне национального очага – это еще не диаспора, а только необходимое условие к ее реализации. Другими словами, одни и те же люди, совокупность этих людей, могут быть, а могут и не быть диаспорой.

Диаспоральные связи и отношения людей, диаспоральная логика их поведения могут быть мотивированы различными обстоятель-

ствами и контекстами — и потому наполняться разным содержанием. Диаспоральность может выступать и выступает, в частности, как стратегия адаптации мигрантов к принимающему обществу.

Проиллюстрируем это на примере современной России, куда направлен огромный поток трудовых мигрантов из Армении. По оценке директора Института философии, социологии и права Национальной академии наук РА Г.Погосяна, за 1997–2006 гг. из Армении эмигрировал один миллион человек, в т.ч. до 80% — в Россию [«Ноев ковчег» 2006]. Всего же, за 1998–2002 годы число этнических армян в России выросло с 532,4 тыс. до 1130, 5 тыс. человек [Население России 2006, с. 72].

Это отражает принципиальную новизну современной этномиграционной ситуации в России, которая состоит не просто в формировании массовых трансграничных потоков трудовых мигрантов, в стремительной и устойчивой динамике этого процесса. Суть проблемы — в беспрецедентно высокой роли этого фактора в экономической, этнокультурной, социальной, политической, возможно и геополитической сферах жизни. Россия превращается в страну мигрантов — и это может оказаться радикальным поворотом в становлении ее нового качества.

Сейчас не просто растет количество мигрантов — меняется сам тип мигранта, его система мотиваций, образ и стиль жизни, адаптационные возможности и ресурсы.

В советский период (по крайней мере, после войны) на самоощущении мигрантов и их потомков, их самоидентификацию, образ и стиль жизни огромное влияние оказывала политика советских властей, подозрительно относившихся к национальной самоорганизации, к диаспоральности, стремившихся унифицировать, советизировать, а фактически максимально быстро русифицировать мигрантов. Отсюда — пониженное (хотя и куда более высокое, чем у принимающего большинства) место этнической самоидентификации на общей шкале ценностей у мигрантов и их потомков. В том же направлении действовал и внутригосударственный, межрегиональный характер миграции. Равный правовой статус мигрантов, возможность свободного общения с «национальным очагом» в рамках единого государства уменьшали опасения по поводу сохранения этничности. Свежая память о сталинских репрессиях заставляла опасаться связи с «национальными очага-

ми» вне пределов государственных границ, делая демонстрацию диаспоральности занятием небезопасным или тупиковым с точки зрения выстраивания успешной жизненной стратегии. Можно предположить, что этничность в качестве ресурса адаптации и достижения успеха на новом месте вряд ли играла решающую роль в жизненной стратегии мигрантов.

Современный период принес радикальные перемены в ситуацию. В качественно новое состояние пришли межнациональные отношения. С одной стороны, с окончанием политики официального интернационализма проблема перестала быть табуированной, ушли в прошлое внешние запреты и внутренняя неловкость при ее обсуждении. С другой, повсеместно и быстро идут процессы, часто называемые «национальным возрождением», растет значение этничности, национальный фактор мощно врывается в политику как инструмент политической мобилизации и борьбы за власть. Многие социальные конфликты приобретают этническую окраску. Существовавшие всегда национальные предубеждения, предрассудки, реальные и мнимые обиды и недовольства открыто проговариваются и становятся фактором общественных отношений.

К представителям мигрантских этнических меньшинств (или к тем, кого считали таковыми) и раньше неявно относились как к группе, теперь же это приобретает массовый и открытый характер, в том числе и на официальном уровне. Такое отношение может носить нейтральную, негативную или позитивную окраску, но в любом случае оно заставляет и самих мигрантов консолидироваться или, по крайней мере, рассматривать себя и в таком качестве.

Составной частью радикальных перемен постсоветского периода стало формирование совершенно новой миграционной ситуации. Одна из ее ключевых характеристик, как уже отмечалось, – стремительный рост потоков трансграничных миграций. Этому способствовали рыночная трансформация экономики, открытость границ и свобода передвижения.

Часть прежде внутренних миграций с распадом СССР автоматически стали трансграничными. Вчерашние соотечественники превратились в «граждан ближнего зарубежья» – с принципиально новым статусом и набором проблем (экономических, культурных, правовых). Остро встали проблемы поддержания связей с родиной, которая оказалась теперь хоть и «ближним», но «зарубежьем». Эта

задача требует теперь больших усилий, лучше всего — коллективных. То же самое относится к проблемам статуса, защиты экономических прав, сохранения языка и культуры и т.д. На родине идут бурные процессы «национального возрождения», строительство новой государственности часто происходит на этнократической основе. Человеческие и материальные ресурсы мигрантских сообществ рассматриваются там как важные факторы этого строительства и борьбы за власть. Поэтому из метрополий прилагаются большие усилия для консолидации соотечественников в России — как правило, на национальной основе. Количество мигрантов из «ближнего зарубежья» резко возрастает, меняется сам тип мигранта, его система мотиваций, образ и стиль жизни, адаптационные возможности и ресурсы.

Мигрант этой волны и этого типа неизмеримо больше чем в советскую эпоху нуждается в системе групповой поддержки, в сети родственных, клановых, этнических связей. Все эти факторы радикально увеличивают структурообразующее значение этничности, национальной самоидентификации, формируют диаспоральное самосознание, дают мощный толчок к строительству диаспор. Структуры и сети на этнической основе, существовавшие и раньше, разрастаются, качественно меняется их значение как ресурса выживания и делового и социального успеха.

Совершается и «ментальный рост» — появление этих групп (именно в качестве групп) в сознании, как собственном, так и окружающих. И новые мигранты, и старожилы, приписанные советской властью к той или иной этнической группе и в той или иной степени ощущавшие свою связь с нею, начинают чувствовать себя группой, в некоторых ситуациях вести себя как члены группы, формируют сеть связей и отношений на этнической основе. Как сейчас принято говорить, *позиционируют* себя в таком качестве. Исходя из такого понимания, можно говорить о диаспорах как новом элементе социальной жизни. Происходит радикальный сдвиг — от присутствия представителей этнических меньшинств к их структурированию, формированию общин, с их институтами, активистами, поиском ниши, выдвижением коллективных (или от имени коллектива) целей.

При этом накапливается огромное конфликтное напряжение между мигрантами и принимающим обществом по линиям:

- этнокультурных различий;
- контраста культур города и деревни;
- между современной (индивидуалистичной, индустриально-городской) и традиционалистской (коммуналистской, общинной) моделями социального поведения, регулирования и контроля.

В реальной жизни (и в восприятии людей) все это не расчленимо, вытекает одно из другого. Зачастую два последних фактора воспринимаются и оцениваются через призму этнокультурных различий. А так как до сих пор в обществе господствуют примордиалистские представления об этничности, то и различия эти часто видятся непреодолимыми.

В условиях, когда массовый приток инокультурных мигрантов неизбежен – и так же неизбежен конфликтный характер этого процесса – жизненно важной задачей принимающего общества и государства является выработка стратегии управления процессом. Цель стратегии – добиться формирования такой ситуации, когда разнообразие не угрожало бы базовым ценностям всех сторон, всех участников процесса и, что не менее важно, не воспринималось бы ими как угроза.

Это предполагает, прежде всего, взаимную адаптацию. Без этого мигранты не смогут реализовать свои миграционные ожидания, а принимающее общество не будет чувствовать себя в безопасности. В самом общем виде адаптация включает в себя натурализацию, т.е. вывод максимально большого количества мигрантов в правовое пространство; аккультурацию, приобщение мигрантов к нормам и ценностям принимающего общества; привыкание принимающего общества к мигрантам, к культурному многообразию в качестве нормы.

Успех во многом зависит от уровня и характера удовлетворения адаптационных потребностей мигрантов. В принимающем обществе мигрант остро нуждается в статусе (гражданство, вид на жительство, пребывание-проживание, прописка-регистрация, разрешение на работу и т.д.); безопасности; связях (вхождение в сложную паутину связей, сетей и отношений в принимающем обществе – непременный залог делового успеха и завоевания социального статуса); информации.

Это необходимо для:

- обеспечения миграционного трафика (от принятия решения ехать до обустройства на новом месте);

- создания условий для эффективной экономической деятельности;
- поддержания отношений с исторической родиной (от переводов и поддержки семей до возможности быть погребенным в родной земле);
- обеспечения социокультурных и бытовых проблем (от необходимости освоить язык, нравы, обычаи, нормы, манеры поведения, одежды и т.д. принимающего общества до сохранения и поддержания собственной идентичности, сохранения родного языка, обычаев, норм, манер).

Опыт показал, что добиться решения этих сложнейших задач индивидуальными усилиями мигранта невозможно. Необходима система, механизм обеспечения безопасности, оказания посреднических и информационно-консалтинговых услуг. Важнейшим способом обретения такого механизма и становится стратегия диаспорализации. В ее рамках мигранты формируют формальные и неформальные сообщества и организации, которые, помимо других функций, помогают им осваиваться в социальном пространстве российских городов. Это прямой путь к актуализации общинности.

Слово «община» употребляется в текстах о мигрантах так же часто, как и «диаспора» [Попков 2003, с. 126–151; Мокин 2006, с. 150–168; Фирсов 2006, с. 72–91; Фирсов, Кривушина 2004, с. 45; Степанян 2004, с. 46–63; Чикадзе 2000, с. 196–214]. И так же, как правило, без объяснения и толкования – как общепонятное и общепринятое. Между тем, анализ текстов показал, что могут подразумеваться очень разные вещи:

- территориальная механическая совокупность людей, относящих себя или относимых окружающими к некой группе (этнической, конфессиональной и т.д.);
- среда (мильё) – система и сеть формальных и неформальных связей, отношений, структур;
- институция (например, национально-культурное общество или автономия);
- механизм социальной организации, власти и контроля, действующий через систему институтов, норм, ценностей, санкций.

Именно последнее значение легло в основу представления об общинности, как особом типе общественных отношений. Из многовекового опыта общемирового феномена «торговых меньшинств»

известно, что общинность — это важнейший ресурс их экономического успеха [Дятлов 1996]. Более сложен и неоднозначен вопрос о роли этого фактора в процессе адаптации. С одной стороны, сам факт экономического успеха для трудового мигранта — это и индикатор успешности адаптации, и залог дальнейшего продвижения на этом пути. Диаспоральная инфраструктура, сети и механизмы взаимной поддержки, могут стать и становятся инструментами интеграции мигрантов в принимающее общество.

Различного рода посреднические, консультационные услуги, помощь в первичной адаптации мигрантов оказываются по линии *неформальных структур* — семейных, земляческих, клановых. С их помощью мигрант-новичок может найти работу, жилье, решить очень трудные проблемы с регистрацией и обретением легального статуса, войти в контакт с «нужными людьми». Неоценимо значение таких услуг в сфере бизнеса. Возможность «решать вопросы» с чиновниками, представителями правоохранительных органов, местным криминалитетом является залогом не просто успеха, а и самого существования бизнеса.

По словам президента Республики Армения Р.Кочаряна: «Наличие спюрка — огромной диаспоры — также оказывает воздействие на рост числа эмигрантов. Ведь армянам оказывается проще осесть на новом месте — уже существующая диаспора способствует этому, помогает на первых порах обустроиться, быстро найти работу» [«Известия» 2000, 22 сентября].

Эта инфраструктура имеет сложный и многослойный характер, большая ее часть неформальна и не видима извне. Родственники, соседи, земляки формируют те сети, по которым распространяется информация, оказывается поддержка, распределяются ресурсы. На их основе функционируют отношения «патрон-клиент», на них базируются деловые партнерства, с ними связаны «крыши» и криминальные структуры. Важный «узел» этих сетей — рынки, которые сочетают функции хозяйствующих субъектов и торговых площадок с функциями социальных организмов.

Видимая, юридически оформленная и признанная властью часть этой системы — национально-культурные общества (НКО). И хотя по уставам и по определению, их основная задача — поддержание и развитие национальных культур, обычаев и языков, на деле это часто становится задачей второстепенной. Реальная (и высоко цени-

мая) деятельность концентрируется в сфере взаимодействия с властями, лоббировании, различного рода посредничестве, оказании соотечественникам комплекса жизненно важных услуг в этой сфере.

По отзывам активистов и лидеров НКО, от них ждут помощи в решении проблем статуса, первичного обустройства мигрантов, решения разнообразных проблем взаимоотношений с властями. Это также инструмент взаимопомощи в сложных или чрезвычайных ситуациях. В некоторых НКО принято в случае внезапной смерти своих членов или просто земляков брать на себя все расходы и организационные усилия, связанные с отправкой тела усопшего на родину. Формальными или неформальными лидерами НКО являются люди влиятельные, часто богатые, обладающие большими связями в городе. Их покровительство – большой ресурс для новичка, а через НКО возможен прямой контакт с ними.

В чем же интерес этих сильных людей, что заставляет их тратить немалые средства и, что еще дороже, время на работу в НКО? Более того, бороться за лидерство в этих общественных организациях? Причины разные и их немало. Естественно, это удовлетворение нормального стремления к лидерству, престижу и социальному признанию. Кроме того, руководящее положение в НКО, помощь его рядовым членам, позволяют строить отношения с ними на принципе «патрон-клиент». Это значительный социальный и экономический ресурс. Еще больший ресурс – высокий статус в городском сообществе, признанное место в его иерархии, прямые выходы на представителей властей и возможность, говоря современным бюрократическим языком, «решать вопросы».

Типична ситуация, когда лидеры и активисты национально-культурных обществ лоббируют интересы представляемых ими групп и их отдельных членов в коридорах власти. Они проводят пиаровские кампании в местных СМИ, делают общеполитические заявления. Некоторые из них постепенно входят в местный истеблишмент именно в качестве штатных национальных лидеров.

Лидерство в НКО – это возможность прямого контакта с властями государств исхода. Новые независимые государства, особенно Закавказья и Центральной Азии, их правящие элиты, стремятся контролировать соответствующие диаспоры, использовать их финансовые и человеческие возможности для национального строительства, борьбы за власть.

Кроме того, лидеры, уже интегрировавшиеся в местное сообщество, кровно заинтересованы в установлении максимально возможного контроля над мигрантами-новичками, с тем, чтобы контролировать их поведение. Сознательное или, чаще, несознательное нарушение ими норм и правил поведения принимающего общества создает соответствующую репутацию всей этнической группе, больно бьет по ее оседлой, постоянной части.

Вся эта система функционирует в рамках рыночных отношений, является ее интегральной частью. Поэтому оказываемые в ее рамках услуги стоят денег. Но это не единственная цена. Основная плата – это подчинение, вхождение в систему непреложных обязательств, клиентельной зависимости.

Результат – формирование общинного ядра, не только и столько среды людей одного языка и культуры, сколько механизма социального господства, контроля и подчинения. Со своими законами, механизмами их выполнения и системой санкций. Община и общинная солидарность могут функционировать и как механизм взаимной поддержки и контроля, и как оружие в борьбе за ресурсы в принимающем обществе. Они обладают огромным мобилизационным потенциалом.

Диаспоральную стратегию адаптации мигрантов можно уверенно оценить как вполне успешную и эффективную. Но в ней же заключается источник уже формирующихся проблем и конфликтных ситуаций. В результате диаспорализации возможно формирование неких твердых «ядер», непроницаемых для посторонних. Это предпосылка для «закукливания» мигрантов в рамках своих общностей, что явно может понизить их стремление к социокультурной интеграции в принимающее общество. Напрашивается гипотеза о том, что такое общинное образование закрыто от принимающего общества не только социокультурной и этнической чужеродностью, но и принципиально отличным типом социальных связей, регулирования и власти. Неизбежное и далеко идущее следствие формирования ядра общинности в атомизированном, индивидуалистичном обществе – постоянный контакт и взаимодействие двух разных, возможно несовместимых типов социальной организации. Разнотипных механизмов регулирования человеческого поведения. Разных образов жизни, систем ценностей и взглядов на мир.

И если в дореволюционной России, или, скажем, в современном Ливане, где и принимающее общество во многом было или является общинным, такое общинное образование органично встраивалось в общинное же общество (модель гетто), то в современной России неизбежны отторжение и конфликт.

Диаспоральная стратегия интеграции мигрантов в ее общинном варианте – феномен по условию временный, переходный. Неудачливые мигранты уезжают или маргинализируются (и это отдельная проблема), успешные адаптируются, вживаются в принимающее общество, переставая быть в результате мигрантами. Их дети – в любом случае. Продолжают ли они испытывать потребность в общинности? И что происходит в таком случае с диаспоральностью?

И здесь опыт зарубежного армянства дает огромный и интересный материал для ответов на эти вопросы. Контрастный опыт Ливана и США свидетельствует о том, что принципиально важное значение имеет контекст – характер взаимоотношений в принимающем обществе.

Попав в Ливан в качестве беженцев после геноцида 1915 года и последующих событий, армянские мигранты выжили и добились экономического и социального успеха опираясь, прежде всего, на механизмы внутриобщинной солидарности. И не случайно так быстро сформировалась разветвленная, всепроникающая и эффективно действующая инфраструктура землячеств, религиозных, благотворительных, культурных, спортивных организаций, школ и специальных учебных заведений, торговых палат и ассоциаций, пережили второе рождение традиционные политические партии, ставшие костяком внутриобщинной жизни. Взаимопомощь в этой системе выступала органической составной частью и даже инструментом жесткого внутреннего социального контроля, власти и регулирования.

По мере адаптации и превращения из мигрантов в постоянных, укорененных жителей страны, армяне Ливана сохранили и укрепили эту общинную организацию – вплоть до формирования элементов внутреннего самоуправления и формирования собственной милиции во время гражданской войны. Основная причина здесь – общинный характер самого ливанского общества. Полноценное социальное существование в нем возможно лишь через группу, причем группа эта носит примордиальный общинный характер. Участие в

группе — не предмет личного добровольного выбора, а непреложная данность. Сейчас высказываются опасения по поводу слишком далеко зашедших процессов культурной интеграции, связанной с арабизацией школьного образования, ростом числа смешанных браков, вовлеченность армянской политической, экономической и интеллектуальной элиты во внутриливанские дела и т.д. По словам А.Санджяна, «если предоставить событиям идти своим путем, ливанские армяне в конце концов, хотя и в отдаленной перспективе, станут еще одним арабоязычным христианским меньшинством в преимущественно мусульманском арабском мире [Санджян 2005, с. 142]. Но даже если эти процессы ассимиляции действительно настолько серьезны (что представляется спорным и требующим дальнейшего изучения), они вряд ли затронут основы функционирования и мощь общинных институтов. По крайней мере, до тех пор, пока в основе общественной и политической жизни Ливана будет господствовать общинная система.

Совершенно иной вариант развития событий мы можем наблюдать в глубоко индивидуализированном обществе США. Только там и мог появиться текст Д.Хагопяна, обосновывающий право на личный выбор этнической идентификации и на добровольное участие (или неучастие) в общественных сетях, структурах и отношениях, функционирующих на этнической основе.

Право индивидуального выбора не означает отрицания. Опыт индустриальных, городских, индивидуализированных обществ показал, что общинность в ее традиционном виде — не единственная основа диаспоральности. В ней не нуждаются и ею откровенно тяготеют старожилы, люди вполне интегрированные в принимающее общество. Частица личной свободы — такая плата за теплоту общинных отношений кажется им слишком большой и обременительной. Но и у них есть потребности, заставляющие объединяться по национальному признаку. Это стремление сохранить язык и культуру «исторической родины», поддержание чувства причастности к ней, религия. Для удовлетворения этих потребностей люди вступают в добровольные связи, отношения, создают сети и институты. Кроме того, подобные добровольные объединения на этнической основе могут быть иногда дополнительным ресурсом, в том числе ресурсом политическим. Но все это не общинность — ибо в основе самоорганизации лежит личный и свободный выбор, а не чувство

примордиальной принадлежности к группе по факту родства, землячества, клана и т.д.

Чрезвычайно важно и то, что современное рыночное, индустриальное, индивидуалистическое общество, готовое не просто мириться с этническим и культурным разнообразием, но и часто способное в рамках стратегии мультикультурализма поддерживать и развивать это многообразие, вряд ли сможет и захочет принять и интегрировать общинный тип организации, власти и регулирования человеческого поведения.

Таким образом, можно предположить, что в основе диаспоральной жизни могут лежать разные потребности и разные принципы самоорганизации. Уход в историю общинности, индивидуализация, формирование гражданских наций, размывание этнических культур может вести не к уничтожению феномена диаспоры, а к его глубокой трансформации и устойчивому функционированию в новом качестве.

Глава 2. Миграции армян: причины и направления

Э.Мелконян

Одной из характерных особенностей истории Армении является проживание части армянского народа на протяжении долгих веков вне своей этнической территории, родины – иначе говоря, существование армянского зарубежья, диаспоры.

Сегодня большинство армян проживает за пределами Республики Армении. Наиболее многочисленными являются армянские общины в Российской Федерации (1 миллион 130 тыс. по данным переписи и около 2 млн. по экспертным оценкам), в США (более 1,2 млн.), во Франции (около 450 тыс.), в Грузии (248 тыс. по данным переписи, около 350 тыс. по экспертным оценкам), в Украине (около 130 тыс.), в Иране, Ливане, Сирии, Аргентине, Канаде (в каждой – около 80 тыс.). Армянские общины существуют также в десятках других стран Европы, Америки, Азии и Африки [Армянская диаспора 2003; Даллакян 2004; Ter Minassian 1989; Boudjikianian-Keuroghlian 1982].

Армянское государство – одна из могущественных держав Западной Азии в период царствования Тиграна II (I в. до н. э.) – позднее вступило в период затяжного кризиса и стало ареной военно-политического противоборства ведущих держав этого региона. В 387 г. это привело к первому разделу территории Армении между Ираном и Восточной Римской империей (Византией) [Саркисян, Худавердян, Юзбашян 1998]. Этот год условно можно считать началом истории армянского зарубежья. Именно с этого времени эмиграция армян из Армении становится постоянной и важной характеристикой их истории.

В последующие века эмиграция армян, как и иных народов, была обусловлена в первую очередь экономическими, религиозными и политическими факторами. Однако, что важно отметить, в отсутствии собственной государственности эти факторы неизбежно сопровождалась и дополнялись жесткой дискриминацией армян со стороны иноземных правителей, включая такие ее крайние формы как погромы, насильственные изгнания, массовые убийства и др.

Еще в III–IV вв., в период царствования в Сасанидском Иране Арташира I и Шапуха II, были осуществлены первые массовые насильственные переселения армян в Иран, в том числе и с целью развития торговли, ремесел и других сфер деятельности в этой стране. Переселения в Иран продолжились и в последующие века. В свою очередь, Византия, искусно сочетая меры принуждения и поощрения, на протяжении столетий (до XI в. включительно) проводила последовательную политику, целью которой была миграция армян в различные области империи – в Македонию, Фракию и пр. Обосновавшиеся здесь армянские князья и военачальники успешно интегрировались в византийское общество, вплоть до основания ими Македонской или Армянской династии императоров (867–1057 гг.) [Каждан 1975].

В истории армянского народа особую значимость имело переселение в Киликию. В этой, находящейся на северо-восточном побережье Средиземного моря области армяне проживали издавна, однако их массовое переселение сюда началось в VIII–X вв. Помимо крестьян и ремесленников, в Киликии обосновались также крупные феодалы со своими вассалами, военачальники со своими войсками, которые вскоре не только заняли господствующее положение в социально-экономической структуре местного общества, но и основали в 1080 г. свое княжество, а в 1198 г. суверенное государство – Киликийское армянское царство [Микаелян 1952; Mutafian 1988]. Возрождение армянской государственности в Киликии ознаменовалось развитием всех сфер жизнедеятельности армянского народа. О значимости Киликийского царства свидетельствует перенос сюда с 1149 по 1441 гг. престола главы Армянской апостольской церкви Католикоса всех армян (в городе Ромкла, а затем в столице царства городе Сис, после чего престол был возвращен в Вагаршапат – Св. Эчмиадзин). Киликийское Армянское царство просуществовало до 1375 г., когда оно пало под ударами мамлюков. Это привело к эмиграции части местных армян в Италию, Сирию, Францию и другие страны, однако в большинстве своем они продолжали жить здесь еще пять с лишним веков, до конца 1921 г., а сама Киликия стала для армян частью их родины.

Расширению географии армянского зарубежья в значительной степени способствовало активное участие армян в организации и осуществлении торговых связей между Востоком и Западом, начи-

ная с XIII в. Торговые маршруты армянских коммерсантов пролегли от Ирана и Индии до Португалии и Франции, а обосновавшиеся на юге России (Астрахань, Новый Нахичевань и др.) армяне сыграли важную роль в налаживании торговли между Россией и Ираном, транзитной - через Россию - торговли между Востоком и Западом. На всем протяжении торговых путей армянские купцы основывали торговые дома, на основе и вокруг которых формировались армянские общины [Бродель 1988, с. 143–146].

Эмиграция армян значительно усилилась вследствие вторжения в VII в. арабов, а начиная с XI в. также турков-сельджуков, татар, монголов. В этот период помимо сравнительно близких регионов – Месопотамии, Сирии, побережья Малой Азии и др., большое число армян расселяется также в Крыму, Румынии, Польше, Венгрии, Киевской Руси, Болгарии и в других странах [Абрамян 1964, 1967; Алподжян 1941, 1955, 1961; Ананян и Хачатурян 1993; Бархударян и Екавян 1996; Григорян 1980].

Особенно тяжелые и необратимые последствия для армян имело вторжение турок-османов, которые со временем основали Османскую империю. В ходе ирано-турецких войн (1514–1746 гг.) более 300 тысяч армян были насильственно переселены в Иран. Расширение границ Османской империи привело к эмиграции армян не только с родины, но и из завоеванных турками стран Среднего Востока и Европы. Из самого Ирана эмиграция армян шла на восток, главным образом в Индию, а также на север, в Россию. Начиная с Петра I, но особенно при Екатерине II Россия с целью освоения новых территорий на юге поощряла иммиграцию армян, предоставляя им гражданские и экономические привилегии. После победоносных войн с Турцией и Ираном в 1826–1828 гг., Россия, с целью развития отошедших к ней территорий Ереванского и Нахичеванского ханств и усиления новых границ верным ей христианским населением, осуществила переселение около 150 тыс. армян с армянских территорий Турции и Ирана. Следствием этих и последующих (в 1877–1878 гг.) войн стал очередной раздел Армении. Восточная Армения вошла в состав Российской империи, а Киликия и Западная Армения, где жило подавляющее большинство армян, почти в неизменном виде остались в Османской империи.

На обширной территории Османской империи – в Европе и Азии – турки последовательно проводили политику жестокого при-

теснения местных христианских народов (армян, греков, болгар и др.), в том числе и их принудительное обращение в ислам. В этих условиях армяне вынужденно эмигрировали не только из Западной Армении, но и из тех завоеванных турками стран, где они обосновались в предшествующие периоды.

Притеснение армян приняло еще более жестокие формы после Берлинского конгресса 1878 г., когда по требованию европейских стран Османская империя обязалась провести на территории Западной Армении «улучшения и реформы». К тому времени в Киликии и Западной Армении рост этнополитического самосознания армян на фоне постоянных и все усиливающихся репрессий турецких властей привел к началу национально-освободительной борьбы, а решение Берлинского конгресса придало этой борьбе новый импульс. Дабы подавить ее, султан Абдул Гамид II в 1894-1896 гг. осуществил на территории Западной Армении геноцид армянского населения, жертвами которого стали более 300 тыс. человек [Армянский вопрос 1991, с. 263-266; Kirakossian 2004; Kirakossian 2008]. Следствием этого стало резкое усиление эмиграции, в том числе и в страны Америки – в США, Канаду, Аргентину и др.

Продолжавшиеся веками вынужденные миграции с родины с течением времени привели к тому, что в массовом сознании армян эмиграция стала восприниматься как нежелательное, но неизбежное явление, как некий predeterminedный свыше атрибут их жизнедеятельности. Вместе с тем, опыт проживания среди других народов способствовал формированию у них навыков и традиций как адаптации к культурам принимающих обществ, так и сохранения своей этнокультурной идентичности. Более того, в условиях запретительной политики иноземных правителей, само развитие армянской, особенно светской, культуры становилось возможным именно в зарубежье. Именно там основываются первые армянские типографии (в Венеции в 1512 г.), издаются первые армянские периодические издания («Аздарар» в Мадрасе в 1794–1796 гг.), разрабатываются конституции будущей независимой Армении, создаются политические, культурно-просветительские, благотворительные и др. организации. Основными культурными, политическими и финансовыми центрами армянского зарубежья накануне Первой мировой войны являлись – в соответствии с разделенностью самой территории Армении между Турцией и Россией – Стамбул (Константино-

поль) и Тифлис (Тбилиси), а также Измир (Смирна), Каир, Москва, Баку, Калькутта и др.

Наиболее важными характеристиками армянского зарубежья в период до Первой мировой войны можно считать следующие:

- несмотря на постоянную эмиграцию абсолютное большинство армянского народа проживало на своей родине — в Западной Армении и Киликии, входивших в состав Османской империи, и в Восточной Армении, входившей в состав Российской империи,
- эмигрировавшие армяне или их потомки практически всегда имели возможность вернуться на родину.

Начало XX в. отмечено беспрецедентным по своей трагичности событием в истории армянского народа, предопределившим всю его дальнейшую жизнедеятельность. В 1915 г., воспользовавшись военным положением, младотурецкое правительство Османской империи осуществило с апреля месяца заранее подготовленную программу геноцида армян. Ее жертвами стали около полутора миллиона человек [Армянский вопрос 1991; Киракосян 1989; Нерсисян 1982; Dadrian 1995; Ternon 1977]. Подмечено, что сам способ или метод совершения массовых убийств является своеобразной характеристикой уровня развития государства-исполнителя геноцида. Арнольд Тойнби писал: «Я достаточно стар, чтобы помнить ужас массового убийства турецких армян в Османской империи в 1896 году, свершенного по подстрекательству пользовавшегося дурной славой султана Абдул Гамида II. Однако этот акт геноцида выглядит любительским и неэффективным по сравнению с более успешной попыткой уничтожить армян-поданных Османской империи, попыткой, сделанной ... в 1915 году послегамидовским режимом Комитета «Единения и прогресса», в котором главными преступниками были Талаат и Энвер. Вторая мировая война сопровождалась нацистским геноцидом в отношении евреев. Поскольку общий уровень, как технологический, так и организационный, в нацистской Германии был значительно выше, нежели в Турции времен Комитета «Единения и прогресса», германский геноцид европейских евреев оказался еще более эффективным, нежели турецкий геноцид армян» [Тойнби 1995, с. 357].

Наряду с убийствами в местах проживания, одной из форм осуществления геноцида была депортация в пустыни Сирии и Ирака.

Сам способ осуществления депортации (убийства по пути следования, жара, голод и болезни, наконец, массовое уничтожение уже в концентрационных лагерях) свидетельствовал о ее истинной цели — умерщвлении возможно большего числа людей. Очевидец этих событий посол США в Турции Генри Моргантау подчеркивал, что депортации армян «...являлись новым методом массового убийства. Отдавая приказ о депортации, турецкие власти на деле гарантировали гибель целого народа; они отлично понимали это и в своих беседах со мной не делали особых попыток сокрытия фактов» [Dadrian 1995, с. 225].

Американский историк Норман Неймарк, говоря о политике Турции в отношении армян, особо подчеркивал: «...младотурки в итоге достигли своей порочной цели — уничтожить армян как серьезный фактор политической и социальной жизни Анатолии. Османская империя была очищена от армян в этническом смысле, а они, в свою очередь, оказались навеки отрезаны — демографически и культурно — от своей анатолийской родины. Великие державы не видели возможности повернуть процесс вспять. А турки, как всегда в случае с этнической чистки и геноцида, постарались разрушить даже историческую память об анатолийском прошлом армянского народа. Армянские памятники и храмы были взорваны, кладбища распаханы под посевы зерновых, а армянские кварталы в городах либо разрушены и растащены по бревнышку и камешку, либо переименованы и заселены турками» [Неймарк 2005, с. 65].

Несмотря на озвученные в ходе войны разного рода обещания стран-победительниц (Англии, Франции, США) об осуществлении по окончании войны прав армян на свободное существование на своей родине, несмотря на поражение Турции в Первой мировой войне, тем не менее, послевоенные политические реалии дополнили трагедию армянского народа. Сразу после очищения Киликии от турецких войск в 1918 г., в котором принял участие и Армянский легион (состоявший из армянских добровольцев из разных стран, он был назван так после победы в 1918 г. вместе с войсками союзников над турками в битве у высоты Арара в Иордании), началось постепенное возвращение армян на родину. Однако их усилия по налаживанию мирной жизни в очередной раз были сведены на нет политическими комбинациями европейских держав. Согласно заключенному в октябре 1921 г. франко-турецкому договору, Франция, до этого добивав-

шаяся контроля над Киликией, передала эту область Турции. Решениями Лозаннской конференции 1922–1923 гг., а до этого и Московского договора 1921 г. между Советской Россией и Турцией, территории Западной Армении и Киликии, а также часть Восточной Армении остались в составе Турции. В многовековой истории армян и до событий Первой мировой войны было немало примеров как геноцида, так и насильственных перемещений. Однако никогда раньше ни один из иноземных правителей не ставил перед собой цель свести на нет армянское население страны путем его физического уничтожения и полного изгнания. Но именно эту цель преследовала и осуществила Турция в 1915 и последующих годах, и именно вследствие этой политики впервые

- не только в Западной Армении и Киликии, но и на всей территории Турции кроме Стамбула почти не осталось армян,
- выжившие после геноцида и депортации со своими потомками лишились возможности вернуться на родину – в Западную Армению, Киликию и другие районы Турции.

Несколько сот тысяч армянских изгнанников, рассеявшись по многим странам, образовали новое армянское зарубежье. С середины 1920-х гг. в зарубежных армянских изданиях эту новую историческую реальность постепенно стали называть словом *սյուրք* (*стюрк*), соответствующим греческому *диаспора*. В классическом «Новом словаре древнеармянского языка» венецианской Конгрегации мхитаристов слово *стюрк* объясняется как «рассеяние или распространение в разные стороны» и «народ в рассеянии», а в пример приводится место из древнеармянской Библии, из Книги пророка Иеремии, где говорится о рассеянии евреев среди язычников [Новый словарь.... т. 2, 1837, с. 765–766]. Важно, что ни в этом словаре, ни до того, в сочинениях армянских средневековых историков, ни позднее это слово не применялось к армянам. Ведь армянский народ не был в рассеянии: несмотря на все миграции, подавляющее большинство армян всегда жили на своей родине. Положение существенно изменилось только после геноцида и изгнания в годы Первой мировой войны. Осознать необратимость происшедшего армян заставила Лозаннская конференция 1922–23 гг., похоронившая их надежду вернуться на родину. С этим осознанием возникла необходимость назвать новое армянское зарубежье, принципиально отлич-

ное от прежнего [Мелконян 2000]. Нужды в словотворчестве не было, достаточно было применить к себе отглагольное существительное *стюрк*. Так начался армянский диаспоральный дискурс. Он подобен еврейскому: «В современном иврите, — пишет А. Милитарев, — *диаспора* в значении собственно *еврейская диаспора* передается традиционным термином *galut* (галут). ...Изначальное значение “изгнание” термина *galut* (“диаспора” и его греческие эквиваленты...) суть языковое, а следовательно, исключительно весомое и объективное свидетельство представления самих евреев о еврейской диаспоре как о насильственном и трагическом событии» [Милитарев 1999, с. 29]. Сходство судьбы еврейского и армянского народов — изгнание с родины, рассеяние по миру, отсутствие возможности вернуться на родину — привело к сходству слов и понятий *галут* и *стюрк*. Причем оба они отличаются от «диаспоры» в общепринятой сегодня трактовке, о которой речь шла выше, в первой главе.

Армяне не были единственным народом, ставшим жертвой политики геноцида и изгнания, осуществленной турецким государством. Подобная участь, хотя и в меньшей степени, постигла и греческое население Турции, особенно в Измире (Смирне) в сентябре 1922 г. Греческие беженцы справедливо рассчитывали на помощь своей исторической родины; именно там, в Греции, и нашли они спасение и приют. Но армянские изгнанники не могли рассчитывать на спасение и в Восточной Армении. Лишь в начальный период войны малая их часть (около 300 тыс.), проживавшая в приграничных с Россией районах, смогла перебраться в эту страну, на территорию Восточной Армении.

Более того, приход к власти в России большевиков в ноябре 1917 г., выход Советской России из войны и отвод ею войск с Кавказского фронта, ее союзнические отношения с новыми властями Турции во главе с Мустафой Кемалем (Ататюрком), открыли турецким войскам путь в Восточную Армению, где они попытались довершить политику геноцида армян. Однако армянские регулярные войска и ополченцы в сражениях при Каракилисе, Баш-Апаране и Сардарпате в мае 1918 г. одержали победу над превосходящими силами турецких войск. Благодаря этому часть Восточной Армении была спасена от захвата турками и были созданы условия для восстановления армянской государственности; 28 мая 1918 г. была провозглашена Первая Республика Армении.

Глава 3. Социальные и культурные процессы в армянских общинах

Э.Мелконян

В странах Востока

В странах Востока наибольшее число армян проживает сегодня в Иране, Ливане и Сирии (в каждой – около 80 тыс.). Ирано-армянские взаимосвязи, восходящие к I тыс. до н.э., обусловили специфику исторического развития армянских общин в Иране. До V в. сопредельные с Арменией северо-западные, в значительной мере населенные армянами регионы Ирана находились в сфере влияния армянского государства. Близость к Армении, постоянный приток новых групп армян способствовали сохранению культурной идентичности местных армян, в то время как в более удаленных, северо-восточных и южных регионах Ирана армяне постепенно ассимилировались.

В последующие века короткие периоды сравнительно мирного развития сменялись несравненно более продолжительными периодами религиозных, экономических и иных преследований и притеснений армян, что, в свою очередь, стимулировало их эмиграцию из страны. Такие настроения были тем более характерны для армян, в разное время переселенных в Иран из Армении. По своим масштабам особенно значительным стало насильственное переселение шахом Аббасом I в 1604–1605 гг. около 300 тыс. армян, примерно треть которых погибла в пути. Это переселение помимо военно-политических целей должно было способствовать развитию ремесел, но главное – международной торговли, при посредстве известных своими связями купцов из Джуги (Джульфы). «Армянские купцы, – отмечал Фернан Бродель, – которые тоже заполняли суда, ходившие с муссонами, и во множестве разъезжали между Ираном и Индией, зачастую бывали купцами-приказчиками крупных исфаханских негодантов, ведших дела разом в Турции, России, в Европе и в Индийском океане» [Бродель 1988, с. 11; Vaibourtian 2004]. Основанный ими близ Исфахана город Нор Джуга (Новая Джуга), стал не только центром торгового капитала страны, но и важным куль-

турным центром армянского зарубежья того времени. Но все новые притеснения и разорительные набеги афганских племен в 1722 г. привели к эмиграции жителей Нор Джуги; расселившись по разным городам Европы, Индии, Индонезии, Бирмы и др., они пополнили уже существующие армянские общины или основали новые. [Армянская диаспора 2003, с. 210, 357–359; Seth 1937].

В начале XX в. в Иране проживало около 80 тыс. армян. В отличие от других стран армянской диаспоры, большинство армян Ирана составляло сельское население. Из городов наиболее крупные общины, вместе с целой сетью различного рода организаций, имелись в Тегеране, Тебризе, Исфахане и др. В годы Первой мировой войны часть иранских армян также испытала ужасы политики геноцида, когда турецкие войска, вторгшиеся в сопредельные с Турцией районы Салмаста и Урмии, организовали массовые убийства и погромы местных армян и айсоров. Тем не менее, в целом они избежали участи армян в Османской империи, а в силу удаленности мест депортации и закрытости границ лишь незначительное число беженцев обосновалось на территории Ирана.

Среди армянских общин в арабских странах особое место принадлежит общине в Египте, хотя она никогда не выделялась своей многочисленностью. Одно из первых упоминаний об армянах в Египте связано с именем армянского царя Артавазда II, который в 34 г. до н. э. был пленен римским полководцем Марком Антонием и увезен с семьей в Александрию. Начиная с II–III вв. н.э. Армения, будучи в вассальной зависимости от Рима, посылала свои военные формирования в различные провинции империи, в том числе и в Египет. Эта практику продолжила и Византия; уже при императоре Юстиниане I (483–565) из среды армян выдвинулись известные полководцы Нерсес, Ованнес Аршакуни и др., возглавлявшие имперские армии в Египте и Ливии. После завоевания Египта арабами и установления власти Фатимидов (969–1171), отличавшихся толерантным отношением к христианам, численность армян в Египте резко возросла, и сформировались первые организованные армянские общины. О высоком статусе армян говорит сам факт назначения их на должности везиров – Бадр аль Джамали, Бейрам аль Армани (Ваграм Пахлавун), Янис и др. Завоевание Египта турками в начале XVI в., сопровождавшееся гонениями на христиан, привело к оттоку армян. По свидетельству историка Симеона Леха-

ци, в 1615 г. в Каире проживало около 200 армянских семей, в основном в Армянском квартале (Баб аль Армани), где находилась также церковь Сурб Саркис, часовня и армянское кладбище.

Новый этап в истории египетских армян начался в годы правления Мухаммеда Али (1769–1849), с именем которого связано проведение широкомасштабных реформ в стране [Adalian 1980]. Бурное развитие различных производств, строительства и вместе с тем отсутствие религиозных преследований привлекли сюда большое число армян. Так, по приглашению Мухаммеда Али в Египет из Османской империи переселились более двухсот армянских ремесленников (ювелиры, строители, каменщики, оружейные мастера, кожевенники и др.). Усилиями армян в 1818 г. была построена первая фабрика по производству шелка; армянам принадлежало 90% производства табака. Значительно возрос также удельный вес армянского торгово-ростовщического капитала, долгие годы армяне являлись первыми саррафами страны, возглавляя налоговую службу, а в 1837 г. основали первый банк в Египте. Беспрецедентно большое число армян было привлечено к управлению страной: в разные годы они возглавляли министерства иностранных дел, образования, торговли, юстиции (Погос Юсуфян, Артин Чракян, Аракел Нубарян, Тигран Д'Апро и др.). Наибольший след в истории Египта оставил Нубар-паша (Нубар Нубарян), который с 1878 по 1894 гг. три раза становился премьер-министром страны [Zejtlian 2006]. Высокий социальный и экономический статус местных армян, благорасположение властей — все это способствовало формированию армянских общин в Каире и Александрии, созданию целой сети культурно-просветительских и иных организаций, несмотря на сравнительную малочисленность армян в Египте. Если в начале XX в. здесь проживало около 10 тыс. армян, то к началу 1940-х гг. — примерно 40 тыс.; позднее вследствие эмиграции в Советскую Армению, а затем и в страны Запада их численность постоянно сокращалась и ныне составляет около шести тысяч.

Иной путь развития был характерен для армянских общин в Ливане и Сирии [Топузьян 1986; Sanjian 1965]. Массовое расселение армян на территориях этих стран здесь началось еще в I в. до н.э., в период царствования Тиграна II, включившего эти территории в состав своей державы. В последующие века основными причинами переселения армян в Ливан стали нашествия кочевников и религи-

озные преследования. Так, в XVII в. местные друзья и марониты (арабы-католики), стремясь упрочить свое влияние, способствовали расселению в Ливане армян, спасавшихся от гонений в Османской империи. С XVIII в. сюда же начали переселяться армяне-католики, а построенный в 1749 г. в Змаре монастырь стал резиденцией главы Армянской католической церкви. Рост численности армян сопровождался, однако, процессом их ассимиляции в среде маронитов. Новая волна переселения армян (безотносительно к их конфессиональной принадлежности) началась в конце XIX в. как следствие геноцида 1894-1896 гг. Тем не менее, численность местных армян, успешно занимавшихся в основном внутренней и внешней торговлей, к началу Первой мировой войны составляла лишь несколько тысяч человек, из них около 1,5 тыс. в Бейруте.

В отличие от Ливана, численность армян в Сирии начала возрастать с IX в., вследствие политики Византии по их переселению в Северную Сирию, и уже в X в. в Сирии была основана епархия Армянской апостольской церкви. После падения Киликийского армянского царства в Сирию, главным образом в Алеппо, переселяются около 250 знатных армян со своими семьями и приближенными; их потомки, однако, постепенно ассимилировались. В развитии местных общин в XV – XVII вв. большое значение имело открытие нового торгового пути Тебриз-Алеппо и далее к Средиземному морю, что не только способствовало экономическому подъему, но и привлекло сюда значительное число армян из самой Армении. В начале XX в. общая численность сирийских армян, проживавших главным образом в Алеппо, Александретте (ныне Искендерун), Антиохии и Дамаске, составляла около 80 тыс. человек.

После окончания Первой мировой войны, а затем и после передачи Францией в конце 1921 г. Киликийской Армении Турции, большое число армян обосновались в Ливане и Сирии, получивших статус подмандатных территорий Франции. В 1923–1924 гг. численность армянских беженцев в Ливане достигла примерно 40 тыс., а в Сирии, на территории которой во время войны находились концентрационные лагеря, уже в 1918 г. насчитывалось около 142 тыс. армян. Спустя двадцать лет после окончания войны, в 1938-1939 гг., французские власти Сирии передали Турции также северо-западную часть страны – Александреттский санджак (ныне Хатай). Именно здесь находилась гора Муса даг, на которой в августе 1915

г. жители окрестных армянских сел успешно отражали атаки турецких регулярных войск. Эта, полная героики и драматизма, история, ставшая своеобразным символом армянского сопротивления, отражена в романе австрийского писателя Франца Верфеля «Сорок дней Муса дага», переведенном на многие языки. Однако в 1939 г. все местное нетурецкое население, включая около 40 тыс. армян, вынуждено было покинуть эту территорию и переселиться в другие районы Сирии и в Ливан.

В слаборазвитых аграрных странах Востока армяне в целях безопасности стремились к компактному расселению в городах – Бейруте, Алеппо, Дамаске, Латакии, Багдаде, где в большинстве своем, как и на своей родине, занялись ремеслами и торговлей. Со временем, благодаря своей предприимчивости и трудолюбию, армяне не только успешно интегрировались в местные общества, но и в немалой степени способствовали развитию принимающих стран. Уже в 1960-х гг. в Ливане им принадлежало 18% крупных и около 43% малых и средних промышленных предприятий. После Второй мировой войны значительно возросло также число армян с высшим образованием – врачей, юристов, архитекторов, преподавателей университетов и др. [Boudjikianian 1986, p. 386-418]. В Иране и Ливане армяне, как одна из официально признанных конфессиональных общин, имеют своих представителей в парламенте, периодически входят в состав правительств, что еще более повышает их роль в общественно-политической жизни этих стран.

Отличительной особенностью армянских общин в странах арабского Востока является существование в мусульманской среде. Это предопределяет допустимую грань воздействия мусульманской культуры на культуры христианских меньшинств и тем самым в значительной мере способствует сохранению последними своей этнокультурной идентичности. В диаспоре особенно значимой стала роль семьи как одного из немногих возможных средств этнической социализации и этнокультурного воспитания подрастающего поколения. Сохранению традиционных форм армянской семьи в странах арабского Востока способствовало то, что здесь, как и на родине, доминировала патриархальная семья, социальные функции и структура которой, несмотря на этнокультурные различия, во всем регионе были схожими. Важную роль играет, в частности, трех- и более поколенная структура семьи. Постоянное общение детей со стар-

шими приобщало их к традициям и ценностям армянской культуры. В условиях сохраняющейся половозрастной субординации само следование этим традициям носит обязательный характер. Большое значение имело и то, что в этих странах, как в армянских семьях, так и семьях местных народов роль женщины сводилась, а в Иране после исламской революции 1979 г. и сегодня в основном сводится к ведению домашнего хозяйства и воспитанию детей. Ограниченное общение женщин-армянок с внешним миром способствовало сохранению их четко выраженной этнокультурной определенности, передававшейся детям в процессе воспитания. Начиная с 1960-х гг. все большее число армянок продолжают свое обучение в колледжах и университетах, выросло и число работающих женщин. Но поскольку здесь в отличие от стран Запада доминирующей формой семейной организации все еще остается трехпоколенная семья, уменьшение частоты общения детьми с матерью компенсируется общением с бабушками и дедушками [Мелконян 1988, с. 99-100].

Моноэтничная структура армянской семьи превращает ее в одно из оптимальных средств этнокультурной трансмиссии во времени. Важно отметить, что, в отличие от стран Запада, само понимание моноэтничности не сводится лишь к этническому происхождению брачных партнеров; оно предполагает также наличие у них актуализированных форм принадлежности к армянскому этносу. Показателен в связи с этим следующий эпизод из истории сирийских армян. После Первой Мировой войны часть армянских изгнанников расселилась в сельских районах на севере Сирии, где к тому времени уже существовало немногочисленное армянское население, к тому времени в большинстве своем ставшее курдоязычным в условиях изоляции и постоянного общения с местным, главным образом курдским, населением. Именно из-за незнания ими армянского языка (при сохранении других этнокультурных признаков, включая принадлежность к Армянской церкви) с этими в целом зажиточными армянами избегали вступать в брак не только армяне из Алеппо и других центров армянской общины, но и беженцы. Более высокий статус последних был обусловлен именно знанием армянского языка и никак не был связан с имущественным положением. Низкий же статус курдоязычных армян был обусловлен не только незнанием армянского языка, но и непрестижной причастностью к курдскому меньшинству, пусть даже на уровне языка.

Одним из наиболее важных последствий религиозной оппозиции в мусульманских странах Востока явилось малое число смешанных браков среди местных армян. Согласно некоторым исследованиям, подобные браки среди армян Бейрута в 1950–1969 гг. составляли лишь 6,7% от общего числа. [Voudjikianian 1983, с. 436]. Но в последующие годы наблюдается неуклонный, хотя и медленный, рост числа смешанных браков, вступаая в которые, армяне отдают явное предпочтение христианам вне зависимости от их этнической принадлежности [Санджян 2004, с. 136.]. Примечательно, что если в Ливане и Сирии наиболее распространены подобные браки между армянками и арабами-католиками (маронитами), то в Эфиопии – между армянами и местными христианками, принадлежащими к коптской церкви. Позитивное отношение к семьям с подобным конфессиональным составом основывается на убеждении, что и при различиях в христианских толках можно обеспечить этническое воспитание детей, если не как «стопроцентных» армян, то уж во всяком случае как носителей традиций христианской культуры.

«Первое, что делают армяне, это основывают церкви и школы». Это наблюдение, сделанное многими народами, достаточно точно отражает главенствующее место религии и армянского языка в иерархии ценностей армян зарубежья. Принадлежность к Армянской апостольской церкви была символом национального самосознания и самоидентификации. Таким же символом был и армянский язык, однако, как и в случае с другими этническими меньшинствами, в диаспоре родной язык постепенно забывается. В своем извечном стремлении к скорейшей интеграции, к продвижению вверх в социально-экономической иерархии принимающих обществ, переход на местные языки носил насколько естественный, настолько и вынужденный характер. И все же у армян зарубежья имелось стремление к сохранению родного языка как необходимого условия приобщения подрастающих поколений к материнской культуре. На протяжении долгих веков именно церковь являлась организатором образовательной деятельности в зарубежье, основывая монастырские школы и скриптории в местах расселения армян.

В армянском зарубежье потребность в образованных людях возрастала по мере все большего вовлечения армян в сферу международной торговли. Особо преуспели коммерсанты из Нор-Джуги, усилиями которых этот город стал не только центром торгового ка-

питала Ирана, но и одним из культурных центров армянского зарубежья, где сформировались традиции армянской миниатюры, живописи и архитектуры [Manoukian and Manoukian 1992]. Местные коммерсанты финансировали строительство не только церквей, но и различного рода культурно-образовательных институтов. В 1630 г. здесь была основана школа, названная современниками «университетом», в которой преподавались грамматика, философия, естественные науки, богословие и музыка. В эти же годы при церкви Сурб Аменапргич (Св. Всеспасителя) открылась специализированная школа, где помимо прочих дисциплин обучались европейским языкам и «искусству торговли». Особо следует отметить основание в 1638 г. армянской типографии, первой не только в Иране, но и на всем Среднем Востоке, а также хранилища армянских рукописей – Матенадарана. Примечательно, что действующая и по сей день Армянская гуманитарная гимназия в Калькутте (ныне Колката) в Индии была основана в 1821 г. по завещанию одного из богатых купцов родом из Нор Джуги.

В дальнейшем, особенно с начала XIX в., как в Иране, так и в странах арабского Востока (Сирии, Ливане, Египте и др.), входивших в состав Османской империи, открываются всё новые армянские школы. Наибольшее число школ (более 40) существовало в столице Османской империи Стамбуле, являвшемся к тому времени одним из главных культурных центров армянского зарубежья. После Первой Мировой войны, вследствие вынужденной эмиграции местного армянского населения, число армянских школ в этом городе неуклонно сокращалось и в 2003 г. их осталось лишь 19.

По окончании Первой Мировой войны одной из важных – если не самой важной – задач для армян стало вызволение тысяч детей и женщин, оказавшихся в руках турков, арабов, курдов в ходе геноцида и депортации. Одной из многих форм освобождения был выкуп, и с этой целью армяне диаспоры организовывали в разных странах специальные кампании по сбору средств. Тем не менее, несмотря на все усилия, многие из этих насильственно оторванных от своего народа детей стали носителями иных культур, иной религии, в лучшем случае сохранив лишь смутные воспоминания о своем армянском происхождении.

На помощь армянам и другим народам региона, пострадавшим в годы войны, поспешили организации, созданные с этой целью в не-

которых странах Запада. Среди них наиболее значимой как по масштабам, так и по продолжительности своей деятельности (до 1930 г.) стала основанная в конце 1915 г. американская благотворительная организация «Комитет помощи Ближнему Востоку» («The Near East Relief»), спасающая жизни десятков тысяч осиротевших армянских, греческих и других детей. Ее президент Джеймс Бартон приводит историю, рассказанную ему некоей миссис Гленвилл. Эта женщина, прибывшая в Сирию из Австралии на судне с грузом продовольствия для беженцев, имела также поручение от одной богатой австралийки найти среди сирот смышленного мальчика, которого та готова была взять на полное содержание, включая учебу в школе и колледже. Единственное условие, поставленное ею, было таково: избранник должен был отказаться от своего имени и взять имя ее покойного мужа – Питер. Выбор миссис Гленвилл пал на одного из воспитанников американского приюта – армянского мальчика по имени Вардан, который, однако, выслушав ее, молча удалился. Женщина была сильно разочарована, решив, что мальчик не желает получить образование и лишен каких-либо амбиций. Но уже на следующий день Вардан, поблагодарив миссис Гленвилл за сделанное ему предложение, объяснил причину своего отказа. «Лет пять-шесть назад я счастливо жил вместе с родителями, братом и сестрой в одном из сел турецкой провинции Харберд. Мне было всего восемь лет. Мы ходили в нашу церковь, где священником был близкий друг нашей семьи. Однажды я спросил мать, как они выбрали мне имя. Она рассказала, что младенцем меня отнесли в церковь и крестили, дав имя Вардан». Далее мальчик рассказал, что как-то утром село подверглось нападению курдов. «Наш дом сгорел. Отца и мать убили, сестру похитили. Нам с братом удалось убежать, но мы потеряли друг друга. Я спрятался в горах около села. Я увидел, что в селе горят все дома и церковь, а наш дом разрушен. Я ушел и много месяцев не знал, что делал и куда шел. Прошли годы, и вот я здесь, в приютской школе. Я потерял отца, мать, сестру, брата, дом, церковь, наше село, – все, что связывало меня с моей счастливой прошлой жизнью, кроме имени Вардан. Это единственное, что связывает меня с моей церковью, с моей матерью, с моим домом. Я не могу отказаться от своего имени» [Barton 1930, с. 262–263].

Помощь соотечественникам оказывали и армяне зарубежья – частные лица и организации. Стараниями Армянского всеобщего бла-

готворительного союза в Сирии, Ливане, Греции, Египте и др. странах были основаны сиротские приюты, дома призрения. Так, в Бейруте в приюте «Келекян-Сисван» в 1922-1923 гг. содержалось более 580 сирот, в Иерусалиме в приютах «Васпуракан» (для девочек) и «Араратян» (для мальчиков) соответственно более 300 и 400 сирот. Тем не менее, в подобных заведениях нашла приют лишь малая часть осиротевших в годы геноцида армянских детей [Азарян 1995; Армянский вопрос 1991, с. 268-269; Мелконян 2005-б, с. 81-167].

С приютом «Араратян» связана история, которая для детей-сирот сделала былью сказки о добрых царях. В 1923 г. на Св.Пасху в Иерусалим приехала наследная принцесса Эфиопии. Поскольку народ этой страны исповедует, как и армяне, христианство древневосточного толка, она посетила также кафедральный собор Сурб Акопянц (Святых Иакобов), чтобы принести свои поздравления Армянскому Патриарху. На торжественном приеме принцесса обратила внимание на девочек из приюта «Васпуракан», одетых в черные платья. Узнав, какие страдания выпали на долю этих детей, она покинула церковь в слезах. Уже во время беседы с Патриархом принцесса, ознакомившись с жизнью сирот, изъявила готовность оказать приюту материальную помощь, а также начать в Эфиопии кампанию в помощь армянским сиротам. Через некоторое время в Иерусалим приехал ее супруг, наследный принц рас Тафари Маконнен, который уже в это время был фактическим правителем страны, а в 1930 г. был провозглашен императором Эфиопии под именем Хайле Селассие I и стал одним из известных государственных деятелей Африки. Он также нанес визит Армянскому Патриарху; среди встречавших его были воспитанники приюта «Араратян» и их знаменитый во всем городе духовой оркестр («группа фанфар», как его называли). Наследный принц, уже знавший о постигшей армянский народ трагедии, услышав игру оркестра, изъявил желание увезти всех 40 музыкантов и их руководителя с собой в Эфиопию. Поскольку они должны были стать государственным оркестром страны, принц, помимо расходов на дорогу, обязался обеспечить их зарплатой, жильем, униформой и всем необходимым. Нетрудно представить чувства, пережитые руководством приюта — в те трудные, полные отчаяния дни гарантировалось благополучное будущее хотя бы сорока детей. Уже в сентябре 1924 г. оркестр в полном составе прибыл в Аддис-Абебу, где на первой же встрече наследный принц

заверил их: «Вы мои дети, не беспокойтесь ни о чем, я позабочусь о вас, как о собственных детях». Последующие годы подтвердили эти слова. Помимо своих прямых обязанностей, по велению императора молодые люди начали обучаться различным ремеслам, благодаря чему впоследствии смогли обеспечить благосостояние своим семьям. В годы войны с Италией и последующей оккупации итальянскими войсками (1935–1940 гг.) они остались верны императору и своей новой родине. После освобождения страны их преданность была вознаграждена — всем им были безвозмездно пожалованы земельные участки на постройку домов.

При всех сиротских приютах, открытых армянскими организациями, действовали начальные школы. Кроме того, готовя их к самостоятельной жизни, сирот обучали различным ремеслам, как в самих приютах, так и в специализированных приютах-мастерских. И именно это молодое поколение со столь тяжелой судьбой, несмотря на все трудности, смогло найти свое место в принимающих обществах и заложило основы будущего благосостояния армянских общин.

В те же 1920-е гг. в Алеппо, Бейруте и других городах этого региона наряду с приютами стали открываться стационарные армянские школы разного уровня (например, «Берберян» в Каире, Армянский евангелический колледж в Бейруте, «Киликян» в Алеппо). В Сирии и Ливане, ставших после войны подмандатными территориями Франции, сколько-нибудь развитой системы школьного образования еще не существовало, а школ, основанных французскими властями, было немного, и далеко не всем они были доступны. По мере роста благосостояния местных армян и благодаря финансовой помощи армян из стран Запада, главным образом США, число армянских школ постоянно росло. В Сирии, например, накануне Второй мировой войны в Алеппо, Дамаске, Эль-Камышлы, Кесабе и других городах существовало более 20 постоянно действующих школ. В Ливане (в Бейруте, а также Триполи, Захла, Айнчаре) число таких школ особенно выросло после Второй Мировой войны и в середине 1970-х гг. достигло более 60; всего в них обучалось более 21 тыс. детей. Все это происходило на фоне общего подъема этнокультурной деятельности местной армянской общины, ставшей к тому времени культурным и политическим центром всей диаспоры.

На первых порах в школах на армянском языке велось преподавание большинства дисциплин, а не только сугубо «армянских» предметов (таких, как армянский язык, история и география Армении). Это сыграло важную роль в утверждении родного языка в качестве основного средства общения и, тем самым, в сохранении этнокультурной идентичности на начальном, наиболее трудном этапе формирования диаспоры. Примечательно, что до конца Второй Мировой войны, когда Сирия и Ливан являлись подмандатными территориями Франции, в местных армянских школах придавалось большое значение изучению европейских языков – французскому и английскому, а обучение арабскому языку носило необязательный характер. После обретения этими странами независимости, когда знание арабского стало необходимым условием интеграции в социально-экономическую и политическую жизнь, в армянских школах была введена государственная программа обучения. При этом, однако, как и прежде, большое место уделяется изучению армянского языка и литературы, а также истории армянского народа и церкви.

Несмотря на наличие большого - сравнительно со странами Запада – количества армянских школ, среди армян Сирии и Ливана из года в год продолжает расти число обучающихся в государственных и частных школах (американских, французских и др.). Это объясняется, с одной стороны, престижностью последних - большими возможностями для продолжения учебы в европейских и американских университетах, а с другой, в случае Ливана – кризисным состоянием армянских школ вследствие продолжительной гражданской войны в 1975–1990 гг. В эти годы массовая эмиграция армян привела к сокращению числа учащихся, к расформированию, а то и закрытию некоторых школ, что неизбежно негативно сказалось и на учебном процессе [Санджян 2004].

Схожие процессы проходили и в Иране после Исламской революции 1979 г., где к тому же под давлением властей было введено раздельное обучение для мальчиков и девочек, сократилось число «армянских» предметов и количество выделяемых для них часов.

В эти годы вновь стала очевидной значимость школы «Мелконян», основанной еще в 1924 г. (официальное открытие состоялось в 1926 г.) в Никозии (Кипр). Основание школы было главным пунктом крупного пожертвования, предусмотренного завещанием братьев Григора и Карапета Мелконянов, и переданного для его ре-

ализации Армянскому всеобщему благотворительному союзу. Первоначально предназначенная для сирот, школа и в дальнейшие десятилетия была рассчитана на проживание учеников в специальных общежитиях. Именно благодаря наличию общежитий сотни детей из охваченного гражданской войной Ливана и других стран этого беспокойного региона смогли продолжить учебу в школе «Мелконян». К тому времени на занимаемой ею обширной территории был построен, по примеру американских университетских кампусов, целый комплекс учебных, административных и жилых зданий, а также библиотека, поликлиника, спортивные стадионы и др. Учитывая острую нехватку квалифицированных учителей для армянских школ диаспоры, здесь в 1934–1968 гг. действовало Педагогическое училище. В 1940 г. школа «Мелконян» была аккредитована правительством Кипра в качестве высшей средней школы. Применение новейших европейских учебных программ, преподавание на английском языке (при обязательном прохождении трех арменоведческих дисциплин), участие в международных экзаменах (GCE Advanced Level Subjects, TOEFL, SAT I, SAT II и др.) – все это гарантировало выпускникам школы поступление в университеты разных стран. Высокий престиж школы обусловил и международный состав ее учеников – в 1980-гг. здесь обучалось около 320 учеников-армян из более чем 20 стран, в том числе, начиная с 1990-х гг., также из Армении, Нагорного Карабаха, России и других постсоветских стран. Но в 2004 г. руководство Армянского всеобщего благотворительного союза объявило, что намерено закрыть школу и вместо нее осуществить в некоторых других странах, прежде всего в Армении, качественно новые образовательные программы. Это решение вызвало споры как среди части членов АВСБ, так и в диаспоре в целом.

С одной стороны, продолжающаяся внутривосточная нестабильность в Ливане, постоянная угроза применения США новых, еще более жестких санкций против Ирана и Сирии, а с другой – усиление радикальных исламистских настроений в этих странах, конечно же, отрицательно влияют на жизнедеятельность местных армянских общин. Они, однако, и в этих условиях подтверждают свою этнокультурную самодостаточность, наиболее убедительным проявлением чего являются армянские школы. И сейчас именно в этих странах действует больше армянских школ, чем во всех других странах диаспоры вместе взятых. В 2006 г. в Ливане (в основном в

Бейруте) имелось 28 армянских школ разного уровня, наиболее крупные из них – «Меланктон и Айк Арсланян», «Егише Манукян», «Св. Рипсиме», «Даруи-Овакимян», в которых обучалось соответственно 785, 566, 677 и 250 учеников. Кроме того, в Ливане в разные годы имелось пять армянских специализированных технических школ. В Бейруте действует также единственный в армянской диаспоре аккредитованный государством Университет «Айказян», на различных факультетах которого обучается более 530 студентов – армян и коренных жителей – из Ливана и других стран Ближнего Востока. Преподавание в университете ведется на английском языке, однако армянская и арабская история и культура изучаются соответственно на армянском и арабском.

Большинство из ныне действующих в Сирии 26 армянских школ приходится на долю Алеппо, где проживает большинство местных армян. Именно здесь находится самая крупная в армянской диаспоре школа «Наджарян-Гюльбенкян» со своими более чем 1500 учениками, немногим меньше их число в основанной еще в 1850 г. школе «Айказян» (1060) и школе «Саакян» (850).

Благодаря обучению в этих школах подавляющего большинства армянских детей на протяжении последних восьми-деяти летий, армянский язык и по сей день является средством общения среди армян Ирана и стран арабского Востока. Причем степень владения армянским языком настолько высока, что именно в этих странах и по сей день развиваются традиции армянской литературы. В XX в. здесь появилась целая плеяда армяноязычных прозаиков, поэтов и публицистов, выходит большое число различного рода периодических изданий (газет, журналов, ежегодников и др.), первые из которых были основаны в Египте и Сирии еще в 1860-х гг. В последующие десятилетия число подобных изданий постоянно росло и, например, в Сирии и Египте составило около 150, в Ливане около 200. Такие издания, как, например, «Аздак», «Зартонк», «Арарат», «Багин» (Ливан), «Алик» (Иран), «Арев», «Усабер» (Египет) сегодня имеют своих подписчиков во многих странах Европы и Америки.

Большое число разного рода активно действующих общинных организаций, учебных заведений, СМИ, издание армяноязычной литературы – все это в условиях компактного расселения в пределах отдельных городов сформировало с течением времени уникаль-

ную в своем роде этносоциокультурную среду, которая обеспечивает сохранение и воспроизводство армянских общин. Более того, вплоть до середины 1970-х гг. общины в Ливане, Иране и Сирии являлись культурными и политическими центрами и своеобразной кузницей элиты всей армянской диаспоры [Дятлов 2000; Schahgal-dian 1983]. Однако радикализация политических процессов, начавшаяся с конца 1950-х гг. в Египте в период президентства Насера и продолжившаяся в других странах (гражданская война в Ливане, Исламская революция в Иране, ирано-иракская война, оккупация Ирака войсками США и др.), оказала негативное воздействие на жизнедеятельность армянских общин.

Вследствие эмиграции значительно сократилась численность армянского населения. Так, если в 1970-х гг. в Иране и в Ливане проживало примерно по 200 тыс. армян, то сегодня их число сократилось почти вдвое. Продолжающийся и сегодня отток армян, преимущественно их социально активной части, привел к снижению деятельности общинных институтов, закрытию некоторых школ и периодических изданий. Вследствие этого местные общины постепенно перестали выступать в роли центра культурной и особенно этнополитической деятельности диаспоры, уступив ее общинам в странах Запада, в первую очередь, в США, Канаде и Франции. Именно в эти страны эмигрировало подавляющее большинство армян из арабских стран, несмотря на все ожидаемые сложности, связанные как с социально-экономическим самоутверждением, так и с сохранением этнокультурной идентичности.

В странах Европы и Америки

В начале XX в. армянские общины существовали лишь в некоторых странах Европы. В Греции и Болгарии армяне проживали еще с V–VI вв., однако впоследствии, после включения этих стран в состав Османской империи, из них началась эмиграция армян, а иммиграция сюда свелась к минимуму. Лишь в XIX в., после освобождения этих стран от турецкого владычества, сюда возобновился приток армян, усилившийся вследствие геноцида 1894–1896 гг. в Османской империи. В результате число армян в Болгарии возросло до 20 тыс. Значительно более богатой событиями была история армян в Польше и Румынии, куда они иммигрировали в том числе и по инициативе местных властей с целью развития тор-

говли, различных ремесел (ювелирное дело, ковроделие, ткачество и др.), с предоставлением им различных льгот вплоть до самоуправления. Крупные и богатые армянские общины существовали в Каменец-Подольске, Бухаресте, Яссах, Сучаве, Черновцах и других городах.

В Европе в средние века одним из признанных культурных центров армянского зарубежья являлся Львов. Уже в 1183 г. в селении Подгамче, на месте которого в 1256 г. был основан Львов, местные армяне построили армянскую апостольскую церковь. В дальнейшем армяне стали играть все более заметную роль в развитии внутренней и внешней торговли и ремесел; они являлись также одними из главных кредиторов польских королей. Свидетельством их возросшего статуса стало предоставление им в 1356 г. польским королем Казимежем III права на внутреннее самоуправление, что в дальнейшем вкупе с их финансовым потенциалом способствовало развитию этнокультурной деятельности местных армян.

Первые упоминания об армянских школах во Львове относятся к XVI в.; в основном это были церковно-приходские школы, и их число постоянно росло. В 1665 г. с целью распространения католицизма среди армян и подготовки католических священников была основана армянская католическая высшая духовная семинария, в начале XIX в. — школа при женском монастыре, в которой в 1820 г. обучалось около 400 девушек, в 1865 г. — школа-пансион, которая действовала до начала XX в. и др. Кроме того, армяне принимали участие в политической и культурной жизни этих стран. Успешная интеграция в местные общества неизбежно ускорила процессы ассимиляции армян [Григорян 1980; Tryjarski 1987]. В Польше этому способствовал и прозелитизм католической церкви, подержанной к тому же светскими властями, весьма часто в виде религиозных гонений. Армянская церковь не смогла противостоять такому мощному давлению, вследствие чего в 1699 г. основная масса местных армян вынуждена была принять католицизм, что и привело к их интенсивной ассимиляции. Именно в этот период часть польских армян эмигрировала в соседнюю, также славянскую, но православную Россию, где, однако, силой закона были защищены их права на свободу вероисповедания. Переход в католицизм имел место и среди армян Румынии — в Трансильвании, после включения ее в состав Австро-Венгрии.

Во Франции, стране, которой еще предстояло сыграть важную роль в истории армянской диаспоры, в начале XX в. проживало лишь около 4 тыс. армян, в основном, в Париже, а также в Марселе, Лионе и др. Некий Паскаль-Арутюн в 1654 г. сначала в Марселе, а спустя 18 лет — в Париже открыл первые кофейни. Помимо коммерсантов Париж особенно привлекал молодежь, стремящуюся получить образование. В 1843–1914 гг. дипломы различных университетов города получили более 120 армян. Примечательно, что интерес был взаимным — еще в 1798 г. в Школе живых восточных языков Парижа была основана кафедра арменоведения. В 1846 г. в Париже открылась армянская школа «Самуэль-Мурад» (до этого, с 1832 г. она располагалась в Италии, в Падуе). Школа применяла учебные программы французских лицеев, а ее выпускники получали степень бакалавра и право поступления в университеты без вступительных экзаменов. В 1870 г. во время франко-прусской войны школа вынуждена была вновь переехать в Италию, на этот раз в Венецию. Объединившись со школой «Рафаэлян», она стала называться «Мурад-Рафаэлян», и закрылась уже в наши дни, в 1997 г. История школы «Самуэль-Мурад» на этом, однако, не завершилась — в 1929 г. она вновь открылась в Париже и существовала вплоть до 1995 г. В 1855–1859 гг. в пригороде Парижа Гонель действовала школа «Айказян». Несмотря на свою малочисленность, местные армяне основали также ряд успешно действовавших культурно-просветительских организаций, в разное время издавали газеты.

Именно во Францию, Грецию, Болгарию и Румынию устремились в первую очередь десятки тысяч армянских беженцев, скопившихся после окончания Первой мировой войны в Ливане и Сирии, а также те, кому удалось спастись после кровавых погромов в Измире, устроенных в 1922 г. войсками Кемаля Ататюрка. Наиболее безопасный, но не всем доступный, путь в Европу пролегал через Средиземное море, в Марсель. Во Франции, где численность армян в 1920-х гг. достигла 60 тыс., они расселились по различным городам по обе стороны железнодорожного пути Марсель-Париж, в которых в то время ощущалась острая нехватка рабочей силы. Впоследствии значительная часть армян сконцентрировалась в Марселе, Лионе, Париже и в прилегающих к ним городах. Из Марселя пролегал их путь и в другие страны Европы — Италию, Швейцарию, Бельгию, Голландию. В 1920-х гг. численность армян в Болгарии

достигла 60 тысяч, наибольшее их число оказалось в Греции – около 120 тыс., включая около 20 тыс. сирот.

В эти годы вместе с ростом численности армян в отмеченных странах значительно оживилась деятельность общинных организаций, были основаны армянские школы, стали выходить газеты. Вскоре после окончания Второй Мировой войны, когда в Румынии и Болгарии установилась коммунистическое правление, деятельность армянских, как, впрочем, и других этнических общин постепенно была сведена на нет. Из-за этого, а также из-за экономической политики новых властей, началась (пока это было возможно) эмиграция местного армянского населения, главным образом в США, Канаду и другие страны Запада. Лишь после падения коммунистического режима в конце 1980-х гг. в этих странах, в первую очередь в Болгарии, началось возрождение армянских общин.

Марсель стал также основным отправным пунктом эмиграции армян через океан – в страны Северной и Южной Америк. Первые малочисленные группы армян начали пребывать в Северную Америку еще в XVII–XVIII вв. в общей волне иммигрантов из стран Европы (Польши, Венгрии и др.). Эмиграция из собственно Армении, начавшаяся в 1830-40-х гг., явилась в основном следствием деятельности американских протестантских миссионеров [Mirak 1983, p. 23–28]. Именно выпускники основанных ими в Османской империи школ первыми уезжали в США, а за ними потянулись и другие. К началу Первой мировой войны в США насчитывалось около 60 тыс. армян, большая часть которых проживала в городах восточного побережья – Вустере (здесь были основаны первые армянские церкви, евангелическая – в 1881 г., и апостольская – в 1891 г.), Бостоне, Нью-Йорке, Провиденсе, Филадельфии и др., а также во Фресно, Сан-Франциско, Чикаго и др. [Mirak 1980, p. 140–141].

В конце XIX в. началась эмиграция армян и в Канаду, но в несравненно меньших масштабах. Лишь около 2 тыс. армян проживало в промышленно развивающихся городах провинции Онтарио – Брантфорде, Сент-Катаринсе, Гамильтоне и др. Как и в США, это были в основном молодые люди, приезжавшие, как им тогда казалось, лишь на время, с целью заработать. Однако начавшаяся в 1914 г. мировая война изменила их планы. Им, как и всем армянам зарубежья, суждено было расстаться с мыслью о возвращении на ро-

дину, смириться с гибелью родных и близких, и оказывать посильную помощь тем, кто спасся от геноцида.

Новая волна иммиграции в США, начавшаяся уже в годы войны, особенно усилилась после ее завершения, вследствие чего численность армян в США к середине 1920-х гг. достигла 120 тыс. Для многих из них долгий путь к берегам Америки был бы невозможен без финансовой помощи американских соотечественников. Однако по прибытии они уже не могли рассчитывать на сколько-нибудь значительное содействие ввиду весьма скромных возможностей местных армян.

Весьма сложным оказался процесс культурной адаптации в новой среде. Иммигранты не имели сколько-нибудь реальных представлений о культурных традициях и образе жизни принимающих обществ, которые зачастую были чужды и неприемлемы для них. Принимающие общества, в свою очередь, будучи столь же незнакомыми с армянами, в своем отношении к ним основывались, вольно или невольно, на негативных стереотипах об «азиатах». Крайним проявлением этого стала дискриминационная политика в отношении армян в Калифорнии в 1920-х гг., которая в некоей мере была реакцией на неожиданные для многих успехи армян в разведении и обработке некоторых плодовых культур (инжира, дыни, винограда, изюма и др.), приведшие к появлению первых армян-миллионеров в США [Mirak 1983, p. 120–121].

Во Франции, где в период между двумя Мировыми войнами существовал целый ряд ограничений гражданских прав иностранцев, положение армянских, как, впрочем, и других беженцев было очень трудным. Лишь благодаря настойчивым усилиям Ф.Нансена Лигой Наций беженцам были выданы так называемые «нансеновские паспорта», дающие право на проживание и работу.

Большинство иммигрантов, в прежней своей жизни крестьяне, ремесленники, торговцы, не знающие к тому же местных языков, в промышленно развивающихся странах Запада первое время вынуждены были заняться низкооплачиваемой тяжелой работой в строительстве, на рудниках и заводах. Но даже такая работа стала им недоступна, когда в конце 1920-х гг. в странах Запада начался экономический кризис (Великая депрессия), ударивший прежде всего по иммигрантам. Именно в это безысходное, казалось бы, время в социальной структуре армян диаспоры произошли важные по своим

последствиям изменения. Мужчины уходят — добровольно или вынужденно — с рудников, заводов, из строительной сферы в предпринимательскую и берут на себя организацию работы женщин: своих жен, матерей, сестер. Они постепенно расширяют дело, открывают новые предприятия и в ходе такого, как говорят сегодня, семейного бизнеса становятся владельцами прачечных, швейных и пр. мастерских, ресторанов и кафе, магазинов. Дальнейшие события показали, что это было не только самым продуктивным способом выживания в условиях экономического кризиса тех лет, но и началом включения вчерашних беженцев в средний класс принявших их обществ.

Иным из них удавалось осуществить извечную мечту многих иммигрантов и стать миллионером. Одни на этом пути вольно или невольно отчуждались от своих соотечественников, другие вспоминали их лишь под конец своей жизни, но были и есть среди них такие, кто с полным правом мог сказать: «Личное благосостояние или успех отравляли бы мне жизнь, если бы я не делился ими со своим народом». Эти слова произнес в свое время Алек Манукян (1901–1994), человек, без которого трудно представить историю армянской диаспоры второй половины прошлого века. Он родился в маленьком городке Касаба, близ Смирны, но уже в 1920 г. эмигрировал в США, имея в кармане лишь несколько десятков долларов и практически не зная английского языка. В Детройте, где он прожил всю свою дальнейшую жизнь, он обосновался в 1924 г., работая в механических мастерских. Спустя пять лет, несмотря на начавшийся экономический кризис, он, вместе с двумя другими армянами, основывает компанию «Masco», производящую комплектующие для местных автомобильных заводов. Спустя годы он вспоминал: «В 1936 г. мой завод, который я создавал с такими трудностями и ценой таких лишений, понес большой ущерб — в стране продолжался экономический кризис, обострилась конкуренция, не хватало заказов. У меня было два компаньона, но они ушли... Через некоторое время я решил расширить дело, и для этого у меня была одна возможность — продать акции. Я был первым армянским промышленником, который сумел продать на Детройтской бирже много акций. Родился сын, но я был так занят делами, что смог увидеть его лишь через шесть дней» [Мелконян 2005-б, с. 471]. В годы Второй мировой войны, благодаря военным заказам, объем продаж «Masco»

впервые превысил миллион долларов. В истории компании поворотным стал 1954 г., когда она начала производство разработанного в ней же принципиально нового водопроводного крана «Delta» с универсальной регулировкой холодной и горячей воды (Single Handle Faucet), доход от продажи которого в США и во многих других странах составил сотни миллионов долларов. Масштаб и сфера деятельности «Masco» расширились в 1972 г., когда компанию возглавил сын Алека Манукяна Ричард. В 1975 г. компания впервые вошла в список крупнейших корпораций Америки «Fortune-500»; 250 ее предприятий работают в разных странах мира, а объем продаж в 2003 г. превысил 10 млрд. долларов.

Компания «Masco» значимое явление в экономической истории диаспоры: это первая промышленная компания, основанная и руководимая армянином и получившая признание в мировой индустрии. Столь успешная карьера Алека Манукяна примечательна сама по себе, главное, однако, что отличало его от других, столь же успешных предпринимателей-армян, это постоянное и щедрое расходование части своих доходов на осуществление самых разнообразных культурно-образовательных и иных программ в диаспоре на протяжении более 50 лет. В 1954 г., а затем и в 1968 г. он основал два благотворительных фонда, посредством которых в рамках деятельности возглавляемого им с 1953 г. Армянского всеобщего благотворительного союза (более подробно об АВБС будет сказано ниже), в самых разных странах – США, Канаде, Франции, Ливане, Сирии, Иране, Аргентине, Австралии и др. – были основаны армянские школы, культурные и молодежные центры, церкви и арменоведческие кафедры в университетах. Своим примером Алек Манукян заразил многих богатых армян диаспоры, которые вслед за ним стали создавать в рамках АВБС собственные именные фонды, благодаря чему АВБС в период его президентства (до 1989 г.) еще более утвердил свое лидирующее положение в диаспоре и вошел в число крупнейших филантропических организаций США. Манукян оказывал большую финансовую помощь и Республике Армения со дня ее создания в 1991 г., за что одним из первых был удостоен звания Национального Героя Армении.

Постоянное расширение сферы деятельности армян диаспоры, сопровождаемое повышением уровнем их благосостояния, дало им возможность осуществить, быть может, одно из самых сокровенных

своих желаний — дать своим детям университетское образование, как залог иной, более счастливой и достойной жизни в странах, ставших волею судеб их новой родиной. И именно новые, выросшие и получившие образование в принимающих странах поколения окончательно самоутвердились в средних и высших слоях обществ. Свидетельством их высокого статуса является широкая представленность армян в политическом истеблишменте США, Франции, Канады и других стран, где они в разные годы избирались в высшие законодательные органы, входили в состав правительств. Не менее важным показателем успешной интеграции армян (как, впрочем, и любых других этнических меньшинств) могут служить их достижения в сфере культуры стран проживания. Свидетельством тому могут служить лишь некоторые имена французских и американских армян: писатели - член Французской Академии Анри Труайя, Уильям Сароян, композиторы Алан Ованнес, Жорж Гарваренц, художники Аршил Горки (Востаник Адоян), Овсеп Пушман, член Французской Академии Гарзу (Гарник Зулумян), скульптор Рубен Накян, кинорежиссеры Рубен Мамулян, Анри Верной, Атом Эгоян, певцы и актеры Шарль Азнавур, Шер (Шерилин Товмасыан), Майк Коннорс, Арлин Френсис, Эрик Богосян и др.

Несравненно более сложной, однако, оказалась проблема сохранения этнокультурной идентичности. Под мощным воздействием местной среды система традиционных ценностей и весь образ жизни армян подверглись интенсивным трансформациям. В первый период после иммиграции традиционная армянская семья все же сохранила свое существование. Сохранение трехпоколенной структуры семьи явилось весьма эффективным средством сплочения и взаимопомощи: сохраняя и воспроизводя такие элементы материнской культуры, как язык и традиционно-бытовой уклад, она во многом компенсировала социально-психологический дискомфорт на начальной, наиболее тяжелой стадии адаптации. Сароян в одном из своих рассказов вспоминал: «Я заговорил по-армянски только после того, как к нам переехала бабушка. Каждое утро она распевала песни о войне Андранике; так я узнал, что он был армянином, крестьянином-горцем, который верхом на черном коне с горсткой своих людей сражался с врагом. Было это в 1915 году, в год физических страданий и духовного разлада у народа моей страны и всего человечества, правда, мне тогда было семь лет и всего

этого я не знал... Занимаясь домашними делами, бабушка пела. Ее сильный скорбный голос был полон великого гнева, и вот тогда я начал догадываться. Я подхватил этот язык и заговорил на нем как-то сразу, потому что он жил во мне и мне оставалось только восстановить связь между словами и памятью. Я же армянин» [Сароян 2004, с. 53].

Но со временем существенно изменялось распределение социальных ролей в семье [Bakalian 1993, с. 369-374; Mirak 1983, с. 150-166]. Старшие мужчины в значительной мере утратили свою прежнюю роль главы семьи. Жизненный опыт и знания, на которых основывался их непререкаемый авторитет, в новой жизни уже не играли большой роли. Ограниченные возможности трудоустройства и незнание местных языков свели к минимуму социально-экономическую активность этой группы. Ее члены выступили в качестве основных носителей и защитников норм армянской культуры: в своем большинстве они стали инициаторами организации общинной жизни, включая создание земляческих и других союзов, строительство церквей, школ и т.д. Роль лидеров в семье перешла к работающим мужчинам, что, однако, учитывая вовлеченность также и в общинную жизнь, во многом ограничивало их участие в воспитании детей. При этом постоянные и многообразные контакты с местным населением способствовали их более интенсивной аккультурации, чем остальных членов семьи.

Наиболее ощутимо изменилась роль женщин. Изначально пришедшие им функции «хранительницы очага» и воспитания детей приобрели четкую этническую направленность. Вместе с тем, во многих общинах были созданы женские организации по образцу существовавших в странах Запада, занимающихся благотворительностью и культурно-просветительской деятельностью. Было подмечено, что «...в этом смысле они (армянские женщины) были значительно более активны, чем проживающие в тех же городах польские и греческие женщины» [Warner and Srole 1945, p. 111]. В США в период формирования армянских общин особенно выделялись в этом плане армяне-протестанты.

В традиционной армянской семье ребенок в течение долгого времени находился под контролем родителей и воспитывался в духе строго повиновения им. В условиях трех- и более поколенной семьи и непререкаемого авторитета старших даже создание собственной

семьи не всегда гарантировало полную независимость и самостоятельность, в том числе и экономическую. «Для армянской семьи, - отмечал С.Адамян, - подавление личных желаний в пользу интересов семьи является основной ценностью. Строгие запреты на расточительство и сексуальную свободу, наряду с сильным влиянием матерей, создавали семейный этноцентризм, в условиях которого правила приличия и экономическая самодостаточность играли роль важных стимулов деятельности» [Atamian 1955, p.135]. Стремление первых поколений иммигрантов (из Западной Армении и Киликии, из стран арабского Востока, а затем и из современной Республики Армения) к сохранению этих традиций вступало в противоречие с принятым в странах Запада нормами воспитания, в которых важно поощрение с малых лет у детей таких черт, как самостоятельность и предприимчивость. Как указывает Роберт Мирак, американские армяне «...обвиняя других (не армян – Э.М.) в том, что свои личные интересы они ставят выше интересов собственных детей, в то же время гордятся присущими им реальными или мнимыми способностями семейного воспитания» [Mirak 1983. p.129]. Одним из проявлений этого было их отношение к заработкам детей. Л. Уорнер отмечал, что в армянских, как и греческих, польских и русских семьях, дети обязаны были отдавать заработанные им деньги родителям и, как правило, были лишены права тратить их по собственному усмотрению. По наблюдениям того же автора, со временем происходило ослабление контроля над поведением детей, однако по одному вопросу – доброй сексуальной жизни детей – армяне, как и греки, шли на минимальные уступки, что и служило одной из основных причин конфликтов между родителями и детьми.

С конца 1950-х – начала 1960-х в западных обществах начался процесс кардинального изменения социально-экономического статуса женщин вследствие резкого увеличения числа работающих женщин (в США в начале 1980-х гг. они составили около 43% от общего числа занятых в производстве), их экономической независимости, активной общественно-политической деятельности. Результатом так называемой сексуальной революции стал пересмотр традиционных норм взаимоотношений мужчин и женщин, снятие многих моральных, религиозных и других запретов. В семьях этнических меньшинств тоже вследствие роста числа работающих женщин было сведено к минимуму общение детей с родителями с ран-

него возраста. В первый период иммиграции, когда сохранялась трехпоколенная структура семьи, своеобразной компенсацией этому служило, как уже отмечалось, общение детей с дедушками и бабушками, что обеспечивало этническую направленность воспитания (включая обучение армянскому языку). Однако в дальнейшем, когда среди армян в странах Запада доминирующей стала нуклеарная семья, подобный механизм приобщения ребенка к материнской культуре практически исключался.

Однако и в условиях интенсивной аккультурации отдельные элементы традиционного воспитания сохраняют у армян свою значимость, придавая определенную этническую маркированность их образу жизни. Подтверждением тому проведенное Полем Фройндом исследование относительно потребления алкоголя среди трех поколений американских армян, проживающих в штате Род-Айленд. Фройнд подчеркивает, что армяне на протяжении всей своей истории отрицательно относились к чрезмерному употреблению алкогольных напитков, и лица, пристрастившиеся к алкоголю, осуждались и презирались. Такая ориентация в целом сохранилась и среди американских армян. Они считают, что употребление напитков оправдано лишь при встрече с родственниками и близкими друзьями, во время особых торжеств и т. д. Показательны различия, присущие американскому и армянскому способам гостеприимства. В отличие от американской модели, когда гостей принято угощать спиртными напитками как при встрече, так и при расставании, армяне, как правило, угощают их кофе и лишь изредка алкогольными напитками. По их мнению, «при приеме гостей на столе не должно быть напитков, поскольку они могут подумать, что вы постоянно употребляете их». Еще одной характерной особенностью является то, что американские армяне, в отличие от американцев, не имеют привычки посещать бары и другие подобные заведения, предпочитая застолья в кругу друзей и родственников. Подобное отношение к употреблению спиртного свойственно в основном американским армянам старшего поколения, однако, отмечает П. Фройнд, эта модель в целом характерна и для молодежи. Вот типичные высказывания молодых людей: «Мой отец с утра всегда выпивал маленькую рюмочку водки»; или «Я помню, как мой отец пил рюмку коньяка перед вечерней трапезой или перед сном». Многократное повторение в семье подобной модели поведения – способ

привития определенных, отличных от общепринятых, норм употребления алкоголя, а тем самым и осознания своей этнокультурной специфичности. Как отмечает П.Фройнд, «армянские юноши учатся умеренности и самоконтролю при употреблении алкоголя на примере родителей, а не в силу ритуального употребления, как у евреев, или раннего и частого его употребления, как у итальянцев» [Freund 1979, p. 12].

Приверженность родителей традиционным нормам воспитания помогала молодому поколению в известной степени противодействовать влиянию местной среды, способствовала их дифференциации от других этнических групп и в то же время консолидации вокруг ценностей материнской культуры. Следствием подобного понимания роли семьи, утвердившегося в сознании армянского этноса в силу специфических условий его жизнедеятельности как на родине, так и вне ее, явилось резко негативное отношение к смешанным бракам. Такое отношение, поощряемое старшим поколением и, что следует особо подчеркнуть, Армянской апостольской церковью, в целом было характерно для армянского населения в странах Запада в период до Второй Мировой войны. Так, в 1908–1912 гг. в Нью-Йорке смешанные браки составляли лишь 9,6% от общего числа заключенных местными армянами браков [Mirak 1983, p. 156]. Аналогичная картина наблюдалась и во Франции, где до 1940-х гг. смешанные браки среди французских армян были редким явлением [Boudjikianian-Keuroghlian 1978, с. 107–113]. Малое число межэтнических браков объяснялось помимо прочего низким социально-экономическим статусом армян в первый период после их иммиграции и бытовавших в то время в принимающих обществах представлениях о них как «нежелательных азиатах». В дальнейшем, по мере все более успешной интеграции армян в местные общества, число смешанных браков стало расти и они постепенно стали обычным явлением [Aharonian 1983, p. 38; Boudjikianian-Keuroghlian 1982, p. 609–613; Bakalian 1993, p. 396–406; Kaprielian-Churchill 2005, p. 469–470]. В отличие от религиозной оппозиции в мусульманских странах Востока, в странах Запада догматические различия между Армянской апостольской и местными разного толка протестантскими и католическими церквями не могут служить серьезным препятствием для заключения таких браков.

Очевидно, что естественный процесс интеграции, включения армянских меньшинств в социокультурную среду принимающих

стран, неизбежно и столь же естественно приводил к нарушению межпоколенной трансмиссии этнокультурных традиций и интенсификации процессов ассимиляции среди молодого поколения армян в странах Запада. Уже в 1940-1950-х гг. среди местных армян стали превалировать пессимистические прогнозы относительно сохранения ими своей этнокультурной идентичности. Но примерно в это же время началась иммиграция армян из стран Востока. Они не разделяли господствующие фаталистические настроения и предприняли успешную в целом попытку своеобразной «этнокультурной реанимации» местных общин. Их усилиями активизировалась деятельность существующих и были созданы новые общинные организации, основаны новые газеты и журналы, армянские FM-радиостанции, телеканалы и программы, созданы различные художественные коллективы, театры и пр.

Особое значение имело открытие армянских средних школ, приравненных к государственным, главным образом, в Канаде и США. До этого в США, где проживало уже более 300 тыс. армян, существовали лишь однодневные (воскресные) школы. Это может показаться удивительным, поскольку именно американские армяне постоянно и щедро финансировали культурно-образовательную деятельность армян, включая основание школ, в странах Востока. Подобное, на первый взгляд, пренебрежение собственными нуждами имело свои объяснения, одно из которых финансового характера. В странах Запада основание этнических школ связано с большими трудностями. Чтобы такая школа была признана государством (в противном случае ее существование становится бессмысленным), она должна отвечать целому ряду требований, начиная от соответствия здания определенным критериям и кончая уровнем квалификации учителей и размером их зарплаты. По мере общего развития стран Запада эти требования все более ужесточаются, становясь трудновыполнимыми, тем более, что частные школы, к которым относятся и этнические школы, никак не финансируются властями.

Несмотря на эти и другие трудности, американские армяне, конечно же, были в состоянии открыть хотя бы одну-две школы. Но с учетом финансовых затрат это значило, что они должны отказаться от выполнения ряда программ в странах Востока. Другими словами, они оказались перед дилеммой – всемерно способствовать этническому образованию и воспитанию десятков тысяч армянских

детей (включая сирот) в мусульманских странах Востока, или же основывать школы для своих детей, живущих в сравнительном достатке в христианских странах Запада. Обе задачи были важны, обе требовали немедленного решения, но ограниченные финансовые возможности вынуждали отдать предпочтение одной из них, и оно было отдано армянам в странах Востока. Но очень скоро армяне в странах Запада сами в полной мере ощутили мощное воздействие культуры принимающих стран, делающей весьма реальной ассимиляцию подрастающих поколений, прежде всего языковую.

В этой связи показательна история Молодежной лиги, основанной Армянским всеобщим благотворительным союзом в 1926-1927 гг. в США. В 1931 г. в различных городах страны уже действовало 37 филиалов Лиги, объединявших около тысячи молодых американских армян в возрасте от 16 до 25 лет. О значении, придаваемом этой молодежной организации, говорит сам факт ее равноправного участия в ежегодных конференциях местных отделений АВБС в США. Примечательно, однако, что еще в 1927 г. орган АВБС журнал «Ушарар» начал публиковать специальное приложение на английском языке, поскольку большинство членов Молодежной лиги уже были англоязычными. Тем не менее, в эти годы сами они еще пытались хоть как-то противодействовать забвению армянского языка, организуя, например, курсы по его изучению или применяя денежные штрафы в отношении тех, кто говорил по-английски во время проводимых Лигой мероприятий. Спустя десять лет после основания Лиги выяснилось, однако, что немалая часть ее повзрослевших членов не желают продолжать свою деятельность в филиалах или отделениях АВБС. Руководство Союза, объясняя это языковыми различиями между старшим и молодым поколениями, иным, более «американским» самосознанием молодых людей, вместе с тем стремилось избежать их полного отчуждения. С этой целью в некоторых городах были созданы (часто параллельно уже существующим) т.н. «англоязычные» филиалы. На первых порах в списках филиалов АВБС в США англоязычные филиалы выделялись в отдельную группу, как некое исключение, однако, начиная с 1948 г. языковое различие не имело смысла: исключением стали уже армяноязычные филиалы АВБС.

В этой ситуации призывы светских и духовных лидеров местных общин к скорейшему основанию армянских школ не были, однако,

поддержаны значительной частью армянского населения. Подобное отрицательное отношение является одним из проявлений т.н. «символической этничности», характерной для подавляющей части армян в странах Запада. Американский этносоциолог Энни Бакалян, специально изучавшая это явление, отмечала, что в США в отличие от стран Востока этническая принадлежность, степень, форма и обстоятельства ее манифестации – дело добровольного выбора личности. И поскольку для американцев доминантной целью является личное социально-экономическое благополучие, «американская мечта» с ее индивидуализмом, этническое сохраняется лишь настолько, насколько оно им не противоречит. Поэтому этническое вытесняется из их повседневной жизни и в основном принимает форму символических обязательств в отношении своих предков, своего этнического происхождения. Символическая этничность имеет многообразные проявления, одним из которых и является отношение к армянской школе, армянскому языку. «Учить армянский язык – трудно», «армянские школы слишком этничны, ограничены и обособленны», «хочу, чтобы мои дети уже в школе общались со своими сверстниками разных национальностей» – такова была позиция многих армян в странах Запада по вопросу армянских школ [Bakalian1993, p. 274–275]. С этим была согласна и часть армян-мигрантов из стран Востока, однако в своем подавляющем большинстве именно они инициировали оживление этнопатриотической деятельности общин, в том числе и основание армянских средних школ.

Ныне в США, где численность армян составляет более 1 млн. 200 тысяч человек, действуют 26 армянских школ разного уровня, первая из которых – «Фераян» – открылась в 1964 г. в Энсино. Большинство школ тоже расположено в Калифорнии, в различных городах которой (Лос-Анджелесе, вместе с близлежащими городами Глендейл, Пасадена, Санта Моника, Энсино, Голливуд, Монтебелло, Беверли Хиллз, а также Фресно, Сан Франциско, Сан Диего и др.) проживает более 600 тыс. армян. Здесь, близ Лос-Анджелеса, находится одна из самых больших в диаспоре армянских школ с 12-ти классным обучением «Манукян-Демирчян», где учатся более тысячи детей. Армянские школы сегодня действуют также в Филадельфии, Саутфилде (близ Детройта), Нью-Йорке, Нью-Джерси и др.

Сходная ситуация в сфере этнического образования наблюдалась и во Франции, но здесь влияние (если не сказать — давление) местной, богатой многовековыми традициями культуры значительно сильнее, чем в США. После закрытия из-за недостаточного финансирования в 1995 г. школы «Самуэль-Мурад», долгое время единственной армянской средней школой оставалась школа «Дпроцасер» в Ренси (близ Парижа), основанная еще в 1879 г. в Стамбуле, а с 1922 г. действовавшая в Салониках (Греция). Лишь в 1980-х гг. усилиями местных общин стало возможным открытие во Франции, с ее более чем 450 тыс. армянским населением, четырех армянских школ в Марселе, Ницце, Лионе и Альфорвиле. В Канаде, где основная часть семидесятитысячного армянского населения — иммигранты из стран Востока, действуют шесть армянских школ в Монреале и Торонто [Karprielian-Churchill 1999, p. 225]. Тем не менее, в подобных школах обучается лишь малая часть армянских детей, и большинство местных армян, особенно молодежь, в таких странах, как США и Франция, сегодня слабо владеет армянским языком. Свидетельством тому армянская пресса, которая имеет здесь давние традиции (во Франции подобные издания появились еще в 1855 г., а в США — в 1888 г.). В последние два-три десятилетия постоянно растет число двуязычных (на армянском и местном языке) или исключительно франко- или англоязычных изданий.

Ситуация, складывающаяся в последние десятилетия в сфере этнического образования в странах Запада, заставляет лидеров армянских общин пересмотреть традиционные методы работы. Не ставя под сомнение необходимость существования и развития системы армянских школ, несмотря на требуемые для этого значительные средства, они в то же время справедливо указывают на недостаточное внимание к этнокультурному воспитанию несравненно большей по своей численности части молодого поколения, остающейся вне системы этнического образования. За годы обучения в местных школах, а затем и вдали от своих семей в колледжах и университетах они неизбежно отчуждаются от армянской среды, от участия (в той или иной форме или степени) в общинной жизни. Все это способствует их ускоренной аккультурации и ассимиляции. Между тем, скольконибудь успешное функционирование и развитие армянских общин как интегральных частей принимающих обществ и в то же время как особых этнокультурных образований сегодня трудно представить без

слоя успешных профессионалов, обладающих высоким социально-экономическим статусом. Именно поэтому в последние годы в США, а затем и в других странах создаются специальные организации и программы (например, основанные АВБС «Молодые профессионалы», «Фокус»), которые, с одной стороны, способствуют профессиональному росту молодых специалистов (стажировки в законодательных органах, в ведущих компаниях разного профиля и др.), а с другой – вовлекают их в армянскую среду (ознакомление с историей Армении, встречи с известными деятелями армянского происхождения, участие в общинных мероприятиях и др.).

Постоянный рост числа армян-выпускников колледжей и университетов в странах Запада привел к широкой представленности местных армян в самых различных сферах науки, в том числе и в астронавтике, где особую известность приобрел американский специалист в области космической медицины и биологии, участник космических полетов в 1989 и 1991 гг. Джеймс Багиян. С 1950-х гг. успешно развивается также и арменоведение. В ряде университетов основаны специальные кафедры истории, литературы и культуры Армении и армянской диаспоры. Особенно значима деятельность арменоведческих кафедр Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, Мичиганского университета в Анн Арборе, Колумбийского и Гарвардского университетов. Помимо этого, действует большое число арменоведческих научно-исследовательских центров, например, в США – Society for Armenian Studies, National Association for Armenian Studies and Research, Zoryan Institute, во Франции – Библиотека Нубарян (Bibliothèque Nubar), Le Centre d'Etudes Armeniennes, Centre D'Histoire Arménienne Contemporaine и др.

История армянских общин в странах Южной Америки во многом сходна с историей общин в странах Запада. Маршрут Марсель–Буэнос-Айрес был наиболее далеким и трудным для беженцев, и немногие из них решались или были в состоянии совершить его. Они знали или слышали о живущих там немногочисленных соотечественниках (к примеру, до Первой мировой войны в Аргентине проживало около 2 тыс. армян), но главное, что их влекло туда – надежды (со временем оправдавшиеся) на экономическое благополучие. С самого начала армяне обосновались в крупных городах Аргентины (Буэнос-Айрес, Кордова), Уругвая (Монтевидео) и Бразилии (Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро), а также в Венесуэле и Чили.

Иммиграция продолжилась и в последующие годы, главным образом из стран Востока, а после установления коммунистических режимов – из Румынии и Болгарии. Примерно с 1960-х приток армян практически сошел на нет, и возобновился лишь с начала 1990-х, когда стали прибывать армяне уже из самой Армении. Отсутствие на протяжении четырех десятилетий как механического прироста населения, так и значительной эмиграции – одна из специфических характеристик местных общин. Вследствие этого и сами процессы этнокультурной ассимиляции имеют здесь стабильный характер, о чем свидетельствует как постоянный рост числа смешанных браков, так и столь же постоянное сокращение численности учащихся в армянских школах. Между тем, в Аргентине подобные школы существуют с конца 1920-х, и сегодня в Буэнос-Айресе, где проживает около 70 тыс. армян, действуют семь армянских школ [Binayan Carmona 1996, с. 243–245; Матеосян 2005, с. 327].

В Южной Америке, как и в странах Запада, слабое владение молодым поколением армянским языком не ведет, однако, к отказу от культурных традиций их предков и смене этнического самосознания. Проявлением этнопатриотической деятельности современного молодого поколения аргентинских армян может служить, в частности, издание испаноязычного журнала “Generación 3”, имеющего большое для зарубежной армянской периодики число подписчиков (около пяти тысяч).

Исторический опыт армянских общин в странах Европы и Америки свидетельствует, что процесс совмещения элементов материнской культуры с актуальной культурой протекает здесь в иной, отличной от стран Востока форме. Наиболее явно это проявляется в их повседневной жизни, которая лишь в отдельных случаях – в местах компактного проживания недавних иммигрантов, например в районе Лос Анджелеса, – имеет сколько-нибудь выраженную этническую специфику. Большинство армян в странах Запада предпочитают идентифицировать себя французами, американцами, аргентинцами и др. армянского происхождения и в своей повседневной жизни мало чем отличаются от коренных народов-титულных наций. Сегодня среди них можно выделить по крайней мере три основные группы: потомки иммигрантов из Западной Армении, Киликии и других районов Турции, т.н. «старожилы», иммигранты из стран Востока, и иммигранты из Республики Армении.

Степень доминирования культуры принимающей страны, иначе говоря — степень ассимиляции в этих группах идет по восходящей в соответствии со временем их иммиграции. Вместе с тем, применительно к «армянам с Востока» можно говорить о совмещении уже не двух, а трех культур — армянской, арабской (или иранской) и культуры страны иммиграции (Франции, Канады, США и др.). Примерно та же картина в случае с «армянами из Армении», которые являются, в той или иной степени, носителями и русско-советской культуры. Но даже немногие сохранившиеся элементы армянских традиций позволяют им с гордостью говорить о своей причастности к культуре и истории своих предков.

От Российской империи к постсоветскому пространству

Особое место в истории армянского зарубежья принадлежит России, где армяне постоянно проживают на протяжении последних более десяти веков и где их численность больше, чем в других странах диаспоры.

Первые упоминания об армянских поселенцах в Древней Руси относятся к X–XI вв., что в немалой степени объясняется принятием здесь христианства в 988 г. Развитию армянской общины в Киеве способствовала, по мнению ряда авторов, и женитьба великого князя Владимира Святославовича на Анне — сестре византийского императора Василия II, армянина по происхождению [Гер-Саркисянц 1998, с. 257]. Помимо традиционных для них мирных профессий — ремесленники, торговцы, врачи и др. — армяне были известны и как отважные воины, и в качестве таковых специально приглашались на военную службу местными князьями. «Армяне наравне с местными жителями воевали с половцами, печенегам, позднее с монголо-татарами, с тевтонскими рыцарями; известно, например, что в битве при Грюнвальде в 1410 г. в составе Смоленских войск было два армянских полка» [там же]. В последующем из Киева путь армян лежал в Смоленск, Львов, Каменец, Луцк, Владимир и другие города.

В Поволжье армяне начали селиться еще в раннем средневековье. Это были, как обычно, ремесленники и торговцы, привозившие восточные товары. Новый приток армян-беженцев сюда начался в XI в., вследствие завоевания Армении турками-сельджуками. Именно в это время г. Булгар стал застраиваться каменными здани-

ями, которые возводили армянские мастера. Согласно А. Смирнову, «армянская архитектурная школа оказала влияние на формирование болгарского зодчества» и от Конии до Самарканда, от Булгар до Багдада «носителями лучших традиций резьбы по камню являлись армяне» [Смирнов 1958, с. 330–359]. После завоевания и разгрома Булгара московскими войсками в 1431 г. местные армяне переселились в Казань. Об их заметном присутствии здесь говорит факт основания армянской церкви, кладбища, появление двух Армянских улиц. Армяне вынуждены были покинуть Казань после эпидемии XVII в., однако с XVIII в. их численность вновь начинает расти. Примечательно что именно здесь, в Казанском университете в 1839 г. была основана первая в России кафедра армянского языка и литературы, которую возглавил известный ученый-просветитель С. Назарянц, позже, в 1849 г., назначенный на должность заведующего кафедрой восточных языков и литературы в Лазаревском институте в Москве. «Деятельность С. Назарянца, — отмечает Т. Титова, — отражает тот факт, что в середине XIX в. в среде армянского населения Казани наряду с торговцами и ремесленниками начала формироваться новая страта — “интеллигенция”, поддерживавшая связь как с местной элитой, так и с другими армянскими колониями» [Титова 2004, с. 66].

В XVII в. по мере восстановления страны после Смутного времени и оживления экономической жизни, во внешней торговле России все более возрастает роль каспийского направления как одного из важных торговых путей между Востоком и Европой. И именно армянские купцы из уже упомянутой Нор Джуги в Иране стали первыми среди тех, кто начал осваивать этот новый, неизведанный ранее торговый маршрут. В 1660 г. в Москву для переговоров с русским двором приезжают представители Армянской торговой компании из Нор Джуги — Ходжа Закар Саградян и Григор Лусиков со знаменитым Алмазным треном и другими богатыми подарками для царя. Успешно начатые переговоры завершились подписанием в 1667 г. договора, по которому армянские купцы — первые из иностранцев — получили не только привилегии свободной торговли от Астрахани до Архангельска, но и права транзита через Россию в Европу. Освоение нового торгового пути, отправным пунктом которого на территории России стала Астрахань, привело к приросту здесь армянского населения, формированию общинных структур.

В истории армян в России рубежным стало царствование Петра I, имея в виду, главным образом, его активную восточную политику. «Вам, ради христианства, как христианам нельзя отказывать в покровительстве» — так писал Петр I в своем обращении к армянам [Грев 1898, с. 506]. Нисколько не отказывая политике России в моральной составляющей, следует отметить, однако, что Россия, как и любая другая держава, руководствовалась прежде всего своими государственными интересами. Другое дело, что сам факт принадлежности армян к христианству, их стремление освободиться от гнета иноверцев, их надежды в этом на Россию придавали им особую значимость в осуществлении геополитических устремлений России на Кавказе. Но не только...

Петр I и его преемники были убеждены, что именно армяне могут стать лучшими насадителями гражданственности, торговли и плодотворного труда на юге империи. Отсюда понятно предложение Петра о переселении армян из Османской империи в новоприсвоенные Россией прикаспийские территории (в том числе Гилян, Баку, Дербент и др.), с гарантией таких условий жизни и работы, что переселившиеся армяне, по его словам, «...в кратком времени в такое состояние придти могут, что они оставленные те провинции забудут, и вне опасности, от всякого бусурманского нападения, по закону своему пребывание свое иметь будут» [Кананов 1898, с. 522].

После того, как по договору 1735 г. Россия вернула Персии западное побережье Каспия, еще более возросла роль крепости Кизляр, куда были переведен Армянский эскадрон, состоявший из армян Карабаха и Восточного Закавказья. Вследствие постоянного притока армян из других регионов России и Закавказья Кизляр развивался как армянский город и вплоть до XX в. армяне составляли большинство его населения. В первые десятилетия существования Моздока в нем также преобладало армянское население, и в последующем армянская община была самой крупной в этом городе, имеющем, как и Кизляр, важное торговое и военно-стратегическое значение. В самом конце XVIII в. переселившиеся в этот регион из Бакинского, Дербентского и Кубинского ханств армяне основали новые селения — Малахолинское, Дербентское, Караджил, Касаева Яма (впоследствии по просьбе армян переименованное в Едессию) и др., а также город Святой Крест (ныне Буденновск).

Армяне оправдали связанные с ними ожидания в плане как налаживания внутренней и внешней торговли, так и хозяйственного освоения Поволжья и Восточного Предкавказья. Так, в частности, именно они стали пионерами развития в России виноградарства, шелководства, хлопководства, а кизлярские армяне первыми наладили производство коньяка и разведение риса, «который называли здесь “сорочинское ереванское пшено”» [Тер-Саркисянц 1998, с. 283; Хачатурян 2000, с. 87–88]. Отсюда и покровительственное отношение к ним со стороны русских властей, предоставление им в XVIII в. особых прав и привилегий, включая – и это стоит особо отметить – собственное судопроизводство и самоуправление. Все это, в свою очередь создавало благоприятные возможности для этнопатриотической деятельности местных армян. Помимо армянских церквей, основанных практически во всех местах их проживания (в одном только Кизляре их было три), открывались армянские школы, училища, типографии, создавались культурные, благотворительные и др. общества. В этом смысле особо следует отметить деятельность астраханской общины. В начале XVIII в. здесь была построена первая армянская церковь, в последующие годы – еще три, а в 1717 г. была основана Астраханская епархия, первая из епархий Армянской апостольской церкви в России. Астраханская община занимала лидирующее место и по числу армянских школ, первая из которых была основана архиепископом Иосифом Аргутинским уже в 1780 г. Была в Астрахани и армянская духовная семинария, а также ремесленное училище. В городе имелась армянская типография, где печаталось первое в России армяноязычное периодическое издание «Восточные известия», в 1868 г. открылся армянский театр, просуществовавший до 1930-х гг., действовали различные культурные и благотворительные организации.

Политика России по собиранию армян, начавшаяся при Петре I, продолжилась и в последующем, особенно в период царствования Екатерины II (1762–1796), политика которой по дальнейшему расширению империи была невозможна без механического роста населения. «Принятые ею в 1762–1764 годах манифесты и были направлены на привлечение иностранцев на пустующие земли между Доном и Волгой. Для этих целей манифестом 1763 года в Санкт-Петербурге была создана специальная “Канцелярия Опекунства Иностранцев” (по сути одна из первых в мире государственных служб

по миграции), которой ежегодно выделялось до 200 тыс. рублей на оказание помощи иностранцам при их переселении в Россию» [Ионцев, Лебедева, Назаров, О कोरोков 2001, с. 367]. Подтверждением тому стали такие знаковые, беспрецедентные для армян зарубежья события, как основание для них двух городов. Первый из них - Нор Нахичеван, основанный на Дону в 1779 г., был предназначен для армян, переселенных сюда из Крыма с целью как освоения новых территорий, так и подрыва экономики Крымского ханства, поскольку именно христиане (армяне и также переселенные греки) были основными носителями земледельческой и ремесленной культуры в Крыму. О степени заинтересованности властей в этом переселении говорит и проявленная ими готовность удовлетворить требования армян – освобождение от государственных податей и служб на 10 лет, от воинской повинности на 100 лет, свободная торговля внутри и вне страны, право на основание армянских церквей, а также промышленных объектов и др. По примеру других колоний жителям Нор Нахичевана (как и основанным близ него и с той же целью пяти армянских селений) было дано право на внутреннее самоуправление (магистрат), а делопроизводство велось на армянском языке. Помимо успешной экономической деятельности, местные армяне не меньшую активность проявили в культурно-образовательной сфере. Основание церквей, духовной семинарии, мужской и женской гимназий, школ, театра, первой на юге России топографии в 1790 г. – благодаря всему этому Нор Нахичеван (позднее – Нахичевань-на-Дону) стал одним из главных культурных и экономических центров не только юга России, но и армянского зарубежья. В дальнейшем экономический рост близлежащего Ростова привел к слиянию с ним Нор Нахичевана, и уже в советские годы (1928 г.) Нор Нахичеван был переименован в Пролетарский район г. Ростова-на-Дону.

Иначе сложилась история города Григориополь, также основанного для армян-переселенцев из Бессарабии сразу после русско-турецкой войны 1787-1791 гг., опять-таки в целях скорейшего освоения новоприобретенной территории уже на западе империи – между Бугом и Днестром. В начальный период Григориополь, в котором в 1790-х гг. проживало около 4,5 тыс. армян, в силу предоставленных ему привилегий и статуса развивался достаточно динамично. Здесь также армяне развернули активную деятельность в раз-

личных сферах экономики и торговли как со странами Востока, так и Европы. Вскоре, однако, отток в основном зажиточной части населения в более перспективные для ведения дел Одессу, Кишинев и другие российские города, постоянный приток украинских казаков, молдаван, греков, русских и др. привел к значительному снижению доли армянского населения в городе. Тем самым, Григориополь из «армянского» города превратился в город с армянской общиной, хоть и достаточно крупной. Окончательный исход армян из Григориополя произошел уже в XX в., в годы потрясений, вызванных большевистской революцией 1917 г., когда армяне эмигрировали в Бессарабию, откуда в свое время переселились их предки, и далее в Румынию — круг замкнулся.

Одни лишь эти примеры подтверждают, что организованные Россией переселения армян служили достижению весьма определенных политических, экономических и иных целей, чем и объясняется предоставление армянам-переселенцам самых различных льгот и привилегий. Среди последних для армян особенно значимой была защита силою закона их важнейших национальных ценностей — церкви и языка. Все это не могло не стимулировать иммиграцию в Россию все большего числа армян, как бы подтверждая предвидение Екатерины II: «находящиеся за границею армяне, видя благоденствие переселенцев, к ним присоединятся» [Грев 1898, с. 507].

Спустя десятилетия, ближе к середине XIX в., в России сложилась иная ситуация, продиктованная логикой развития страны. Полное военно-политическое утверждение ее на всем Кавказе и в Северном Причерноморье, сопровождаемое быстрым развитием русской торгово-промышленной буржуазии — все это практически свело на нет роль армян как важного фактора в геополитической и экономической стратегии России. И как следствие, армянские общины были лишены всех дарованных им прежде правовых, экономических и иных привилегий. Более того, как показывает пример армян в Туркестане, их экономическая активность, подкрепленная знанием русского, персидского и тюркского языков, вызывала уже неприкрытое недовольство местных властей.

Армяне (в основном из Закавказья и Ирана) начали селиться в Туркестане сразу после завоевания Россией во второй половине XIX в. лежащих к востоку от Каспийского моря территорий. Ближе к концу XIX в. уже около 40% наиболее крупных торговых заведений За-

каспия принадлежало армянам, они же сыграли большую роль в установлении (несмотря на все противодействие Англии) торговых отношений России с Ираном и впервые с Афганистаном. [Григорьянц 2000, с. 124]. Вместе с тем, они способствовали становлению и развитию экономики края — зернового земледелия, хлопководства, рыбного и нефтяного промысла и др. Подобная деятельность местных армян, в конечном счете служившая экономическим и политическим интересам России, ее утверждению на новых территориях, вызвала, однако, резкое неприятие в шовинистически настроенных кругах страны. Так, начальник Закаспийской области А. Куропаткин (вскоре уже военный министр) выражал озабоченность по поводу того, что «...край оказался в десять лет времени в значительной мере армянским углом», и, сожалея, что «...русско-поданные армяне не могут быть ущемлены, как, например, евреи в правах на поселение», призвал принять меры для ограничения их численности в Туркестанском крае [Григорьянц 2000, с. 124]. В не меньшей мере местная власть была обеспокоена стойкой приверженностью армянского населения страны своим культурным традициям, верностью Армянской апостольской церкви, следствием чего стал известный царский указ от 12 июня 1903 г. о конфискации имущества армянских церквей и закрытии церковно-приходских школ на всей территории Российской империи. Однако, встретив решительное противодействие армян, власть уже в 1905 г. вынуждена была отменить данный указ. В последующие годы армянские церкви, помимо построенных в Ашхабаде и Кизыл-Арвате еще в 1880-х гг., были основаны во всех других городах Средней Азии (в Мерве, Ташкенте, Бухаре, Самарканде и др.). Среди разного рода общинных организаций здесь особой активностью отличались армянские женские благотворительные организации, которые не только оказывали материальную и иную помощь немущим, но и сами основывали детские сады и школы.

Поскольку начиная с середины XIX в. Россия более не нуждалась в организации и стимулировании иммиграции армян, с этого момента пополнение армянского населения Российской империи происходило лишь за счет беженцев из Османской империи. Значительный приток беженцев начиная с 1860-х гг. был обусловлен все ужесточающейся политикой Турции против ее армянского населения, приведшей в 1894-1896 гг., в период правления султана Абдул Гаида II, к геноциду около 300 тыс. армян.

На первых порах армяне расселялись на Черноморском побережье Кавказа, однако впоследствии постепенно обосновались по всему югу России. Они не были первыми армянскими поселенцами в этом регионе. В течение XV–XVI вв. именно сюда, в Черкессию переселялись армяне из Армении, а также из Крыма после завоевания его Турцией. Вследствие длительного проживания среди черкесов при дисперсном расселении и большого числа межэтнических браков, армяне переняли многие элементы черкесской культуры, сохранив, однако, свое национальное самосознание, во многом благодаря верности Армянской церкви, а также своему высокому социальному статусу. «Осознавая свое резкое отличие от остальных армян, черкесо-гаи (черкесские, или горские, армяне – Э.М.) тем не менее называли себя, как и окружающие их народы, эрмелы (крымско-татарский термин, означающий “армянин”» [Тер-Саркисянц, с. 285–291]. С течением времени черкесо-гаи расселились в различных городах и станицах юга России – Нор Нахичеване, Екатеринодаре (ныне Краснодар), Новороссийске и др. В 1839 г. ими был основан отдельный Армянский аул, который вскоре был переименован в Армавир по названию одной из столиц исторической Армении. Армавир стал еще одним важным культурным и торгово-промышленным центром армян на Северном Кавказе.

В многочисленном ряду местных предпринимателей одним из самых богатых было семейство Тарасовых (Торосян), выходцем из которого был упоминавшийся выше писатель Анри Труайя (1911–2007), автор многих книг по русской истории и культуре. В книге «Моя столь длинная дорога» он пишет: «Семья моего отца родом из Армавира, небольшого полуармянского-получеркесского городка на Северном Кавказе. С незапамятных времен армяне жили в тесной дружбе с черкесскими племенами. У черкесов они переняли образ жизни, язык и одежду... Они то и дело взывали к Аллаху, но хранили верность христианскому богу. В аулах, где жили эти черкесо-гаи, как их называли, не было церквей. Раз в год с далекого юга, из Эчмиадзина, приезжал в этот край армянский священник и венчал молодые пары и крестил новорожденных» [Труайя 2005, с. 15].

В Армавире были построены три армянские церкви, из них первая – Сурб Аствацацин (Св. Богородицы) в 1861 г., а первая армянская школа для мальчиков была открыта в 1847 г. Спустя два десятилетия открылись еще две – для мальчиков и для девочек. В 1914

г., когда Армавир получил статус города, численность его населения составляла 44 тыс. человек, из них более 8 тыс. армян.

Следствием новой волны иммиграции, начавшейся во второй половине XIX в., стало не только количественное увеличение уже существующих армянских общин на юге России, но и основание новых в Анапе, Сочи, Туапсе и др. При этом переселение армян из Трапезунда и других прибрежных районов Турции (так называемые амшенские армяне) на Черноморское побережье Кавказа было обусловлено не только привычными для них природно-климатическими условиями, но и заинтересованностью российских властей в освоении этих территорий, опустевших после Кавказской войны 1864 г. Примерно в эти же годы и по той же причине возросла численность армян и на территории современного Ставропольского края – в Ставрополе, Кисловодске, Пятигорске и др.

Первое упоминание об армянах в Москве относится к концу XIV в., когда образование централизованного русского государства способствовало развитию торгово-экономических связей Москвы с восточными странами. «Армянские торговцы, – отмечает В.Хачатурян, – также совершали поездки в татарские владения на Волге и далее, вверх по Волге – в Московское государство, вплоть до Архангельска, Великого Новгорода, поселений Финского залива. Некоторые современники называли волжский путь “Армянской дорогой”» [Хачатурян 2000, с. 80]. Превращение Москвы в важный торговый центр привлекало сюда армянских купцов (в XIV в. существовал особый армянский торговый ряд и Армянский торговый дом), в том числе из Крыма и Поволжья. Помимо ремесленников и торговцев, здесь активную роль играли также армяне-переводчики («толмачи»), как с армянского, так и с восточных языков. В середине XVII в. в Москву приехал из Персии Богдан (Иван) Салтанов, ставший царским живописцем и иконописцем и подготовивший целую плеяду московских живописцев-армян [Ананян, Хачатурян 1993, с. 94–95]. Но качественно новый этап в истории местной армянской общины, начавшийся в период царствования Екатерины II, неразрывно связан с семьей Лазаревых. Семья богатого купца Лазаря Лазарева (Егиазар Лазарян) переселилась в Россию из Ирана, из Нор Джуги. Обосновавшись в Москве в 1758 г., Лазаревы основывают в Москве, а затем и в Петербурге мануфактуры по производству шелка, и вскоре становятся также владельцами крупней-

ших горнозаводских предприятий и соляных промыслов. Будучи одной из богатейших семей России, Лазаревы были первой армянской фамилией, получившей в 1774 г. дворянское звание, они поддерживали близкие отношения с такими влиятельными лицами как братья Орловы, Потемкин, Вяземский, Суворов и др. Отличительной характеристикой этой семьи, ее разных поколений было постоянная приверженность этнопатриотической деятельности, проявленная в самых различных сферах. Так, уже в 1779 г. И.Л.Лазарев финансировал строительство второй в Москве армянской Крестовоздвиженской церкви (Сурб Хач) по проекту знаменитого архитектора Ю.М.Фельтена в Столповом переулке, который вскоре после этого был назван Армянским переулком. «На средства Лазаревых в 1815 г. была открыта еще одна армянская церковь в Москве – Святого Воскресения (Сурб Арутюн) на купленном Лазаревыми участке в Ваганькове, где разместилось и новое армянское кладбище» [Ананян, Хачатурян 1993, с. 27]. В Санкт-Петербурге, на Невском проспекте, по проекту все того же Ю.Фельтона И.Лазаревым была построена армянская церковь Сурб Катарине, освященная в 1781 г. и ставшая одним из украшений города.

В районе Армянского переулка в Москве в 1815 г. был основан знаменитый Армянский Лазаревский институт восточных языков с преподаванием армянского, персидского, турецкого, арабского и европейских языков. Лазаревский институт стал главным центром армянского просвещения, арменоведения, подготовки национальной интеллигенции в России. В нем учились поэты Р.Паткян и В.Терян, художник В.Суренянц, актер и режиссер Р.Симонов, академик К.Мелик-Оганджян. Институт оканчивали далеко не только армяне: выпускниками Лазаревского института были К.Станиславский, писатели Ю.Веселовский и В.Лидин, литературовед Д.Благой, и другие. В пансионе при институте получил среднее образование И.Тургенев. Среди преподавателей были видные российские востоковеды – Ф.Корш, А.Крымский, В.Миллер, Р.Гордлевский, Р.Якобсон.

Помимо Лазаревых в российском высшем свете были представлены и другие армянские семьи - князей Абамеликов и Аргутинских, графов Лорис-Меликовых и др. Наиболее известно имя генерала Микаэла Лорис-Меликова (еще одного выпускника Лазаревского института), ставшего при Александре II министром внутрен-

них дел. Анне Давыдовне Абаделик, талантливой переводчице и одной из красивейших женщин своего времени, посвящали стихи Пушкин, Лермонтов и Вяземский. Ее брат Семен Абаделик, женившись на Елизавете Христофоровне Лазаревой, стал основателем объединенного рода Абаделик-Лазаревых. И что примечательно, спустя многие годы, уже в наши дни во дворце Абаделика в Риме расположилось посольство Российской Федерации в Италии, а в здании Лазаревского института — посольство Республики Армения в России.

* * *

Наиболее крупные центры армянского зарубежья в Российской империи были расположены на территориях современных Грузии и Азербайджана.

На сопредельных территориях Армении и Грузии армяне, как и в случае с Ираном, проживали с древнейших времен. В разные исторические периоды изменение границ соответствующих областей отнюдь не означало перемещение их жителей в сторону Армении или Грузии. Общая для них христианская вера, относительно более безопасные условия жизни, широкие возможности для экономической, торговой, культурной деятельности — все это способствовало как развитию местного армянского и грузинского населения, так и новым переселениям при изменении военно-политической ситуации в Армении или Грузии. Так, много армян переселилось в Грузию после падения Армянского царства Багратидов в XI в.; новые переселенцы сыграли немаловажную роль в процессе объединения грузинских земель, завершившемся при Давиде Строителе (1089—1125). Именно при нем в целях развития экономики страны было организовано переселение армян, главным образом ремесленников и купцов, в центральные районы — в Тбилиси, а также в Гори, само основание которого тесно связано с армянами. В Тбилиси, где армяне обосновались в VI в. и уже в 631 г. основали церковь Сурб Геворг, они жили в основанных ими же кварталах Авлабар и Сололак, и вскоре стали играть все возрастающую роль в жизни города. Уже при Георгии III и царице Тамаре (1184—1213 гг.) должность градоначальника (амира) Тбилиси становится наследственной привилегией армянского княжеского рода Арцруни. В разных сферах управления страной важную роль играли представители и дру-

гих княжеских родов (Захаряны, Умекияны, Ваграмяны, Бекдабекяны и др.). Подобная широкая представленность армян во властной элите страны объяснялась спецификой грузинского государства того времени. «Царство Тамары, — отмечал И.Можейко, — занимавшее почти все Закавказье, было государством христианским. И служили царице христиане. Они могли быть грузинами, курдами, армянами или осетинами, но все вместе ощущали себя христианами в противопоставлении миру ислама. Внутри же системы различалась независимо от национальности принадлежность к тому или иному течению в христианстве». Это положение Можейко иллюстрирует на примере сыновей «верного сподвижника» Георгия III, амирспасалара (главнокомандующего) Саргиса Мхаргрдзели — Закарэ и Иванэ. «Отцом своим Саргисом они были воспитаны в лоне армянской церкви. В грузинской державе достигли высочайших постов. Оба стали заметными фигурами как в грузинской, так и армянской истории». И несмотря на то, что впоследствии Иванэ перешел в грузинскую веру, «это не мешало братьям верно служить Тамаре (мать которой, в свою очередь, была осетинкой — Э. М.) и много лет сражаться рядом» [Можейко 1989, с. 291–292].

Переселения армян в Грузию продолжились и в последующем, приняв массовый характер начиная с первой половины XVIII в. Объяснялось это крайне тяжелым положением, в котором оказались армяне после второго раздела Армении между Турцией и Ираном в 1639 г. Завоевательная политика Ирана распространилась и на территорию Грузии, население которой также подверглось жестоким гонениям. В этой ситуации для обоих народов особое значение приобрел Персидский поход, предпринятый в 1722 г. Петром I. Согласно плану русской армии, на побережье Каспийского моря должна была произойти встреча русских войск с объединенными силами грузин и армян, которые возглавляли соответственно царь Вахтанг VI и Гандзасаркий Католикос Есаи Гасан-Джалалян. Встреча войск, однако, не состоялась — Петр I вынужден был в силу разных причин приостановить Персидский поход, а Армения и Грузия, несмотря на развернувшееся освободительное движение, остались под властью иноверцев.

Следствием всех этих событий стало переселение тысяч армян в различные районы Грузии — Тбилиси, Мухран и др., а с конца XVIII в. — в Болниси, Шулавер и др., а также в обезлюдившие

Картли и Кахетию, что, в свою очередь, способствовало экономическому развитию этих районов. Столь характерное во все времена для иммигрантов стремление обосноваться в городах проявилось и в данном случае. Начиная с этого времени и примерно до середины XIX в. армяне в ряде городов (Тбилиси, Гори, Телави, Сгнах) составляли большинство населения. Об их влиянии и авторитете свидетельствует то, что «...меликом – городским головой Тбилиси при грузинских царях традиционно назначался армянин. Это говорит о том, что высшая государственная власть, считаясь с тбилиским армянским населением, составлявшим в городе большинство, назначало городским головой армянина. Последним царским меликом в Тбилиси к концу XVIII в. был Дарчо Бебутов...» [Чхетия 1958, с. 161-162].

В начале XVIII в. Грузия, осознавшая свою неспособность самостоятельно противодействовать катастрофической по своим последствиям военно-политической экспансии Персии, вынуждена была обратиться за помощью к России. В свою очередь Россия, начавшая к тому времени под флагом защиты местного христианского населения политику продвижения на юг, с готовностью откликнулась на это, и в 1801 г. Грузия, а также часть северных районов Восточной Армении вошли в состав Российской империи.

Последовавшие за этим победоносные для России войны с Персией 1804–1813 и 1826–1828 гг. и с Турцией 1828–1829 гг. привели не только к значительному приращению территории России, но и к радикальным изменениям в жизнедеятельности местных христианских народов, избавив их от постоянной угрозы физического уничтожения и насильственной ассимиляции.

Для армян большое значение имели также специальные статьи Туркманчайского и Адрианопольского послевоенных договоров, которые дали возможность армянскому населению из Ирана и находившейся в составе Османской империи Западной Армении переселиться в пределы Российской империи. Этой возможностью в 1828–1831 гг. воспользовались около 150 тыс. армян, большая часть которых осела на территории присоединенной к России Восточной Армении. Часть их обосновалась в сопредельных районах Грузии, также вошедших в состав России – в Джавахке, Самцхе и др., в том числе в городах Ахалкалаи и Ахалцихе, где они вместе с проживавшими здесь армянами составили с этого времени большинство на-

селения. Новые группы армян-беженцев из Турции поселились в различных районах Грузии в 1890-х, а также в 1915–1920-х гг. На этом завершилась длительная история переселения армян на сопредельные территории Грузии. В последующие годы начался обратный процесс эмиграции армян из Грузии.

Вхождение Закавказья в состав России, и, тем самым, включение его в единую социокультурную и политико-экономическую систему российского государства предопределило ускоренное развитие этого региона. В условиях, когда российские власти обеспечивали в целом равные права и возможности для всех народов края, армяне, проживавшие на территориях современных Грузии и Азербайджана, проявили высокую активность в различных сферах деятельности. К концу XIX в. в городах Тбилиси, Гори, Телави, Сухуми, Кутаиси, Ахалцихе, Ахалкалаки и др. проживало 280 тыс. армян. Они были представлены практически во всех социальных группах – от рабочих и крестьян и до торгово-промышленной буржуазии. Среди предпринимателей были пионеры освоения бакинских нефтяных промыслов, выдвинувшиеся в первые ряды промышленной буржуазии России. Примечательно, что жили они не в Баку, а в Тбилиси – административном и культурном центре всего Закавказья, где принимали деятельное участие в развитии экономики и банковской сферы. Уже в конце XIX в. армянам принадлежало около 60% торговых и промышленных предприятий Тбилиси.

Традиция управления городом армянами продолжилась и после вхождения Грузии в состав России – в 1840 г. первым городским головой Тбилиси был избран О.Измаилян. В последующие годы также за редкими исключениями именно армяне избирались на эту должность, последним из них до установления советской власти в 1921 г. был А.Хатисян, впоследствии премьер-министр Первой республики Армения в 1919–1920 гг. [Карапетян 2003]. Объяснялось это почти полным отсутствием грузин в списке коренных знатных граждан первого ранга (мокалаков) – «нерасположение природных Грузин к городской жизни, к Торговой промышленной деятельности, было так сильно, что несмотря на все выгоды и преимущества сословие мокалаков состояло почти из одних Армян...» [Бакрадзе и Берзенов 1870, с. 88].

Многочисленное, компактно проживающее на протяжении веков армянское население, наличие значительного финансово-эко-

номического потенциала, интегрированность в различные, в том числе и высшие структуры общества, создавали широкие возможности для организации полноценной этнокультурной деятельности армян в Грузии, в первую очередь в Тбилиси. Следует особо отметить, что после присоединения Закавказья к России, этот город – южная «столица» империи – стал культурным, финансовым и политическим центром армян не только Грузии, но и всей Восточной Армении. В этом смысле он был для них столь же значим, как Стамбул (Константинополь) для армян Западной Армении. Более того, доминантный в России статус христианства, отсутствие национальной и религиозной дискриминации (за исключением отмеченных выше запретительных мер 1903–1905 гг.) создавали здесь тем больше условий для самоорганизации местных армян и развития армянской культуры в целом.

Как и в других странах, здесь также первичным и основным механизмом самоорганизации явилась церковь. Начиная с VII в. армянские общины в Грузии возглавлялись армянскими епископами, а уже в XII в. в Тбилиси была основана епархия Армянской апостольской церкви. В последующие века церкви строились почти во всех городах с армянским населением; в 1837 г. действующих церквей было 198, а в начале XX в. – больше 250. Долгое время именно при церквях основывались армянские школы, но после вхождения Грузии в состав России и роста численности армян начали открываться и светские школы, многие из них – на попечение духовных властей общины. Наибольшей известностью пользовалась школа «Нерсисян», основанная в 1824 г. в Тбилиси, выпускниками которой были поэт Ованнес Туманян, архитектор Каро Алабян, один из руководителей советского государства Анастас Микоян и др. Показательно, однако, что большая часть армянских детей, тем не менее, посещала местные русские школы, в том числе и основанные самими армянами, поскольку знание русского языка обеспечивало широкое поле деятельности не только в самой Грузии, но и в пределах всего российского государства. Подобное языковое предпочтение, более характерное для просвещенной части местных армян, совмещалось, однако, с широкой и активной этнической деятельностью в самых различных сферах. Свидетельством тому армянские театры в Тбилиси и Батуми, Тифлисское артистическое товарищество с собственным зданием театра (ныне грузинский театр им. Ру-

ставели), Армянское драматическое товарищество, Товарищество армянских художников, литературные объединения, в том числе известный «Вернатун» (О.Туманян, А.Исаакян, Л.Шант и др.), более 260 наименований издававшейся в разные годы периодики и др. В ряду этих и многих других организаций надо особо выделить благотворительные союзы – Кавказское армянское благотворительное общество и Благотворительный союз армянских женщин. Первый из них был основан в 1881 г. известным врачом Баграмом Навасардяном. Родившись и получив среднее образование в Эчмиадзине, а затем и в Тбилиси, он продолжил учебу в Военно-медицинской академии в Петербурге. С началом русско-турецкой войны 1878–1879 гг. он записался добровольцем на Кавказский фронт, где стал очевидцем страданий десятков тысяч обездоленных беженцев. По возвращении в Тбилиси Навасардян инициировал создание Всеармянского общества - благотворительной организации для оказания помощи армянам как в Армении, так и в зарубежье. Однако усиление в стране консервативных сил, последовавшее за убийством императора Александра II, вынудило ограничить деятельность общества лишь Кавказом, соответственно и сама организация стала называться Кавказским армянским благотворительным обществом (КАБО).

Начав свою деятельность в ноябре того же 1881 г., КАБО вскоре открыл свои отделения в Ереване, Вагаршапате (Эчмиадзине), Александрополе (ныне Гюмри), Армавире, Батуми, Телави, Сгнахе, Ахалцихе, Ахалкалаки, Моздоке и в некоторых других армянонаселенных городах Кавказа. В этот период КАБО, обеспокоенное низким уровнем грамотности населения, содержало на свои средства свыше 100 сельских школ и библиотек, в ряде городов открыло курсы для учителей, предоставляло стипендии для учебы в различных европейских и российских университетах, а также в школе «Нерсисян» и семинарии «Геворгян» в Эчмиадзине. Однако столь масштабная деятельность вызвала резкое неприятие со стороны назначенного в 1896 г. главноначальствующего гражданской части Кавказа князя Григория Голицина, инициатора принятого позднее, в 1903 г. «Закона о конфискации имущества Армянской церкви». По его приказу были закрыты все отделения КАБО, за исключением тбилисского, запрещена его культурно-просветительская деятельность. Лишь в 1908 г. уже при новоназначенном заместителе графе И. Воронцове-Дашкове КАБО смогло не только возобновить свою дея-

тельность, но и значительно расширить ее. С 1908 г. общество выделяло пособия 63 церковно-приходским школам ереванской и тбилисской епархий, содержало около 140 школ, библиотеки, мастерские, благотворительные столовые, основало фонды: Издательский, а также «Абовян-Назарян» и Педагогический для помощи литераторам, учителям и др. В 1921 г., когда закрытие Кавказского армянского благотворительного общества властями Советской Грузии стало неизбежным, все свое имущество оно передало Советской Армении [Гевенян 2002, с. 111–122]

Значимость Тбилиси в истории армянского народа обусловлена была и тем, что с конца XIX в. город Тбилиси являлся также одним из главных центров армянской политической жизни. Именно здесь был основан ряд политических организаций - партия «Дашнакцутюн» (1890 г.), Армянское национальное бюро (1912 г.), а в 1917 г. – Армянская народная партия (кадеты), Армянский национальный совет, Совет западных армян и др., главной целью которых было национальное самоопределение армян в Османской империи, воссоздание армянской государственности. С началом Первой мировой войны они приняли активное участие в создании армянских добровольческих формирований в составе русской армии.

На территории современного Азербайджана, отдельные части которого в разные периоды входили в состав Армении, Ирана, Арабского халифата, а впоследствии государственных образований пришедших сюда кочевых племен (турки-сельджуки, монголы, огузы-туркмены), армяне проживали издавна, и уже в 500 г. в Баку была построена первая армянская церковь. Свидетельством их постоянного проживания здесь и роста численности является, в частности, то, что после присоединения этих территорий к России, согласно принятому в 1836 г. Указу об управлении делами Армянской церкви в подчинении первопрестольного Св.Эчмиадзина была создана Шамахинская (или Ширванская) епархия Армянской церкви, которая включало города Баку, Шамаха, Геокча, Куба, Дербент и др. Накануне Первой мировой войны в составе этой епархии было 39 церквей, из коих в Шамахе, Геокче и Кубе – соответственно 14, 17 и 2 церкви, в Баку – 5 и в Дербенте – одна. К тому времени численность армянской общины в Баку превышала 86 тыс. человек; она была второй по значимости на территории России после тбилисской общины [Кавказский календарь 1915, с. 39]. Быстрый рост

армянского населения объяснялся началом промышленной разработки нефтяных промыслов, что привлекло сюда большое число людей разной национальности, в том числе и армян. Основную массу занятых в нефтяной промышленности составляли рабочие и служащие. Как уже отмечалось, немало армян было и среди крупных нефтепромышленников: Александр Манташев, Ованес Мирзоян, Погос Гукасян, Есаи Питоев, Микаэл Арамянц и др. В 1907 г. на бакинских промыслах было добыто 448, а в 1917 г. 368 млн. пудов нефти, из коих около 50% приходилось на долю армянских компаний. Помимо этого, армяне занимали лидирующие позиции в табачном производстве и торговле, мануфактуре и др. С середины XIX в. закавказские рыбные промыслы были в откупном содержании у И.Мириманова, Г.Тер-Микелова, В.Аршакуни и Лианозовых. Сохранилось упоминание о том, что «...управляющий Сальянским промыслом, почетный гражданин Аршакуни в 1853 г. представил Шемахинскому военному губернатору, ге.-м. Чилияеву, несколько жестянок, герметически закупоренных, с икрою...и просил отослать их в Петербург» [Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссиею 1888, с. 966]. В столице деликатес оценили и уже год спустя «Министр Двора, гр. Адлерберг вновь просил ...о доставлении к Высочайшему Двору, по примеру прошлого года, до 10-и пудов паюсной икры в жестяных-же, герметически закупоренных банках. Заказ этот своевременно был исполнен тем-же Аршакуни» [там же]. Первая в Баку шоколадная фабрика, первая на Кавказе фабрика зеркал, первый в Закавказье завод натуральных фруктово-ягодных и минеральных вод... список этот, свидетельствующий о вкладе бакинских армян в развитие этого края, можно продолжить [Дадаян 2007, с. 5–67].

О высоком уровне самоорганизации бакинских армян говорит большое число различных общинных структур, из которых надо особо отметить одну из крупнейших армянских благотворительных организаций того времени – Бакинское армянское человеколюбивое общество во имя Св. Григория Просветителя. Созданное по инициативе врача Давида Ростомяна с целью материального содействия русскоподанным армянам и ведения просветительской работы, Человеколюбивое общество начало свою деятельность в мае 1864 г. Одним из первых его начинаний стало попечительство приходской школы при церкви Сурб Григор Лусаворич, оказание фи-

нансовой помощи более 25 (в том числе и основанным им же) школам Кубинской, Шемахинской, Нухинской уездов и Елизаветпольской губернии. В эти же годы открылась школа для девочек из неимущих семей, в которой накануне Первой мировой войны было более 400 учениц. В отсутствие университетов на месте Общество отправляло армянских студентов на учебу в европейские и российские высшие учебные заведения, оплачивало им учебу и предоставляло стипендии. Предметом особой гордости был типография «Арор» и особенно первая в Баку общественная библиотека-читальня, основанные Обществом в 1870 г. Библиотека с ее богатыми фондами (около 22 тыс. книг на разных языках, 68 наименований периодики) стала одним из центров культурной жизни города, в 1914 г. число ее абонентов приближалось к 33 тыс. Забегая вперед отметим, что после образования Советского Азербайджана в 1920 г. новая власть переименовала ее в Публичную библиотеку. Другим важным культурным центром Баку стал основанный Обществом театр с залом на 420 мест, который просуществовал до 1917 г. Помимо этого Общество в разные годы основало и содержало Дом труда для обучения разным ремеслам, сиротский дом, благотворительную столовую, жилые дома для неимущих и др. Уже этот, далеко не полный перечень результатов деятельности Человеколюбивого общества позволяет говорить не только об активной и плодотворной этнокультурной деятельности армянской общины Баку, но и о ее большом вкладе в развитие экономики и культуры этого города [Степанян 2008, с. 259–263].

В 1898 г. по распоряжению главноначальствующего гражданской части Кавказа и командующего войсками военного округа, все того же князя Голицина была запрещена в числе других и культурно-просветительская деятельность Человеколюбивого общества. «С его точки зрения, — отмечал известный русский историк Алексей Дживелегов, — они делали чересчур большое культурное дело. За благотворительными обществами последовали армянские библиотеки-читальни. Они были признаны лишними и вредными. Для армян, лишенных возможности покупать книги, чтение их было признано опасной для государства роскошью» [Дживелегов 1906]. Обществу было разрешено заниматься лишь благотворительностью, притом только в Бакинской губернии; эти ограничения были отменены в 1913 г. С началом Первой мировой войны деятельность Общества

претерпела изменения. «В 1914 г. Общество открыло лазарет для лечения раненых армянских солдат, при бакинском городском общественном правлении был основан специальный комитет по сбору средств для армянских воинов и их семей, комитет помощи раненым и больным солдатам, Женский комитет помощи беженцам. Однако даже в этих тяжелых условиях просвещение забыто не было: в 1914–1916 г. Человеколюбивое общество оказало финансовое содействие 11 школам Шемахинской епархии» [Дадаян 2007, с. 63].

Однако еще до этого произошли события, поставившие под вопрос само существование армянских общин и имевшие свое продолжение на протяжении последующих десятилетий. Первый армянский погром, осуществленный местным татарским или азербайджанским населением и начавшийся в феврале 1905 г., во многом был предопределен политикой князя Голицина, кульминацией которой стало упомянутое выше постановление 1903 г. об изъятии армянского церковного имущества. Современник событий А.Дживелегов в своей статье для энциклопедического словаря «Гранат», говоря о реакции армян, отмечал: «Армянское общество ответило бурным протестом...Протест носил и пассивные (бойкот) и активные формы, вплоть до террора, и стоил армянам многих жертв. Обыкновенными мерами административного воздействия с ними справиться не удалось, и тогда решили поднять на армян невежественную, некультурную татарскую массу. Таково происхождение армянских погромов в России» [Дживелегов 1910-е. г., с. 533]. Начавшись в Баку, погромы пронеслись по Нахичевани, Шуше, Елизаветполю (ныне Гянджа) и их окрестностям; в ходе погромов армяне потеряли убитыми несколько сот человек, а материальные потери исчислялись десятками миллионов рублей.

Спустя 13 лет, в сентябре 1918 г. Баку вновь стал ареной армянских погромов, организованных вторгшимися в Закавказье турецкими войсками и властями новосозданной (в мае того же года) Азербайджанской Республики. Погромы и убийства, начавшиеся 15 сентября, продолжились в последующие дни, вследствие чего «общее число жертв двухмесячной резни составило 29 063 человека» [Дадаян 2007, с. 127]. Очевидец событий Бахши Ишханян сообщает также и о материальных потерях, которые по самым скромным подсчетам созданной Англией, Францией и США Контрольной комиссии союзных держав составили более 450 млн. рублей. «Три дня, парал-

лельно с резней, совершался “стихийный” разгром, а два последующих месяца непрерывно и систематически имели место организованная экспроприация и узаконенный грабёж армянского имущества... Три дня непрерывно турецкие аскеры, многотысячные банды местных мусульман и собравшиеся в городе с окружающих сел мусульманские крестьяне грабили, похищали и брали с собой из армянских домов, магазинов, контор, учреждений и церквей все, что хотели и могли. В два последующие месяца турецкое командование и азербайджанская администрация от последнего милиционера до министра под предлогом реквизиции расхитили домашнюю обстановку и предметы роскоши из богатых армянских домов, ограбили и опустошили склады и хранилища города и вывезли в Гянджу и другие места имущество и ценности его» [Ишханян 1920, с. 103]. В результате всех этих событий была уничтожена организованная и процветающая армянская община Баку, а ее, по выражению Х.Дадаяна, «осколки-призраки» продолжили свое существование уже в Советском Азербайджане.

* * *

Установление советской власти в 1917 г. в России, а затем и на большей части бывшей империи, образование Советского Союза в 1922 г. привели к радикальным изменениям во всех сферах жизни его народов. Здесь надо особо отметить новое административно-территориальное устройство страны – создание национальных республик. Содействуя развитию этих республик, центральные власти в то же время отказывали в праве на самоорганизацию этническим меньшинствам, создания ими общинных структур и организаций, то есть основных механизмов самосохранения этнокультурных общностей. Эту роль могли бы сыграть религиозные институты, которые де юре не были запрещены. Но их деятельность в свою очередь была сведена на нет из-за политики воинствующего атеизма, разрушения и закрытия церквей, репрессий против священнослужителей. Отсутствие возможности организации общинной жизни, приобщения подрастающего поколения к традициям материнской культуры и другие проявления запретительной политики властей предопределили ускоренную ассимиляцию меньшинств. При этом процесс ассимиляции имел свои особенности в каждой конкретной республике. В контексте нашей темы показательны примеры поли-

этнических Грузии и Азербайджана, где одним из основных способов самоутверждения грузин и азербайджанцев в качестве титульных наций стало ущемление прав этнических меньшинств.

Расстрелянный в годы сталинского террора директор Института марксизма-ленинизма при ЦК компартии Армении Нерсик Степанян в своих записях говорил: «Разложившийся партийный аппарат Грузинской компартии лихорадочно проделывает двойную работу: с одной стороны, укрепляет националистические позиции с помощью даже извращения истории, с другой – лишает всякой возможности изучать на основе фактов их преступную деятельность. В ближайшее время начнется ничем не прикрытое наступление на армян, русских и других, нацменьшинства будут задушены... Результат неправильной национальной политики Грузии: вся так называемая черная работа, ремесленники (портные, сапожники, чувячники, дворники...) и добрая половина промышленного пролетариата – не грузины. Бюрократия – грузины. Какими аргументами можно доказать необходимость столь преступной политики? На каком основании негрузинский пролетариат (возьмем еще Ткварчели, Грузнефть) содержит всю эту бюрократию... Всех армян выживают из Тифлиса, правительственные должности отняты у армян, из армян оставляют самые скверные, продажные элементы» [Мелконян 2005-6, с. 278-279]. Одним из распространенных проявлений такой политики была, в частности, и «грузинизация» фамилий. В условиях, когда нежелательной и непрестижной считалась сама принадлежность к этническому меньшинству, смена национальности, хотя и в виде записи в паспорте, было одним из немногих средств сохранения и даже повышения своего социального статуса. Примером тому – подобное предложение, сделанное известному футболисту московского «Спартака», чемпиону XVI Олимпийских игр 1956 года в Мельбурне, уроженцу Сухуми Никите Симоняну на заре его спортивной карьеры [Симонян 1989, с. 48–49].

Обретение Грузией независимости в 1991 г. ознаменовалось для народов этой страны лозунгом ее первого президента Звиада Гамсахурдиа «Грузия для грузин», которому следовали и его преемники. Подобное видение национальной политики неизбежно привело к резкой дестабилизации положения не только в самой Грузии, но и на всем Южном Кавказе. Негативные последствия такой политики ощутили на себе различные этнические меньшинства Грузии (де-

портации осетин из некоторых областей Боржомского района и региона Шида Картли и азербайджанцев из ряда сел Квемо Картли, отток греков и русскоязычного населения и др.), в том числе и армяне. Недоброжелательное, нередко переходящее во враждебное отношение к местным армянам, культивируемое к тому же СМИ, является одним из важных компонентов массового сознания современного грузинского общества. По мнению политолога П.Закареишвили, высказанному в марте 2007 г., «Грузия еще не ощущает себя государством и поэтому есть политика самоутверждения, которая подразумевает национализм. Его больше на бытовом уровне, но для грузин обязательно нужен образ врага, и им стал армянин. Но дело не в армянах, дело именно в грузинах, в грузинском менталитете» [Закареишвили 2007].

Ксенофобия в отношении армян имеет место, однако, не только на бытовом уровне, она стала обязательным атрибутом и политического сознания в лице многих политических партий и деятелей. Показательно в связи с этим, как во время заседания парламента в качестве одного из аргументов против ныне покойного премьер-министра Зураба Жвания для его политических оппонентов послужило то, что его мать была армянкой. Подобные умонастроения приводят и к соответствующим действиям. «Известия об уничтожении армянских церквей, кладбищ, хачкаров, надгробий и, наконец, самых достоверных исторических первоисточников – эпитафических надписей, сегодня уже звучат в Грузии не как предостережение, а как самое привычное, обыденное событие. Со стен более чем трех десятков “огрузиненных” армянских церквей и других сооружений и с надгробий повсеместно исчезли... армянские эпитафические надписи» [Карпетян 1998, с. 7]. В этой ситуации практически недействительны усилия по защите исторических памятников, предпринимаемые епархией Армянской апостольской церкви в Грузии, поскольку она, как и другие конфессии, кроме Грузинской православной церкви, по сей день лишена статуса юридического лица. Этносоциолог Тамара Варданян в своей статье, посвященной современному положению армян Тбилиси, говоря о политике грузинских властей, заключает: «...эта политика направлена на вытеснение армян на периферию социальной стратификации города и имеет конечную цель – полное вытеснение или ассимиляция армян и создание гомогенной демографической ситуации в грузинской столице» [Варданян 2007, с. 84].

Иная ситуация в двух административно-территориальных регионах Грузии – в Самцхе-Джавахети и Квемо-Картли, имеющих общую границу с современной Арменией. В Самцхе-Джавахети, где армяне составляют 55% населения, наибольшее число армян проживает в двух районах – Ахалкалаке и Ниноцминде, соответственно 98 и 94,3%, а в Ахалцихском районе они составляют около половины населения. Столь большое число армян здесь объясняется тем, что этот регион (по-армянски «Джавахк»), издавна был заселен ими и в разные периоды истории являлся одной из провинций Армянского государства. И сегодня армяне Самхе-Джавахети идентифицируют себя как «джавахкаайер» (джавахские армяне) и не считают себя частью армянской диаспоры. Проводимая в их отношении политика дискриминации в сфере экономике, культуры, образования, политических прав и др. резко обострила ситуацию в этом регионе, вызвала недовольство и недоверие по отношению к центральным властям и, что следует особо отметить, стала причиной постоянного оттока армян в Россию, а также в Армению.

Надо сказать, что подобное отношение к иноэтничным группам страны противоречит многим международным нормам по защите прав этнических меньшинств, о приверженности которым неоднократно заявляли власти Грузии [Минасян 2006]. В заключении доклада, подготовленного Международной кризисной группой (International Crisis Group), отмечается: «Правительству (Грузии) надо создать всеобъемлющую, эффективную образовательную систему, направленную на обучение меньшинств грузинскому языку, но в переходный период – пока воспитывается новое поколение – меньшинства не должны подвергаться дискриминации, особенно при найме на государственную службу. Немногим представителям меньшинств удастся пройти строгие национальные экзамены – в основном, потому что они не владеют официальным языком. Делопроизводство в государственных учреждениях все больше отправляется на грузинском языке – в обход мнения азербайджанского и армянского меньшинств, которые чувствуют себя отчужденными от правительства, разочаровавшего их. В таких условиях их недовольство растет. С 2004 года в населенных меньшинствами районах имело место множество акций протеста – из-за земли, языка, увольнений представителей меньшинств с работы, а также нарушений во время выборов. Каждый из этих вопросов является важной проблемой, и

все они усугубляются недостаточностью доступа меньшинств к государственным структурам и процессам принятия решений. Не будучи должным образом представленными во властных органах, меньшинства прибегают к уличным протестам. ...Государство должно выполнить свои международные обязательства – в частности, те, что накладывает на него Рамочная конвенция по защите национальных меньшинств в государственном делопроизводстве в регионах с большим процентом граждан, принадлежащих к этническим меньшинствам» [Армянское и азербайджанское меньшинства Грузии 2006, с. 40–41].

Еще более крайние формы принял процесс самоутверждения азербайджанцев в качестве титульной нации. Смена социально-политического устройства – создание Советского Азербайджана в апреле 1920 г. – не привела к изменению ментальности организаторов кровавых погромов 1905 и 1918 гг. В СССР, провозгласившей себя примером «братства и дружбы народов», им пришлось изменить лишь формы осуществления старой политики. К концу 1980-х гг. численность армян Баку составляла около 300 тыс.; рассеянные по всему городу, лишенные возможности самоорганизации, они пребывали в еще более незавидном положении, чем армяне в Тбилиси. Но своей главной задачей власти Советского Азербайджана считали скорейшее изменение национального состава Нахичеванской автономной республики и Нагорно-Карабахской автономной области. Нахичеванское ханство, отошедшее от Ирана к России по условиям Туркманчайского договора 1828 г., было включено вначале в состав Армянской области (1828–1840 гг.), а затем (до 1918 г.) Ереванской губернии. Нахичеван с древних времен был не только одной из областей Армянского государства, но одним из главных центров развития армянской культуры. Именно отсюда, в IV в. усилиями царя Трдата III и Григория Просветителя началось распространение христианства среди армян, именно здесь в V в. Месроп Маштоц впервые ввел в обращение армянский алфавит. В 1918 г. после образования трех закавказских республик Нахичеван вошел в состав Первой Республики Армения. Однако после установления советской власти в этих республиках Советская Россия, рассчитывавшая на кемалистскую Турцию в осуществлении «мировой революции», согласно Московскому договору от 16-го марта 1921 г. по настоянию Турции включила Нахичеван в состав Советского Азер-

байджана. С этого времени вся политика властей Азербайджана была направлена на вытеснение армян из Нахичеванской Автономной Советской Социалистической республики, не имевшей общих границ ни с Азербайджаном, ни с Турцией. И если в 1912 г. армяне составляли 45% от общего числа населения этой автономии, то вследствие дискриминационной политики властей к началу 1980-х гг. их численность не превышала 2%.

В русле той же политики решением Пленума Кавказского бюро ЦК РКП (б) от 5 июля 1921 г. Советскому Азербайджану был передан и Нагорный Карабах. Несмотря на все усилия азербайджанских властей по вытеснению армян из Нагорно-Карабахской автономной области (пренебрежение к экономическому развитию, высокий уровень безработицы, организованное переселение сюда азербайджанцев, жесткое ущемление национальных прав под флагом борьбы с «буржуазным национализмом», запрещение преподавания в школах истории Армении и др.) армяне продолжали жить в Карабахе. Хотя их численность за годы советской власти несколько снизилась, тем не менее, и в 1979 г. они составляли абсолютное большинство населения – 123,1 тыс. или 76 %. Пребывание НКАО в составе Азербайджанской ССР никогда не признавалось армянским населением автономии; его политические усилия по самоопределению получили реальное воплощение только в 1988, в годы перестройки. Реакцией на требования армян Нагорного Карабаха о самоопределении власти стали массовые убийства и погромы армян вначале в Сумгаите в феврале 1988 г., а затем в Гяндже, Баку, Шемахе и других городах. В 1991 г. силами азербайджанского ОМОНа при поддержке вооруженных сил СССР было депортировано армянское население Северного Карабаха, Гадрутского и Шушинского районов, в следующем году – население Шаумянского и Мардакертского районов. В результате политики этнических чисток в 1988–1992 гг. из Азербайджана вынужденно эмигрировало до 400 тыс. армян.

Эмиграция армян из Азербайджана в 1988–1992 гг. являлась принудительной: бросив все свое имущество, люди спасались бегством от погромов и убийств. Они были лишены возможности выбрать маршрут миграции; для большинства из них не было альтернативы бегству в Армению, на историческую родину. Сама Армения, однако, пребывала в тяжелейшем экономическом положении в результате разрушительного землетрясения 1988 г., последующей

энергетической и транспортной блокады со стороны Азербайджана и Турции, начала войны в Нагорном Карабахе. В этих условиях отсутствие у властей Армении сколько-нибудь продуманной политики в отношении беженцев из Азербайджана еще более усугубило их тяжелое положение и стимулировало повторную эмиграцию многих из них. Для части беженцев Армения стала лишь своеобразным транзитным пунктом на пути из Азербайджана в Россию, США и другие страны. Нетрудно заметить, что по своему характеру – насильственное изгнание – миграции 1988–1992 гг. из Азербайджана схожи с депортациями 1915 г. Вместе с тем, если в Турции основной целью был именно геноцид, и депортация была одним из способов его осуществления, то в Азербайджане основной массе армян была предоставлена возможность эмиграции, точнее – бегства из страны. В обоих случаях в странах исхода армян практически не осталось. Что же касается народа Нагорного Карабаха, то он при поддержке Армении победил в войне, развязанной против него Азербайджаном, и в 1991 г. провозгласил свою независимость, образовав непризнанную Нагорно-Карабахскую Республику.

* * *

Становление образовавшейся после распада СССР в 1991 г. Третьей Республики Армении с самого начала сопровождалось массовой эмиграцией армян. В общей сложности Армению после 1991 г. в основном по экономическим мотивам покинуло до миллиона жителей, и соответственно столь же резко увеличилась численность армян в зарубежье. Вследствие этой беспрецедентной по своим масштабам миграции резко сократилась численность армян в самой Армении.

Часть армян-эмигрантов из Армении и Азербайджана обосновалась в США, в различных странах Европы, что, помимо численного пополнения общин во Франции, Голландии, Болгарии и других странах, привело также к формированию целого ряда новых общин в таких нетрадиционных для армянской диаспоры странах, как, например, Чехия, Словакия, Германия, Австрия, Испания.

Наиболее разительные перемены произошли, однако, на постсоветском пространстве, поскольку подавляющее большинство эмигрировавших армян обосновалось в Российской Федерации, а также в Белоруссии и на Украине. Согласно статистическим данным, в 1989

г. в Белоруссии проживало 5 тыс. армян, ныне их число составляет более 30 тыс., на Украине, соответственно – около 43 тыс. и около 140 тыс. человек. В абсолютных цифрах наибольший рост численности армянского населения имел место в России. В 1989 году здесь проживало около 530 тыс. армян, а сегодня – 1 миллион 130 тыс. по данным переписи и около 2 млн. по экспертным оценкам. Иными словами, в этих трех странах сегодня проживает примерно половина, по крайней мере, более одной трети армян всей диаспоры.

Таким образом, за два десятилетия произошло, с одной стороны, резкое увеличение численности армян диаспоры, а с другой – существенное изменение географии их расселения. Но не только. В эти годы начался также процесс формирования нового, по сравнению с существовавшим до начала 1990-х гг., армянского диаспорального дискурса.

Существующий дискурс сформировался, как уже отмечалось, вследствие катастрофических изменений в жизнедеятельности армянского народа, происшедших в годы Первой мировой войны – геноцида и изгнания армян из Западной Армении, Киликии и других районов Турции. Принципиально иного рода была последняя волна миграции: люди добровольно покидают суверенное, независимое армянское государство – Республику Армению. Это делает ее уникальной во всей истории армянского зарубежья и вместе с тем предопределяет совершенно иное умонастроение. Эмигрантам этой волны, в отличие от изгнанников 1915 г., уже не присуще чувство утраты родины, куда они никогда не смогут вернуться, они не уносят с собой воспоминания о кошмарах геноцида и депортации, о сотнях тысячах погибших, память о которых следует хранить и передавать своим потомкам. Изгнанники начала века постоянно и самыми разными методами – от создания военизированных групп так называемых мстителей и до лоббистской деятельности – вели и продолжают вести борьбу за признание и осуждение мировым сообществом геноцида армян в Турции как преступления против человечности, за признание их прав на возвращение к родным очагам. Это их требование, поддерживаемое все большим числом государств, придавало и придает особый смысл их существованию, являясь мощным стимулом для сохранения армянской идентичности.

Эмигрантам последней волны из Армении уготована другая судьба – они вынуждены перманентно оправдываться. Необходимо

оправдывать перед иммиграционными властями той или иной страны свое желание обосноваться в ней, оправдываться перед армянами диаспоры за эмиграцию из родины, наконец, быть может, самое трудное — оправдаться перед самим собой. Именно этим, кстати, можно объяснить нежелание части эмигрантов признавать какие-либо позитивные изменения в Армении, и как следствие — их все большее отчуждение от родины. Все это лишь усиливает стрессогенное воздействие принимающей культуры на иммигрантов. Армянию покидают люди, которые в меру своих сил способствовали обретению ею независимости, видя в этом залог развития и процветания. Однако в новой экономической реальности они не нашли себе места и уезжают в поисках реализации своих сил и способностей, достойной оплаты своего труда, в извечных поисках лучшей жизни, если не для себя, то хотя бы для своих детей. Это, по сути, акт социального протеста, в целом не претендующий, однако, на политическую конфронтацию с властями Армении.

Для экономической миграции характерна определенная свобода принятия решения об отъезде и выбора пункта назначения. В качестве основных факторов, стимулирующих эмиграцию преимущественно в Россию, Белоруссию и Украину, можно отметить знакомство с этими странами по прошлой советской эпохе, знание русского языка, возможность трудоустройства. Особо следует отметить такое существенное обстоятельство, как отсутствие визового режима. И наоборот — именно наличие миграционных барьеров существенно снижает уровень миграции в страны Запада.

Для понимания характерных особенностей этой волны миграции особое значение имеет и то, что большинство эмигрантов социально активного возраста — это люди, родившиеся и выросшие в СССР, в Советской Армении, и как следствие — с присущими им специфическим мировосприятием, системой ценностей и образом жизни. Это обстоятельство оказывает сильное воздействие на процессы самоорганизации и поддержания культурной идентичности иммигрантов. При том, что само это воздействие варьируется в зависимости от характеристик принимающих стран. Говоря об эмигрантах из Советского Союза (безотносительно к национальности), отмечают негативное влияние на них развенчанных иллюзий «западного рая». В странах Запада у эмигрантов-армян к этому добавляются также трудности, связанные с адаптацией к реалиям диаспо-

ры, в первую очередь, разделенности ее институтов по церковно-политическому принципу, вплоть до лимитированности межличностного общения. В подобной ситуации иммигранты тем не менее со временем неизбежно включаются в одну из существующих общинных структур, не отказываясь при этом (при наличии критического минимума их численности) от создания собственной «восточно-армянской» микросреды.

Совершенно иная реальность ожидала эмигрантов на постсоветском пространстве — армянских общин как таковых здесь просто не существовало. Процесс самоорганизации местных армян наметился лишь в годы перестройки, почти в то же время начался приток армян из Армении и Азербайджана. Однако за 70 лет советской власти традиции общинной организации, существующие в Российской империи, были утеряны, и эмигранты попросту не могли обладать подобным опытом. Тем самым, было ожидаемо, что формирование армянских общин, скажем, в России, будет протекать иначе, чем в странах Запада и Востока. Здесь не зародились, да и не могли зародиться, такие пандиаспоральные организации, как, например, политические партии «Гнчак», «Дашнакцутюн», «Рамкавар Азатакан», культурные союзы «Текеян» или «Амазгаин», некоторые молодежные и женские ассоциации и др. Сегодня лишь в немногих случаях можно говорить о реально существующих армянских общинах с соответствующим и необходимым набором структур и организаций, отвечающих интересам различных групп армянского населения [Акопян 2007, с. 26–44; Савва 2007, с. 53–69; Тавадян 2007, с. 45–52]. Следует ли это объяснять «болезнью роста»? По-видимому, да, если учесть, что для основной части иммигрантов сама общинная деятельность все еще ассоциируется с «общественной работой» советских лет, т.е. работой, за которую не платят. Тем более, что сама благотворительность, без которой невозможно существование какой-либо этнической общины, только-только становится понятной и осознанной необходимостью для многих из них.

Следует учитывать также, что становление армянских общин происходит в условиях, когда, по словам Натальи Космарской, «проблемность подавляющего большинства новых диаспор, прежде всего “азиатских”, постоянно нарастает. Под этим понятием я имею в виду как сложности существования самой “диаспоры” ... в принимающем обществе и государстве — в данном случае, российском,

так и сложности, которые она сама создает для последних, включая и аспект безопасности всех уровней. Сложился тугой клубок кажущихся непримиримыми противоречий. Население, а зачастую и власти на местах, “провоцируют” иммигрантов – ксенофобией, отсутствием интереса и уважения к их культуре; невниманием к их элементарным потребностям и правам, а иногда откровенной дискриминацией. Диаспоры тоже “провоцируют” население и власти – горделивым стремлением к самодостаточности и созданию “обществ в себе и для себя”, пренебрежением местными законами, нормами поведения и морали» [Космарская 2005, с. 12].

Проявления шовинизма и ксенофобии никак не стимулируют, более того – нередко делают опасной саму самоорганизацию местных армян, манифестацию их этнокультурной инаковости. Вместе с тем, в местах компактного проживания большого числа армян реальная угроза приводит к усилению внутригрупповой сплоченности и солидарности, более полному осознанию ими собственной идентичности. Так произошло, например, в Краснодарском крае, где «...организованная армянская община смогла противостоять ксенофобии местной администрации и отстаивать свои права и свой статус» [Тишков 2006, с. 16].

Привела ли последняя волна эмиграции из Армении к появлению новой диаспоры, или она просто пополнила собой уже существующую? Очевидно, что та небольшая ее часть, которая эмигрировала в страны Запада, стала или становится органичной частью существующей диаспоры. А вот ее подавляющее большинство (около 2,5 млн.) на территории постсоветского пространства образовало общность, значительно отличающуюся, во всяком случае, на данный момент ее развития, от армянской диаспоры в странах Запада и Востока – отличающуюся по мотивам и характеру миграции, по мировосприятию, системе ценностей, форме и содержанию этнической деятельности, связям с родиной и другим признакам. Но не менее важны и существенные различия между принимающими странами – различия, которые существуют между, с одной стороны, Россией, Белоруссией, Украиной, а с другой – США, Канадой, Францией, и которые во многом определяют жизнедеятельность местных армянских общин. Очевидно, однако, одно – уже можно говорить о формировании еще одного армянского диаспорального дискурса.

Глава 4. Политическая жизнь в диаспоре

В. Дятлов

Диаспоральная жизнь немыслима вне «грибницы» отношений: разветвленной системы сетей, связей, структур, которые создают люди и в рамках которых они живут и действуют.

Эти связи, отношения и институты, как правило, строились на общинной основе и не носили политического характера. Общинность была основополагающим фактором для традиционных диаспор. Она означала прежде всего принадлежность человека к роду, клану, религиозной группе, органическую включенность в них. Принадлежность к группе не по личному свободному выбору, а по факту рождения. Община была механизмом социальной организации, власти и контроля, действующим через систему институтов, норм, ценностей, санкций

В традиционном, сословно организованном обществе только общинность позволяет сохранить себя от растворения в большинстве — и одновременно дает возможность в качестве группы занять свою ступеньку, нишу на сословной лестнице. А значит — быть признанными, узаконенными для существования в качестве группы — с собственным набором прав, обязательств, ответственности перед властью. С правом на групповое существование и групповую идентичность.

В таких сообществах всегда шла борьба за власть, влияние и ресурсы, но она происходила на клановой основе. Политическая жизнь в ее современном понимании отсутствовала. Прежде всего, из-за специфической роли диаспоральных групп в системе власти принимающих обществ. Преобладали две модели их отношения к власти и властным отношениям — или полная отстраненность (в силу низкого статуса как чужаков) — или «обслуживание» власти («придворные еврей», «умный еврей при губернаторе»). В том и другом случаях они не выступали в качестве носителей власти.

Эта традиция продолжилась в новых условиях — когда формируется политическая среда, политическая культура, частью которой является многопартийность, партии, отношения в обществе, связанные с борьбой за власть через эти механизмы и институты.

Опыт современных стран Востока показывает, что партийная политическая система может эффективно вписаться в общинную систему отношений и обслуживать ее функционирование.

Однако и в этой ситуации представители диаспоральных меньшинств если и участвовали в партийно-политической жизни принимающих обществ — то как правило в индивидуальном качестве и не для представительства интересов общин. Чаще всего это было стратегией разрушения общинности или индивидуального разрыва с нею. Не случайно поэтому предпочтение, отдаваемое леворадикальным и либеральным партиям и идеологиям.

Большое исключение здесь — деятельность армянских политических партий в диаспоре после Первой мировой войны, в частности, в арабских странах. Общинность, высокий уровень корпоративной солидарности, развитая и эффективно действующая структура формальных и неформальных внутриобщинных институтов влияния и власти — неотъемлемое качество, важнейшая сторона образа жизни этнических и особенно религиозных меньшинств Арабского Востока. Это императив выживания и неизбежное следствие традиционности как самих общин, так и принимающих обществ. Корпоративность, иерархия групп были универсальным способом их организации. Часто такая ситуация закреплялась юридически — достаточно вспомнить систему миллетов в Османской империи, при которой иудейская и христианские религиозные общины получали право на внутреннее самоуправление, становились, по удачному выражению А.В. Журавского, «своеобразным церковно-политическим телом» [Журавский 1990, с. 81-86; Иванов 1992; Braude and Lewis 1982].

Как правило, несущими конструкциями внутриобщинной организации были церковь и кланы. С конца XIX в., когда в ходе модернизационных процессов стали формироваться новые социальные слои, к ним добавляются клубы, торговые палаты, благотворительные общества и попечительские советы, а также профсоюзы и политические партии. Однако, последние не играли большой роли, оставаясь на периферии системы внутриобщинного регулирования.

Важным исключением в этом смысле стала после Первой мировой войны армянская диаспора. Политические партии вышли в ней на первый план и по степени влияния приблизились к церкви. Зарубежные армяне стали демонстрировать уникальный для иммиг-

рантских сообществ уровень политической организованности и роли партий во внутриобщинной жизни.

Причиной тому были радикальные перемены в самой армянской диаспоре, вызванные геноцидом и массовым бегством. Количество беженцев в арабских странах, в частности, во много раз превысило число старожилов. Это изменило не только количественный, но и качественный состав общин, вызвало сложнейшие перемены в их элите, способах ее контроля над общинной жизнью. Старые клановые структуры утратили значительную часть своего влияния. Десятки тысяч беженцев (прежде всего, в Ливане и Сирии), потерявших прежний образ жизни, социальный статус, средства к существованию, находившихся в глубочайшей фрустрации от ужасов только что пережитого геноцида, плохо вписывались в прежние, устоявшиеся десятилетиями, структуры влияния и контроля.

В то же время, огромным было стремление к консолидации, к воссозданию или формированию на новой основе структур социальности. Несмотря на крестьянское происхождение большинства беженцев, почти все они устремились в крупные города, осели в них, основав армянские районы и кварталы. Они предпочли городскую жизнь и занятия, стремясь к большей защищенности в чужом мире, исходя из осознанной потребности в сохранении национальной идентичности, в надежде на помощь соотечественников-старожилов. В городе легче было «стать на ноги» в экономическом смысле, дать детям образование и профессию.

Естественными сферами занятости для беженцев, лишенных жилья, средств к существованию, не знавших арабского языка, стали ремесла и мелкая торговля. Практически все европейские, арабские и армянские наблюдатели отмечают необыкновенную энергию и трудолюбие, а также развитую общинную взаимопомощь, благодаря которым армянские иммигранты не только выжили, но и стали одной из самых зажиточных и процветающих общин региона. От мелкой торговли и ремесел многие переходили к крупному бизнесу, финансовым операциям, становились владельцами гостиниц, кафе, ресторанов, активно участвовали в основании современной промышленности.

Высоким был удельный вес служащих, лиц свободных профессий. Этому способствовало огромное внимание, придаваемое образованию. Только в Бейруте в 1960 г. функционировало 66 школ с 14

тыс. учащихся, две религиозные школы, колледж. В 1975 г. это число выросло до 57 и 21 тыс., после чего резко упало из-за эмиграции в годы гражданской войны, и к 2002 г. составляло 33 и 8418 соответственно. Для наиболее способных учеников создавалась возможность продолжать образование в американском и французском университетах Бейрута, за рубежом [Lang and Walker 1978, p. 32; Санджян 2004, с. 127]. Помимо обычной задачи – дать детям хорошее образование и этим обеспечить им шансы на выживание и жизненный успех – армянские школы стали мощнейшим инструментом поддержания и укрепления национальной идентичности, препятствовали ассимиляционным процессам. Поэтому в преподавании большое внимание уделялось армянскому языку, истории и культуре.

Вообще армянскую диаспору отличало мощное, обостренное национальное чувство, крайне негативное отношение к проблеме ассимиляции. Характерна подчеркнутая забота о сохранении идентичности, которая воспринимается не как некая объективная данность, конечно, важная, но о которой не очень-то задумывается в обыденной жизни большинство людей. О ней думают и говорят постоянно как о ценности, которую в любой момент можно потерять, особенно если о ней не заботиться.

Таким образом, довольно быстро из деклассированной, деморализованной массы беженцев сформировалось сообщество городское, предпринимательское, довольно зажиточное, высокообразованное, динамичное. Решая проблемы физического выживания, приобретения профессии, социального статуса, интеграции в принимающее общество, оно стремилось одновременно не просто сохранить свою армянскую идентичность, но и внести вклад в Армянский вопрос – создание реальной государственности, понимаемое как восстановление исторической справедливости, возвращение народа на принадлежащие ему искони земли. Мощный накал национальных чувств некоторые авторы склонны оценивать даже как «пост-травматический синдром» или «армянский миф» [Фурман 1992, с. 26; Мартиросян 1993]. Отсюда гигантское значение, придаваемое исторической памяти, традиции – как опоры для сохранения и укрепления идентичности.

Это уникальное сочетание модернизированности и традиционализма, житейского прагматизма и идеализма, индивидуализма и корпоративизма породило и весьма специфические формы социа-

лизации, оригинальное соотношение структур власти и влияния в армянских общинах.

Невозможно, прежде всего, переоценить роль церкви, которая помимо своих обычных функций, была в глазах переживших национальную катастрофу людей главной хранительницей национальных устоев и ценностей, естественной основой для консолидации, каналом связи и взаимопомощи с мировым армянством. Собственно, речь идет о трех конфессиях: Армянской апостольской церкви (80% армян Ливана и 86% Сирии), Армянской католической (15% и 14%) и Армянской евангелической (5% армян Ливана) [Bedoyan 1979, p. 121]. Утверждение Киликийского католикосата Армянской апостольской церкви в пригороде Бейрута Антилиасе позволило осуществлять жесткий повседневный контроль практически над всеми сторонами жизни и деятельности армянских общин региона. Представители церкви чрезвычайно влиятельны в коммунальных и школьных попечительских советах, благотворительных и культурных организациях. При решении ключевых проблем, в т.ч. и политического характера, позиция церкви обычно оказывается решающей.

Совершенно естественным было образование землячеств, которые возникли уже в лагерях беженцев. Они стали основной силой при переселении на постоянное жительство в пригороды Бейрута и Алеппо, где по земляческому принципу создавались целые кварталы. Земляческие союзы стали (особенно на первых порах) не только мощным инструментом консолидации и взаимопомощи, но и решения политических проблем. Кроме того, довольно быстро формируется разветвленная сеть благотворительных, женских, молодежных, спортивных организаций и клубов, школьных попечительских советов, клубов, торговых палат и т.д.

Такая структура внутриобщинной организации не была оригинальной, она мало чем отличалась от того, что существовало у других меньшинств Арабского Востока в это время. Качественно иной оказалась роль политических партий. Нельзя сказать, что эта форма выражения и отстаивания интересов была вообще чужда или неизвестна представителям других меньшинств. Более того, греки, евреи, итальянцы нередко были инициаторами основания первых политических партий региона и их идеологами [Косач 2001]. Однако эта деятельность выходила за общинные рамки, ею занимались маргинальные для общин элементы. Не случайно основной сферой их

интересов были организации коммунистического, анархистского и лево-социалистического направления, принципиально равнодушные к национальной проблематике. Популярны были и либеральные партии и движения, либеральная идеология, предусматривавшие защиту прав меньшинств. Единственное исключение – сионистское движение, но и оно долго не обладало серьезным влиянием в еврейской элите арабского мира, не оказывало заметного воздействия на решение внутриобщинных проблем. Относительно влиятельным оно становится только тогда, когда массовый исход стал реальной, а затем и неизбежной перспективой.

В армянских же общинах региона именно в политических партиях концентрируется большая часть социально активной и обладающей реальным влиянием элиты. Партии становятся важнейшим инструментом ее контроля над массой рядовых соотечественников и, что не менее важно, контакта и взаимодействия с арабским окружением. И хотя в них состояло всего несколько тысяч активистов [Bedoyan 1979], но через свои женские, молодежные, культурные, благотворительные и т.д. организации они оказывали эффективное воздействие на все стороны жизни общин. Они активно соперничают и взаимодействуют в общинных советах, которые представляли и отстаивали общие интересы перед властями, решали массу повседневных (и от того важных) внутренних проблем и конфликтов. Они ведут постоянный диалог с церковью как с равноправным партнером в решении жизненно важных для армянской диаспоры проблем.

Именно вокруг партий формируется и функционирует инфраструктура общинной жизни, ее институций, систем контроля, власти и взаимопомощи, которая также является мощным механизмом власти и контроля. Н.Шахгалдян [Schahgaldian 1983, p. 46-61], опираясь на анализ архивных материалов «Дашнакцутюн», утверждает, что только перенос центра тяжести деятельности партии с решения собственно политических задач и пропаганды на создание и развитие общинной инфраструктуры, особенно системы школьного и специального образования, позволили им преодолеть разобщенность и апатию армян арабских стран. Школы, молодежные, женские, спортивные организации позволили вырастить и воспитать новое поколение, открытое для политической мобилизации. И только на этой основе стало возможно продолжение и развитие партийной жизни в совершенно новых условиях диаспоры.

В свою очередь, такое развитие событий было бы невозможно без ряда дополнительных обстоятельств. С одной стороны – это относительно современный (по характеру занятости, образованности, образу жизни) состав общин, то, что формировались они на новой основе и недавно. С другой – и это видимо самое главное – имелся значительный опыт партийной деятельности до Первой мировой войны и геноцида. Беженцы принесли с собой созданные еще в Османской и Российской империях партии. Подробный анализ их истории, идеологии, очень непростых взаимоотношений того времени не входит в задачу данной работы, к тому же существующая исследовательская литература [Ананян 1979; Буржуазные и мелкобуржуазные партии 1980; Непролетарские партии 1980; Мясников 1925; Хуршудян 1965; Хечумян 1987; Оганесян 1991; Caprielian 1975] при всей ее огромной идеологической тенденциозности может дать некоторое представление о проблеме.

В диаспоре была воспроизведена довоенная партийная система, основу которой составляли три организации – Армянская революционная федерация «Дашнакцутюн», социал-демократическая «Гнчак» («Колокол») и либерально-демократическая партия «Рамкавар-Азатакан». Старейшая из них – «Гнчак», была основана в 1887 г. группой студентов в Женеве. По оценке историка, «опубликованная в 1888 г. программа гнчакистов представляла собой эклектическую комбинацию из идей национального освобождения, народничества и марксизма Плеханова» [Хуршудян 1965, с. 131]. Борьба за освобождение Армении (прежде всего Западной) считалась этапом на пути к конечной цели – социализму. Среди средств почетное место занимала вооруженная борьба. В 1890 г. образуется «Дашнакцутюн» - партия, поставившая своей главной целью решение Армянского вопроса, а в дальнейшем принявшая социалистическую идеологию и вступившая во II Интернационал. Что же касается «Рамкавар-Азатакан», то она оформилась в 1921 г. путем объединения нескольких организаций либерально-демократического, кадетского толка. О степени их авторитета и влияния свидетельствуют результаты выборов в Закавказье в российское Учредительное собрание (1917 г.), когда дашнаки получили 560 тыс. голосов, большевики – 93 тыс., а «Гнчак» и предшественники рамкаваров – ничтожно мало [Хуршудян. Худавердян 1980-б, с. 144]. Опыт создания и краха в 1918-1920 гг. Первой Республики Армении закономерно поэтому связан с деятельностью дашнаков.

Годы активной политической деятельности позволили партиям создать огромный капитал в виде многочисленных кадров энергичных, опытных и популярных активистов, авторитета у соотечественников, отлаженной инфраструктуры связей с ними, организационного опыта. Конечно, этот капитал уменьшился из-за трагической судьбы Первой республики, но не исчерпался полностью. Он стал частью того наследства, которое принесли с собой беженцы в арабские страны. Пожалуй, это главное, что сделало исторические партии краеугольным камнем (наряду с церковью и землячествами) структурирования общин, превращения беженцев фактически в новый социум – спюрк.

Особняком здесь стоит коммунистическая деятельность. Коммунистические идеи были довольно популярны в общинах, они подкреплялись фактом существования армянской государственности как советской, а также мощной организационной и материальной поддержкой Коминтерна. Однако, после короткого существования отдельных армянских коммунистических организаций (там, где они были), они влились в коммунистические партии стран пребывания. В Ливане, в меньшей степени Египте и Ираке, армяне становились их организаторами и лидерами [Косач 2001]. Это, а также доктринальное игнорирование национальной проблематики, Армянского вопроса, не позволило коммунистам, как организованному целому, стать влиятельной общинной структурой. Они и не стремились стать общинными структурами. Их цель и философия состояли в том, чтобы вырваться за общинные рамки, взломать их, сделать ненужными.

Естественно, что в новых условиях радикально меняются направления и формы деятельности исторических партий. Старое соперничество, а часто и вражда сохраняются, но также обретают новые мотивации и формы. Прежние идеологические границы противостояния (между различными вариантами социалистических идей, социалистическими и либерально-демократическими взглядами) и без того довольно размытые, меняются новыми. Основная борьба разворачивается за контроль над общинными институтами, за выработку стратегии и тактики интеграции в принимающее общество и вокруг отношения к Армянскому вопросу.

Первое время огромное внимание уделялось обеспечению внешних условий становления диаспоры. Партии часто подменяли в

этом общекommунальные структуры, которые находились в стадии становления. Фактически они брали на себя их функции. Необходимо было обеспечить условия физического выживания беженцев в лагерях, а затем создать базу для их правовой, социальной и экономической интеграции. Без повседневного и эффективного сотрудничества с властями и принимающим обществом добиться этого было невозможно.

В Сирии и Ливане в период до обретения этими странами независимости в конце 1940-х гг. проблема армянских общин состояла и в том, чтобы не испортить отношений ни с французскими властями, ни с арабами. Первые помогали материально, пообещали, а затем и предоставили гражданство сначала Ливана, а затем Сирии. Но жить надо было среди арабов, которые на первых порах отнеслись к притоку массы беженцев настороженно-подозрительно. Огромная масса чужаков грозила разрушить и без того хрупкое межобщинное равновесие среди самих арабов, могла претендовать на ресурсы, к тому же подозревалась в коллаборационизме. Хотя и не сразу, но необходимый баланс был найден. Лидеры общин сумели, не поссорившись с французами, продемонстрировать свое сочувствие национальным устремлениям ливанцев и сирийцев, заявили о неучастии в местных межконфессиональных конфликтах.

Выработка такой политики шла через столкновение различных политических сил в общине. Так, во время восстания 1925-27 гг. в Сирии дашнакские лидеры попытались сформировать добровольческие отряды армян для помощи французам. Это было сорвано объединенными усилиями Киликийского католикосата и других партий. Созданный в 1936 г. Народный фронт сирийских армян стремился к тому, чтобы «на практике доказать нашим местным братьям, что армянский народ не имеет ничего против независимости этой страны и готов наряду с армянской культурой развивать и изучать арабский язык и культуру в армянских учебных заведениях» [Наджарян 1973, с. 7]. Во время кризиса 1945 г., явившегося результатом последней попытки Франции вооруженным путем сохранить свое господство в Сирии, политические и духовные лидеры общины заявили о полной поддержке национального правительства и открыли запись армянских добровольцев в сирийскую армию [Оганесян 1968, с. 52-84; Топузьян 1964, с. 7-12]. По отзывам многих наблюдателей, дашнаки пытались играть активную роль в общеполитическом процессе.

тическом развитии Сирии и Ливана в первые годы независимости. Однако потерпев несколько поражений, заработав у части арабской элиты репутацию «агентуры ЦРУ», они сконцентрировали усилия на внутриобщинной деятельности.

Центром политической активности, «одним из бастионов армянской политической жизни в диаспоре» [Bakalian 1993, p. 98] окончательно становится в это время Ливан. Здесь сформировалась самая многочисленная община региона (250 тыс. человек к середине 1970-х гг.), политические партии могли действовать легально, что с начала 1960-х гг. было невозможно в Сирии, Египте, Ираке. Конфессионально-общинный принцип государственно-политического устройства страны, институты представительной демократии и многопартийная система - все это делало партии важнейшим институтом общины. В систему общин, составляющих конструкцию ливанского социума, армяне вошли как одна из них. На практике это означает, что получив ливанское гражданство и все связанные с этим права и обязанности, они формально имеют право и на отдельную жизнь с сильными элементами внутриобщинного самоуправления (оформление браков, разводов и т.д.). Наряду с другими армянская община имеет свои квоты в органах государственной власти (6 мест в парламенте, одно в правительстве и т.д.). Заполняются эти квоты через механизм конкурентной борьбы трех партий.

Каждая партия, по мере сил и возможностей, создает собственную сеть общественных организаций, стремится привлечь на свою сторону богатых, влиятельных или авторитетных соотечественников, добывает деньги, формирует ячейки повсюду, где имеются армянские общины. До конца гражданской войны в Ливане 1975-1990 гг. штаб-квартиры партий находились в Бейруте, здесь же выходила большая часть их периодических изданий. «Дашнакцутюн» и «Гнчак» строятся на жестко централизованной основе, с фиксированным индивидуальным членством, партийными взносами, беспрекословной дисциплиной. Рамкавары избрали для своего партийного строительства более либеральную западноевропейскую модель. В условиях гражданской войны в Ливане все партии обзавелись своими военизированными формированиями — милициями, предназначенными для защиты армянского населения.

Соотношение сил между партиями в диаспоре осталось примерно таким же, как в Первой республике. Идеолог «Дашнакцутюн»,

директор Института армянских проблем в Мюнхене Э.Оганесян констатировал: «Разными были политические и социальные условия в этих странах, однако дашнакской партии удалось за короткое время взять в свои руки все управление армянскими общинами Ближнего и Среднего Востока». Он с удовольствием цитирует и шутку тех лет: «Как можно жить в Ливане и не быть дашнаком» [Оганесян 1991, т.2, с. 397-398]. Дашнаки полностью преобладают в общинных советах, после 1953 г. им принадлежат все места в парламенте Ливана, зарезервированные для армян, тираж их прессы более чем вдвое превышает суммарный тираж остальных партийных изданий [Corbin, Griffith and Rahhal 1975-1976, p. 406]. Дашнакские формирования составляли основу армянской милиции во время гражданской войны в Ливане. У партии прочные позиции среди клира Киликийского католикосата (подробнее об этом см. главу).

Ценой такого успеха стала глубокая трансформация партии, ее идеологии, состава, форм и методов деятельности. По словам Н.Шахгальдяна, произошла «трансформация АРФ в Ливане из первоначально социалистического и модернистского национального движения в социально консервативную, западно-ориентированную и pro status quo политическую партию к началу 1950-х годов» [Schahgaldian 1983, p. 58]. Иначе говоря, «перестав быть в диаспоре политическими партиями классического типа» [Мелконян 2004], «Дашнакцутюн», «Гнчак» и «Рамкавар Азатакан» стали «партиями диаспоры».

В целом, эти политические партии справились с задачей выживания беженцев, их структурирования в качестве нового социума, интеграции в принимающее общество. Уже ко времени независимости Сирии и Ливана армянские общины стали признанным и законным элементом принимающих обществ, а их партии - важной и неотъемлемой частью инфраструктуры власти и принятия решений.

Парадоксальным образом это выявилось во время гражданской войны в Ливане. Атаки на армянские кварталы в 1976-79 гг. не имели целью уничтожение общины. Их инициаторы добивались участия армян в войне, рассматривая нейтралитет как уклонение от гражданского долга или привилегию «чужаков». Участие в гражданской войне — долг и обязанность «своих». Готовность принимающего сообщества считать армян «своими» имела, однако, с точки зрения большинства политических активистов армянской общины, и

отрицательные последствия. Свою миссию они видели прежде всего в поддержании и развитии Армянского вопроса. Уже отмечалась подчеркнутая, по мнению некоторых, даже гипертрофированно-экзальтированная, забота о сохранении идентичности. По словам К.с. Худавердяна, «основная задача, стоящая перед общественными кругами зарубежных армянских поселений, заключается в сохранении армянского этноса, культуры, языка» [Худавердян 1977, с. 131]. Не случайно в Бейруте регулярно проводились разнообразные социологические и психологические обследования все с той же целью — посмотреть, не перерастает ли естественная и необходимая адаптация в ассимиляцию, не теряется ли, хотя бы в небольшой части, армянская идентичность [Дараган 1988, с. 135-138; Мелконян 1998, с. 98-104; Der-Karabetian and Melikian 1974, p. 65-73; Der-Karabetian and Oshagan 1977, p. 164-175; Melikian and Der-Karabetian 1977, p. 185-193]. Тщательно отслеживалось отношение к армянскому и арабскому языкам, обычаям, традициям (вплоть до предпочтения к той или иной кухне), отношение к церкви, к Армянскому вопросу, армянским политическим партиям и организациям, смешанным бракам и т.д. Есть исследование, где сравниваются психологические особенности арабских и армянских студентов и с тревогой констатируется постепенное уменьшение различий. Свободное владение арабским языком, ставшее нормой после введения его в качестве обязательного в армянских школах, оценивается как тревожный симптом, а некоторыми публицистами — даже как реальная опасность. Характерны, например, такие пассажи из газеты «Спюрк»: «вследствие хорошего ознакомления с арабским языком, культурой и фольклором в первую очередь перерождается интеллигентное сословие нашего народа», «соприкосновения и связи с аборигенами настолько тесны, что бейрутских армян трудно отличить от арабов» [цит. по: Наджарян 1973, с. 3]. Тщательно подсчитывается количество смешанных браков, как чрезвычайно опасная оценивается некоторая тенденция к его увеличению, хотя абсолютные цифры незначительны — около 7% в 1950-69 гг.

Крайне тревожный, с этой точки зрения, симптом: часть политиков, особенно молодых, переносит центр тяжести интересов и деятельности на Ливан, постепенно дистанцируясь от Армянского вопроса. Депутат парламента Андрэ Табуриан в одном из интервью назвал себя «ливанцем армянского происхождения», что для деяте-

лей старшего поколения было немыслимо [Corbin, Griffith and Rahhal 1975-1976].

Гражданская война в Ливане, общая опасность сплотили и консолидировали общину, повысив чувство армянской солидарности. В то же время, она стимулировала массовую эмиграцию, прежде всего в США, вследствие чего число армян в стране сократилось вдвое. Некоторые армянские публицисты и исследователи писали об этом с огромной тревогой, считая этот процесс более страшным, чем жертвы и разрушения в Бейруте. Высказывалась даже мысль, что массовая эмиграция — это часть американского заговора с целью разрушения ливанской части спорка, как основной хранительницы национальных ценностей, носительницы просоветских настроений [Балаян 1979, с. 41; Оганесян 1982, с. 41].

Соединенные Штаты виделись Молохом, который уничтожит армянское самосознание, армянскую душу. Это кажется странным, учитывая, что в США имеется многочисленная (включая Канаду — 1200 тыс. человек), старая, процветающая община с развитой и эффективно функционирующей сетью церквей, школ, благотворительных учреждений, молодежных и спортивных обществ, прессы и т.д. Но, признавая устойчивость существования общины, отмечая, что эффект «плавильного котла» значительно преувеличен, многие армянские исследователи считают, что происходит постепенный переход через двуязычие к английскому языку как родному, что и сам армянский язык англизируется, что происходят необратимые сдвиги в культуре, образе жизни [Wertsman 1978; Christopher 1975, p. 272-282; Grigorian 1971, p. 37-45].

Еще тяжелее, почти безнадежно выглядела ситуация с «преодолением исторической несправедливости»: Турция не желала признавать сам факт геноцида и этим взять на себя ответственность, мир, занятый своими проблемами, почти не вспоминал о нем, возвращение «исторической родины», прежде всего Западной Армении, воссоздание независимой государственности в «справедливых границах» все больше казалось утопией. «Национальный очаг» существовал только в форме Советской Армении, где всякая несанкционированная общественно-политическая деятельность подавлялась, а национальные устремления расценивались как «буржуазный национализм».

Отношение к Советскому Союзу, тем не менее, было важной частью идейно-политической сетки координат и практической де-

тельности партий. По понятным причинам, оно было непротиворечивым только у коммунистов. Для остальных же партий большевики были, с одной стороны, союзниками кемалистской Турции и разрушителями Первой Республики Армении, а с другой – спасителями армянского народа от окончательного уничтожения, создателями пусть и номинальной, но все-таки государственности армян. Другой в мире не было, как не было и другого «национального очага».

Первыми определились лидеры «Гнчак». Не отказываясь от своих разногласий с большевиками, они, тем не менее, заявили на VIII съезде своей партии в Афинах (1924 г.), что поддерживают Советскую власть. В дальнейшем они даже вели безрезультатные переговоры о приеме в III Интернационал. Причину четко сформулировал один из лидеров партии: «Советская Армения – не русская провинция. Армянское государство опять независимо, изменены лишь правительство и природа власти» [Хуршудян 1965, с. 141; Хуршудян, Худавердян 1980-а, с. 106].

На сходных позициях стояли и рамкавары. О причинах их выбора не без снисходительного сарказма писал в свое время один из лидеров армянских большевиков Александр Мясникян (Мясников). По его мнению, партия представляла интересы крупных зарубежных армянских предпринимателей. Эти магнаты – люди опытные, прагматичные, ко всякой идеологии относящиеся с точки зрения выгоды. Поэтому они «не ужасаются таких слов, как «советский», «советский строй», «Советская Армения». Увидели, что можно с нею выгодно сотрудничать, прибыльно вкладывать капитал, сплавить туда доставляющих много хлопот и расходов беженцев. «Наконец, как буржуазные патриоты, демократы не прочь видеть сегодняшнюю маленькую Армению завтра великой... Дашнаки этого сделать не сумели, а что если по рецепту демократов, это сделают большевики?» [Мясников 1925, с. 9-10].

Куда более сложным было отношение к Советской Армении дашнаков. С одной стороны, демонстрировалась взаимная враждебность и непримиримость. Однако более внимательный взгляд на проблему показывает, что за постоянно демонстрируемой взаимной враждебностью скрывались сложные отношения притяжения и отталкивания. Почва для притяжения была прагматической. У дашнаков – это надежда на использование СССР для решения Армянско-

го вопроса. Первым открыто и в чрезвычайно острой форме сформулировал эту позицию один из основателей партии, ее многолетний лидер, премьер-министр Первой Республики Армения О. Качазнуни. В докладе на партийной конференции 1923 г. он заявил о банкротстве прежней политики, о том, что «Армения нуждается в большевиках, ибо нуждается в России», что «армяне-большевики — наши наследники». «Мы должны быть благодарны большевикам. Свергнув нас, они, если не сказать спасли, то, во всяком случае, поставили на более надежные рельсы унаследованное дело. Они пришли нас заменить именно в тот критический момент, когда мы сами изнемогали под тяжестью своего дела». Поэтому партия не должна бороться против большевиков, но и сотрудничать с ними не может, ибо это партия диктатуры, да и социалистические порядки неприемлемы для современной Армении. Выход из тупика — уйти, совершить «самоубийство партии». Она уже не нужна, ей «больше нечего делать» [Качазнуни 1927]. Этот полемически заостренный призыв не был реализован, но основная идея сохранилась. Не случайно серия примирительно-доброжелательных публикаций о советской политике появляется в про-дашнакском журнале «The Armenian Review» вскоре после Второй мировой войны, когда сталинское руководство предъявило территориальные претензии к Турции. Член руководства партии Навасардян заявил, что если Сталин присоединит Западную Армению к Советской, то «Дашнакцутюн» может прекратить свое существование [Оганесян 1991, т.2, с. 404]. Еще свежие воспоминания о сталинском терроре против армянской интеллигенции, церкви, народа в целом были если не забыты, то отодвинуты в сторону.

Однако, ни просоветская политика «Гнчак» и «Рамкавар», ни метания дашнаков от открытой враждебности к скрытому сотрудничеству к СССР не могли подтолкнуть советское руководство к отставиванию Армянского вопроса в ущерб своим приоритетам. Более того, чаще именно советские власти манипулировали армянскими партиями, используя их для решения своих проблем, как в Советской Армении, так и на Ближнем Востоке.

В глазах части политизированной, национально-ориентированной молодежи вся ответственность за этот тупик ложилась на исторические партии. Они не сумели сформировать мировое общественное мнение, оказались не в состоянии найти влиятельных со-

юзников и покровителей, с помощью которых можно было бы достичь решения Армянского вопроса. Деятельность дашнаков, их пристрастие к закулисной политике навлекала на них обвинения в неразборчивом сотрудничестве с самыми разнообразными разведками — английской, французской, германской (в годы войны), американской.

Осознание тупика, бессилия традиционной политической элиты, сомнения в ее моральном праве на лидерство, опыт приобретенный на новой родине (прежде всего, участие в гражданской войне в Ливане) — все это подвигало часть молодой, национально-ориентированной элиты на поиски новой стратегии и тактики борьбы за Армянский вопрос. Огромное воздействие на их формирование оказал опыт палестинского движения, которое во многом благодаря вооруженному насилию, в т.ч. террору, заставило весь мир считаться с собой, сделало реальной перспективу формирования государственности, консолидировало палестинцев.

Все это способствовало созданию в середине 1970-х гг. новых армянских организаций, которые сделали террор основным инструментом своей деятельности. В 1975 г. в Ливане была создана армянская организация ASALA (Armenian Secret Army for the Liberation of Armenia). Она заявила о себе как о части мирового революционного движения, силе социалистической и национальной. Ее цель — привлечь внимание мира к исторической несправедливости по отношению к армянскому народу, заставить турецкое государство признать факт геноцида, сплотить разбросанных по всему миру армян и добиться освобождения Западной Армении от турецкой оккупации и воссоздания там армянской государственности. ASALA состояла в основном из молодых людей, выходцев из семей среднего класса Ливана, США и Франции. Численность их различные авторы оценивают в 1-6 тыс. человек [Chabry et Chabry 1984, p. 241; Gunter 1983, p. 626]. В разгар деятельности издавались газеты и другие пропагандистские материалы на армянском, английском, арабском, французском и других языках. Лидеры партии довольно охотно проводили пресс-конференции, где подробно разъясняли ее цели и задачи.

Первые же террористические акты, проведенные боевиками ASALA, сделали ее весьма популярной в диаспоре. Это встревожило лидеров традиционных партий и, прежде всего, дашнаков. Тем

более, что представители ASALA не скрывали своей враждебности к ним, считая, что антисоветизм, ставка на США и НАТО, покровительствующие Турции, приносят огромный вред Армянскому вопросу. Скорее всего, с целью перехватить инициативу в том же 1975 г. дашнаками была создана еще одна террористическая организация – Justice Commandos of the Armenian Genocide (JCAG). С 1983 г. она стала называться Армянской революционной армией (АРА). Имеется также гипотеза, что сформировали ее представители молодежного крыла партии, недовольные политикой руководства. Но большинство наблюдателей считает все-таки, что JCAG – это дочерняя подпольная структура «Дашнакцутюн». Об этом прямо пишет и один из лидеров партии Э.Оганесян. Так или иначе, и эта группа включилась в кампанию террора. С ASALA она находилась во враждебных отношениях [Оганесян 1991, т. 2, с. 455-497].

При всей своей вражде, различиях в идеологии и внешних связях, и ASALA, и JCAG практиковали одинаковые формы деятельности. Ее содержание можно охарактеризовать, говоря словами П.Кропоткина, как «пропаганду действием». Все это было рассчитано на мощный демонстрационный эффект, на то, чтобы мир вспомнил о существовании и осудил геноцид 1915 г. и его виновников. А, вспомнив об этом, помог «народу в рассеянии» обрести историческую родину. Не менее важной целью было поднять национально-политическое самосознание народа, помочь ему преодолеть чувство бессилия и безнадежности, мобилизовать его на борьбу. Совершались нападения на турецкие посольства, консульства, представительства авиакомпаний. В результате нападений было убито более тридцати человек – турецких дипломатов и членов их семей (в Западной Европе, США, по одному человеку в СССР и Болгарии). Наиболее громким в этом ряду инцидентом был захват турецкого посольства в Париже. На мощный пропагандистский эффект был рассчитан захват аэропортов Анкары и Стамбула. После 1979 г. армянские боевики нападали и на представителей западных стран – в виде ответа на аресты.

Характерна и типична динамика террора. Отчетливо выделяется первый, «героический» период: популярность идеи, много сторонников и сочувствующих, героизм и самопожертвование участников борьбы, надежды на немедленные результаты, подкрепляемые пропагандистским эффектом. Затем террор становится привычной, ру-

тинной работой, накапливается усталость, приходит разочарование — затрачены гигантские усилия, понесены большие человеческие жертвы, а результата нет. Мировое общественное мнение, на миг вспомнив о геноциде и посочувствовав ему, переходит к повседневным делам и заботам. Мировая мода на терроризм постепенно проходит, формируется отвращение к нему. Союзников приобрести не удается, террористы подвергаются преследованию со стороны спецслужб разных стран. Профессионализация террора постепенно приводит к тому, что из средства он превращается в самоцель. Часть членов организаций отходит от борьбы, часть стремится к более эффективным методам. Дискуссии переходят во взаимное отторжение, а затем и вражду. Начинаются расколы, ожесточенная междоусобная борьба, предательства.

Перестройка в СССР открыла новые перспективы и создала новые проблемы в решении Армянского вопроса. Распад СССР, независимость Третьей Республики Армения, тяжелейшие проблемы ее становления, карабахский конфликт — все это резко изменило контекст политической жизни в армянской диаспоре. Часть ее элиты активно включается в политический процесс в независимой теперь республике. Еще до этого, в середине 1980-х гг., армянский терроризм прекратился, а соответствующие организации канули в историю.

Традиционные политические партии диаспоры переносят центр тяжести своей деятельности на завоевание прочных, желательных лидирующих позиций в формирующейся политической системе Республики Армения. Ресурсы для этого имелись: опытные кадры, огромный опыт политической деятельности, международные связи, притягательность образов исторических национальных партий в условиях краха коммунистической идеологии.

Однако интеграция «диаспоральных партий» в формирующуюся многопартийную систему независимой Армении оказалась делом чрезвычайно сложным и болезненным. В этом процессе фактически «сошли с круга» «Гнчак» и «Рамкавар Азатакан», а переживший тяжелый опыт запрета и репрессий против своих активистов «Дашнакцутюн», сумел занять только место во втором эшелоне современной системы власти. Причин тут много и их анализ требует отдельного разговора, который в научной литературе только начинается [Фурман 1992; Мелконян 2005-а, с. 103-113; Паносян 2000, с.

30-51]. Несомненно, однако, что опыт и идеология «партий диаспоры» стали здесь не только ресурсом, но и серьезной обузой.

Серьезные проблемы в их деятельности наметились и в диаспоре. А. Санджян, анализируя современное состояние дел в армянской общине Ливана, расценивает ее как кризисную. Он отмечает не только радикальное сокращение численности общины, но и процесс спада популярности национального образования, упадка интереса к национальной периодике, литературе, растущее число межнациональных браков и т.д. Он прогнозирует: «Если предоставить событиям идти своим путем, ливанские армяне в конце концов, хотя и в отдаленной перспективе, станут еще одним арабоязычным христианским меньшинством в преимущественно мусульманском арабском мире». В то же время, «старые политические партии демонстрируют свою неспособность преодолеть соперничество друг с другом – сейчас во многом уже лишенное идеологической основы – и солидарно выступить на местной политической сцене, добившись таким образом большего уважения к армянской общине... Становится все заметнее, что традиционные армянские организации живут прошлым и былой славой, а ряды их убежденных сторонников редуют день ото дня» [Санджян 2004, с. 141-143].

Так или иначе, начался процесс раздвоения функций «Дашнакцутюн»: партия диаспоры и партия в политической системе независимого государства. Делается попытка совместить их через реализацию задачи связей диаспоры и Армении. Давая интервью корреспонденту «Независимой газеты», депутат Национального собрания Армении, представитель верховного органа «Дашнакцутюн» Армен Рустамян отметил, что его левоцентристская, социалистической направленности партия стремится сформировать нишу конструктивной оппозиции в политической системе Армении. С другой стороны, «...АРФД имеет большое влияние в диаспоре...наши офисы функционируют в более чем 30 странах мира. Задача наших партий состоит и в том, чтобы защищать и охранять диаспоры и связать их с родиной» [Независимая газета, 2007, 10 июля]. Однако совмещение таких разнонаправленных задач может стать трудной, а то и непосильной ношей.

Тем более, что формируется важнейший фактор радикальных сдвигов в политической жизни диаспоры – качественное изменение самой диаспоры. Совершенно очевидно, что основные центры ее

культурного, этнического, экономического и общественно-политического развития перемещаются в США и Россию. При всей радикальной несхожести как этих обществ, так и их армянского населения, их объединяет необщинный, сугубо индивидуалистский тип общественных связей и отношений.

Кроме того, последняя мощная волна эмиграции из Армении, в Россию прежде всего, является трудовой, добровольной. Это предопределяет специфический набор целей и способов их реализации, форм и механизмов экономической, социальной и культурной адаптации мигрантов в принимающее общество [Дятлов 2007, с. 60-70]. Что, в свою очередь, формирует характер постсоветских диаспоральных связей и отношений. Новые трудовые мигранты нуждаются в общинных связях и взаимопомощи как ресурсе адаптации, инструменте скорейшего обретения статуса, экономических возможностей и социальных позиций в принимающем обществе. Старожилы, армяне, родившиеся в России, не нуждаются в решении адаптационных задач, но многие из них стремятся к поддержанию и сохранению армянской идентичности, языка, элементов культуры, к созданию и развитию инфраструктуры связей с исторической родиной. Этого невозможно достичь индивидуальными усилиями. Эти потребности (как новичков, так и старожилов) реализуются через развитую сеть неформальных клановых структур и формально зарегистрированных национально-культурных обществ.

Причем, и я полностью согласен здесь с Татьяной Журженко, «постсоветские кланы, по крайней мере в европейской части бывшего Союза, не имеют ничего общего с додерными родоплеменными структурами, они являются продуктом (пост)советской модернизации, механизмом структуризации отношений и поддержки лояльности в отсутствие эффективно действующих институтов рынка и либеральной демократии... Можно определить клан как иерархическую форму отношений, основанную на личной преданности, дисциплине и угрозе применения насилия и в то же время обеспечивающую защиту и покровительство «своим» в случае опасности... Принцип организации клана — это не универсальный принцип политического гражданства и не горизонтальная солидарность этнокультурного национализма, это отношения «патрон-клиент», основанные на безусловном признании авторитета старшего в иерархии. Патрон выступает бенефициарием, «решает его вопросы», клиент

платит ему личной преданностью. Клан предполагает жесткое деление на «своих» и «чужих», и хотя часто в основе такого деления лежат этнические и расовые характеристики, знакомый всем по службе в Советской армии принцип землячества, цементируют его прежде всего общие экономические интересы» [Журженко 2007, с. 358–360]. Клановость – характеристика скорее миграционной, чем этнической стороны диаспоральной ситуации. По мере интеграции в принимающее общество, во втором, а тем более третьем поколениях значение этого фактора должно сокращаться.

Более сложно обстоит дело с национально-культурными обществами – формальными институтами, специально созданными для деятельности в публичной сфере. Сейчас они существуют и в разной степени эффективно функционируют в городах большинства субъектов Российской Федерации, создана общероссийская национально-культурная автономия. Основанный в 2000 г. «Союз армян России» имеет «региональные и местные отделения в 70 субъектах и более 340 городах Федерации». По мнению своего президента Ара Абрамяна, «Союз армян России» выражает мнение представителей более 2 миллионов армян» страны [Абрамян 2006, с. 9, 15]. А.Абрамян считает, что «из множества армянских общин, разбросанных по всему миру, российская армянская община является «главной общиной». Она самая главная во многих отношениях – по численности, по интеллектуальному потенциалу, по своей роли и значению в рамках такого огромного и влиятельного государства, как Россия, по своему экономическому потенциалу» [Независимая газета. 2000, 16 июня]. САР выступил инициатором создания и организатором Учредительного съезда Всемирного Армянского Конгресса (2003 г.), на котором присутствовали 350 делегатов из 52 стран, президенты России и Армении. А.Абрамян стал и Президентом ВАК [Абрамян 2006, с. 43–44].

Судя по программным документам и заявлениям лидера, САР, как «этническая общественная организация» [Абрамян 2006, с. 13] ставит перед собой весьма амбициозные цели, в том числе и политического характера. Накануне его учредительного съезда А.Абрамян заявлял: «Думаю, общероссийская организация будет осваивать и новую форму деятельности – работу по политической мобилизации армянских общин во время выборов в в федеральные и местные органы власти. Для общинных организаций России эта область

является совершенно новой, хотя армянские общины в Америке, Франции, других странах давно и достаточно эффективно освоили политическую работу. Наша организация может сыграть важную роль в политическом просвещении армянской общины, с тем, чтобы они сделали более осмысленный и осознанный выбор при поддержке кандидатов или избирательных блоков. Хорошо бы зафиксировать взаимные обязательства между политическими силами и общинами, как это делается во многих развитых странах: политические силы берут на себя определенные обязательства в обмен на голоса избирателей» [Независимая газета. 2000, 16 июня].

В рамках такого курса руководство САР вело интенсивную посредническую работу с целью смягчения анти-армянской риторики властей Краснодарского края, снижению накала существующей там этнической напряженности, по разрешению возникавших на этой основе конфликтов. Это тем более важно, что там живет, по разным оценкам, от 600 до 800 тыс. армян и они являются второй по численности этнической группой края. В ходе выборов в Государственную Думу 2003 г., по словам А.Абрамяна, «нам впервые в истории армянской диаспоры в России удалось провести предвыборные консультации с представителями блоков различных партий и кандидатом в мэры г. Москва Ю.М.Лужковым». Во время президентских выборов 2004 г. САР, по его же оценке, мобилизовал потенциал диаспоры в поддержку В.В.Путина [Абрамян 2006, с. 10-11; Независимая газета. 2000, 16 июня; Известия. 2003, 7 октября].

Все это, несомненно, политическая деятельность, но она не направлена на завоевание собственного сегмента в российском партийно-политическом поле. Здесь нет претензии на партийный тип политической мобилизации. Это, скорее, лоббистская деятельность, основанная на значительном посредническом ресурсе. Этот ресурс САР приобрел, заручившись поддержкой региональных НКО и получив, в результате, возможность говорить от имени диаспоры. Именно это делает САР значимым партнером для официальных властей Москвы и Еревана – и присутствие на учредительном съезде ВАК президентов России и Армении свидетельствует об этом со всей определенностью. Кроме того, это дополнительный и важный канал связи между двумя странами, их властными структурами. Региональным же НКО, то есть тонкой прослойке этнических активистов, говорящих от имени армянского населения своего города

или региона, это дает (или позволяет надеяться на получение) дополнительные материальные или символические ресурсы (скажем, повышение статуса и возможностей из-за возможности «прямого выхода» на Москву и Ереван).

Пока это только посреднический ресурс, т.к. возможность политической мобилизации диаспоры и даже только ее этнически активной элиты Союзом армян России, да и вообще кем бы то ни было, весьма проблематична. Возможность и право говорить от лица армян России – это пока только неизбежная и необходимая риторика. И не случайно в отчетном докладе А.Абрамяна констатируется, что «не все представители нашей диаспоры в одинаковой мере вовлечены в общинную и политическую деятельность» [Абрамян 2006, с. 6]. Многое здесь будет зависеть от конкретики лоббистской деятельности – поставленных целей и эффективности их реализации. Диапазон целей может быть предельно широким – от реализации личных и деловых интересов сильных людей, их общественно-политических амбиций до защиты прав представителей диаспоры, разрешения конфликтов на этнической основе и до отстаивания интересов Армении, в карабахском вопросе, например. Уровень политизированности и этнической солидарности представителей армянской общины, масштабы их реального (и даже номинального) участия в этнически-ориентированных общественно-политических организациях никто не измерял. Однако можно предположить, что основные интересы трудовых мигрантов лежат не в политической плоскости, поэтому возможность их политической мобилизации зависит от уровня их вовлеченности в клановые структуры и позиции патронов кланов. Уровень же заинтересованности и активности старожилов, россиян второго-третьего поколения будет напрямую зависеть от способности организации удовлетворять их этнокультурные запросы и интересы. И это будет их ситуативный и свободный выбор.

Этот вариант уже в чем-то приближается к той модели политической деятельности армянской диаспоры, которая сейчас формируется в США. Основываясь на материалах социологических обследований, Э.Бакалян убедительно показывает, как стремительно уменьшается число приверженцев традиционных политических партий у представителей второго – третьего поколений американцев армянского происхождения, особенно у людей смешанного происхождения. Оплотом партий и сферой традиционно связанной

с ними клановой розни все больше становятся те, кто родился не в Америке, выходцы из бывших социалистических странах и стран Ближнего Востока.

Вместе с этим происходят глубокие сдвиги в политической культуре, формах, направлении и масштабах политической мобилизации на этнической основе. По мнению Э.Бакалян, это особенно отчетливо видно в деятельности основанной в 1972 г. Армянской Ассамблеи Америки. Это не политическая партия, хотя зачастую выполняет политические функции. Это организация людей, ставших американцами, органически интегрированных в американское общество и завоевавших в нем мощные позиции в экономической, культурной, интеллектуальной сферах. Поколения хорошо образованных, высокопрофессиональных, процветающих американцев, озабоченных однако перспективой утраты армянской идентичности, языка, культурных традиций. Поэтому ее деятельность концентрируется в сфере проведения культурных, информационных и образовательных программ, поддержание связей в диаспоре. Что касается политической стороны деятельности – то это борьба за признание факта геноцида правительством США, лоббирование интересов Армении при выработке и проведении внешнеполитического курса страны [Bakalian 1993, p. 126-129, 140-151]. Э.Бакалян особенно подчеркивает, что требование признания геноцида обращено к правительству США, но не Турции.

Среди лоббистских организаций диаспоры лидирующее положение, несомненно, принадлежит Армянскому национальному комитету (Armenian National Committee), известному также как «Комитет Ай дата», основанному партией «Дашнакцутюн» еще в 1941 г. в Нью-Йорке. Цель АНК – решение «Ай дата», или Армянского вопроса, а именно возмещение потерь от геноцида и объединение Западной и Восточной Армении в единое армянское государство. АНК содействует принятию различными государствами и институтами законодательных актов, осуждающих армянский геноцид, и обращает внимание на «нарушение прав самоопределения армянского народа». Одним из главных направлений лоббистской деятельности АНК является обеспечение экономической и военной помощи Армении и Нагорному Карабаху в бюджете США. Комитет стремится обеспечить позитивную позицию по отношению к Армении во внешней политике США и других стран, а также нейтралитет

зовать антиармянскую пропаганду Турции и Азербайджана. Под эгидой комитета действует исследовательский центр, выпускающий издания, посвященные геноциду армян и событиям в Нагорном Карабахе и Азербайджане. В частности, АНК публикует периодические издания «Trans Caucasus. A Chronology» и «ANC Newsletter». В США АНК имеет два основных отделения: Восточное и Западное. Офисы АНК действуют в Вашингтоне, Бостоне, Лос-Анджелесе, Сан-Франциско, Фресно и других городах США. Его местные комитеты действуют и в ряде стран Европы, Ближнего Востока, Латинской Америки, а с 1991 г. также в Ереване и Москве. В 2001 г. создан Комитет АНК Евросоюза, который работает с различными структурами Евросоюза и Европарламента.

Таким образом, политические катаклизмы в арабских странах (Ливане прежде всего), Иране, мощный отток армян оттуда в страны Запада, особенно США, их интенсивные процессы аккультурации там (что многими расценивается в категориях ассимиляции), радикально меняющаяся роль общинности в этих необщинных обществах, мощные потоки трудовой миграции последних лет из Армении в Россию и со всего пост-советского пространства в страны Запада – вот тот набор проблем и вызовов, который потребовал пересмотра и переосмысления принципов, форм и методов деятельности партийных структур, да и всего характера политической деятельности в диаспоре. Господствовавшие ранее партийные формы политической деятельности в диаспоре, тесно связанные с общинным типом организации диаспоры, постепенно сдают свои позиции. Традиционные партии вынуждены искать себе новые ниши – прежде всего в формирующейся партийно-политической системе независимой Армении. В диаспоре же возрастает роль и значение непартийных форм политической жизни, заметно меняются ее цели и приоритеты.

Глава 5. Роль этнических организаций в жизнедеятельности диаспоры

Э.Мелконян

При знакомстве с армянской диаспорой нельзя не заметить существование большого числа организаций, разнящихся по времени основания, сферам деятельности и степени влиятельности. Само их появление было продиктовано необходимостью самоорганизации, создания действенной структуры для решения разнообразных задач, связанных, особенно в первый период после иммиграции, с жизнеобеспечением, поддержанием минимального уровня жизни. В первую очередь это благотворительные союзы, землячества и т.п. Одновременно с этим создается также целая сеть культурно-образовательных, молодежных организаций в целях сохранения «материнской» культуры и ее трансляции последующим поколениям. В последующем, по мере интеграции в принимающие общества и повышения социально-экономического статуса армян диаспоры, начинается продолжающийся и сегодня процесс создания организаций, объединяющих людей на основе их профессий, предпочтений, иначе говоря, по интересам (союзы армянских врачей, юристов, бизнесменов, ювелиров, писателей, студентов, ученых и др.).

Для функционирования диаспоры как определенной этнокультурной целостности особое значение имеют пандиаспоральные организации, т.е. те из них, которые действуют во всех или в подавляющем большинстве армянских общин. К организациям подобного типа относятся армянские церкви (апостольские, католические и протестантские), политические партии, некоторые культурные, молодежные, благотворительные, земляческие союзы и ассоциации. Особая роль среди них принадлежит Армянской апостольской церкви.

Особая роль церкви в истории армянского народа обусловлена ее некоторыми специфическими характеристиками, присущими ей изначально, с момента утверждения христианства как государственной религии в Армении.

Одна из важнейших дат истории Армении — 301 год, когда христианство стало в стране государственной религией. Это событие,

предопределившее всю дальнейшую историю армян, связано с именами правившего тогда царя Трдата III и епископа Григора, позднее названного Лусаворич (Григорий Просветитель), ставшего первым главой — Католикосом — Армянской церкви (отсюда распространенное в русскоязычной литературе определение Армянской церкви как Армяно-григорианской).

Ко времени принятия Арменией христианства, стремление Ирана утвердиться на территории армянского государства выражается в сочетании военного давления и политики иранизации армянской культуры, прежде всего насаждения зороастризма. Эта политика достигла своей кульминации с утверждением в Иране в III в. династии Сасанидов, которые, объявив зороастризм государственной религией, повели жестокую борьбу против всех других религий. «...армянские и сирийские источники — отмечал английский иранист Ричард Фрай, — повествуют о рвении, с которым Ардашир основывал храмы огня и разрушал языческие капища, особенно в Армении» [Фрай 1972, с. 302]. Тогдашняя религия армян, бывшая неким синкретическим образованием из местных, а также иранских и греко-римских верований, не могла противодействовать этой агрессии, угрожавшей существованию армянской идентичности. В таких случаях подавляемая культура, как известно, использует этнозащитные механизмы инновации. Принятие христианства и было инновацией, которая позволила армянам, с одной стороны, войти в новый, еще только формировавшийся христианский социокультурный мир, а с другой — свести к минимуму иранское влияние. Вскоре, однако, армяне подверглись сильному давлению уже со стороны Византийской церкви, что толкало Армянскую церковь на оптимальное дистанцирование от нее. Процесс, начавшийся в 451 г. с непринятия Армянской церковью догматических решений Халкидонского вселенского собора закончился в VI в. ее отделением от имперской Византийской церкви.

Можно сказать, что церковный сепаратизм был защитным ответом на потерю армянами государственности. Отныне именно церковь становится консолидирующей силой, наиболее действенным и по сути единственным средством самоорганизации армянского народа, а потому символом его вероисповедного и национального самосознания в равной мере. Тем более таковой была, не могла не быть роль церкви за пределами страны — в армянском зарубежье. По сло-

вам Константинопольского патриарха Магакия Орманяна, «Армянская церковь была единственным звеном, связавшим в одно неразрывное целое рассеянные остатки племени Гайка... Церковь сплотила эти разрозненные остатки в одно самобытное целое, верное себе на протяжении веков и на всех географических широтах... Она видимая душа отсутствующего отечества» [Орманян 1913, с. 191].

Престол главы Армянской апостольской церкви Католикоса всех армян изначально находился близ Еревана – в Кафедральном соборе Св. Эчмиадзина. В разные годы в целях безопасности его местоположение на короткое время менялось, но всегда в пределах Армении. Исключением явился лишь перенос его в Киликийскую Армению в период существования там в XI–XIV вв. суверенного Армянского царства, с падением которого престол Католикоса в 1441 г. вновь был возвращен в Св. Эчмиадзин. При этом с целью дальнейшего управления религиозной жизнью местных армян в городе Сис был основан Киликийский Католикосат, которому спустя шесть столетий суждено было сыграть важную роль в расколе Армянской церкви. Киликийский Католикосат, признающий верховенство Католикосата всех армян – Св. Эчмиадзина, продолжил свою деятельность в Армянской Киликии до конца 1921 г., когда решением местных французских властей эта область была передана Турции. К тому времени из бывших в его подчинении до Первой мировой войны 13 епархий существовала только одна – в Алеппо (Сирия). В конце 1920-х гг. с согласия Католикоса всех армян Иерусалимское армянское патриаршество передало в ведение Киликийского Католикосата также епархии на Кипре, в Дамаске и Бейруте, в пригороде которого, в Антилиасе, с 1930 г. расположился его престол – Кафедральный собор Сурб Григор Лусаворич.

Вне пределов Армении находятся также два патриаршества, действующие под юрисдикцией Католикосата всех армян. Иерусалимское патриаршество с престолом в монастыре Србоц Акоюнц (Св. Иаковов) было основано еще в VII в., оно занимает один из четырех кварталов Иерусалима, именуемый «Армянским кварталом», и обладает, наряду с Греко-православной и Римско-католической церквями, равными правами на христианские святыни, расположенные на Святой земле. В течение веков число епархий, бывших в подчинении патриаршества, постоянно менялось. К началу Первой мировой войны в его ведении фактически находились епархии

в Дамаске и Латакии (Сирия) и в Бейруте. Сегодня Иерусалимскому патриаршеству подчинены армянские церкви в Израиле и Палестине, духовное пастырство в Иордании.

Иерусалимское патриаршество издавна является одним из важных центров армянской культуры. Именно здесь в монастыре Србоц Акоюнц находится хранилище армянских рукописей, по богатству своих фондов (около 4 тыс. рукописей) уступающее лишь Матенадарану в Ереване. Здесь же в 1833 г. была открыта типография, где впервые были изданы произведения известных историков – Ованеса Драсханакертци, Есаи Гасан-Джалаляна и др. Именно в этой типографии начиная с 1866 г. печатается журнал патриаршества «Сион». Поныне действующая духовная семинария «Жарангаворац» была основана в 1843 г., ее выпускники служат в армянских церквях по всей диаспоре. В 1928 г. Патриаршество финансировало также основание школы «Србоц Таркманчац» (Св. Переводчиков), в которой сегодня учатся более 150 местных армянских детей.

Константинопольское армянское патриаршество, основанное в 1461 г., по своей роли и значению в истории армянского народа может быть сравнимо лишь с первопрестольным Св. Эчмиадзином. И это объяснимо, поскольку вплоть до Первой мировой войны большая часть разделенной Армении входила в состав Османской империи, и подавляющее большинство армянского народа имело своим духовным лидером именно Константинопольского патриарха. Но не только духовным. Вскоре после взятия Константинополя в 1453 г. турецкие власти для регламентации и контролирования жизни и деятельности христиан страны объединили их в две конфессиональные общины, главами которых были признаны Греческий и Армянский патриархи (католические и протестантские общины или миллеты были образованы позднее, к середине XIX в.). В ведении патриархов были вопросы религиозно-церковной жизни, воспитания и образования верующих, семейного права, управления благотворительными учреждениями, церковными владениями и др. В начале XX в., до геноцида и изгнания армян, под юрисдикцией Армянского патриаршества действовало 1181 армянских церквей и 132 монастыря, из коих в самом Константинополе – 55 церквей [Tuğlaci 1991]. Сегодня, когда численность армян в Турции составляет около 60 тыс., из 41 действующих на территории Турции армянских

церквей 35 расположены в Стамбуле (Константинополе). Из учебных заведений патриаршества особо следует отметить основанную в Армаше в 1889 г. духовную семинарию, выпускники которой в разное время становились иерархами Армянской церкви, в том числе Константинопольскими патриархами. В начале XX в. в Стамбуле и в провинции имелось 860 армянских школ, сегодня их осталось только 14, все в Стамбуле. В 1950-х здесь же патриаршество основало духовную семинарию Сурб Хач (Св. Креста), начало издавать религиозно-исторический журнал «Шогакат», а с 1996 г. информационный «Лрабер».

Качественная и количественная трансформация армянского зарубежья вследствие геноцида и изгнания с родины еще более усилила роль церкви как важнейшего национального института, расширила сферу ее деятельности. Христианская вера в лоне Армянской церкви, которой армяне были верны долгие столетия и во имя которой было принесено так много жертв, стала непреходящей ценностью, вокруг которой должно было произойти их собрание и самоутверждение в самых различных обществах и культурах. В начальный период формирования и становления общин, ее отдельных структур, именно церковь инициировала и организовывала основание воскресных школ, многих женских, молодежных и иных организаций, проведение общинных мероприятий, и стала центром не только религиозной, но и этнокультурной, этносоциальной жизни армян, будь то в Бостоне, Лондоне или Бейруте.

Конечно же, церковь прежде всего стремилась организовать и упорядочить собственно религиозную жизнь армян диаспоры, что, учитывая гибель многих священнослужителей в годы геноцида, было связано с большими трудностями. С не меньшими трудностями, главным образом финансового характера, было связано и строительство новых церквей. Немалое их число возводили, да и сейчас возводят, следуя старой традиции, известные меценаты (к примеру, церковь Сурб Саркис в Лондоне и церковь Сурб Ованнес Мкртич (Св. Иоанна Крестителя) в Париже, построенные на пожертвования соответственно Галуста Гюльбенкяна и Александра Манташева), но во многих случаях церкви строились на пожертвования членов общин. Несмотря на весьма скромные возможности армян диаспоры в период до Второй мировой войны, участие в подобных пожертвованиях было делом чести для каждого из них. Как

это происходило, к примеру, во Фресно (Калифорния), отражено в одном из автобиографических рассказов Вильяма Сарояна («Мой кузен Тигран, оратор»). Сегодня армянские церкви действуют в разных странах мира, они объединены в епархии и другие церковно-административные единицы. Так, Аргентинская епархия включает шесть церквей в Буенос-Айресе, Украинская епархия – восемь: самая древняя из них, Сурб Саркис в Феодосии, построена еще в XIII в., а Сурб Хач в Макеевке уже в наши дни, в 1998 г.

Уже отмечалось, что принципиальные различия между христианством и мусульманством обозначили в странах Востока допустимую грань воздействия местных культур на культуры христианских, в том числе армянских меньшинств, и во многом способствуют сохранению их этнокультурной идентичности. Надо особо отметить также, что в этих странах решение задачи интеграции иноэтничных и иноконфессиональных меньшинств никак не сводится к полному уравнению их прав с правами доминирующего большинства. Христианским общинам при условии безусловного и неукоснительного соблюдения ими установленных норм и законов, уважения традиций мусульманского большинства гарантированы условия и возможности для религиозной и культурно-просветительской деятельности. Одной из важнейших особенностей данной модели общественного устройства является то, что она практически исключает жизнь личности вне той или иной общины, поскольку в противном случае человек оказывается как бы вне социума вообще. В этих условиях еще более значимой становится степень самоорганизации меньшинств, структурированности общин в соответствии с запросами различных групп, и прежде всего роль религиозных организаций. Для местных армян таковой является Армянская апостольская церковь как символ как их национальной и вероисповедной идентичности.

Изначально иным было положение Армянской церкви в странах Запада, где ей необходимо было самоутвердиться среди других доминирующих здесь христианских церквей – католической и протестантской. Важно отметить, что для первых волн армян-иммигрантов, включая изгнанников и беженцев из Османской империи начала XX в., христианское вероисповедание во многом способствовало их, как братьев по вере, скорейшей интеграции в принимающие общества. Но со временем общность веры, общехристианских

норм и ценностей, а также все возрастающая секуляризация самих западных обществ, снижение интенсивности культовой практики, перехода религиозности с институционального на индивидуальный уровень привели к снижению этнозащитных функций Армянской церкви в странах Европы и Америки. Это особенно заметно среди местных армян третьего и последующих поколений, посещающих церковь в основном в дни религиозных праздников (Рождество, Пасха и др.), 24 апреля – в день памяти жертв геноцида 1915 года, или для исполнения обрядов жизненного цикла (крещение, свадьбы, похороны и др.); в данном случае можно говорить еще об одном проявлении «символической этничности». Но и сама церковь в свою очередь вынуждена приспособливаться к своей изменяющейся пастве; все чаще служба в ней проводится на армянском и местном языках, а иногда только на местном.

Исключительный авторитет Армянской церкви среди армян диаспоры с неизбежностью вовлек ее в драматические события, приведшие к расколу как диаспоры в целом, так и самой церкви. Первопричиной тому стали события, происшедшие в конце 1920 г. в Армении – установление коммунистической власти и образование Советской Армении. (О позиции политических кругов диаспоры по отношению к Советским властям Армении см. главы 4 и 6.)

Армянская апостольская церковь, веками сохранявшая независимость и единство, несмотря на постоянные гонения иноземных правителей-иноверцев в Армении и на прозелитизм иных христианских церквей (главным образом католической) как в Армении, так и в зарубежье, не смогла избежать воздействия грандиозного социального эксперимента, начатого Лениным в России в 1917 г. Основными оппонентами властей Советской Армении в диаспоре выступили армянские политические партии. Появившиеся в ходе национально-освободительной борьбы конца XIX в. против турецких правителей, они в диаспоре продолжали играть роль основных и по существу единственных носителей и хранителей национально-политических идеалов армянского народа. Не будучи в диаспоре политическими партиями классического типа, именно в сохранении этих идеалов они видели свое предназначение и свое отличие от всех других организаций армянского зарубежья. Но при этом каждая из них была уверена в своей собственной правоте на пути к этой цели.

Дилемма, вставшая перед диаспорой, заключалась в необходимости выбрать главный критерий своего отношения к Советской Армении — считать ли таковым идеологию властей Армении или само существование Армении. Диаспора не сделала однозначного выбора и разделилась. Армянская революционная федерация «Дашнакцутюн» (правившая в Первой Республике Армении в 1918–1920 гг. и свергнутая коммунистами) не только сохранила свою антисоветскую направленность, но и сумела сделать непримиримое отношение к властям Армении массовым и организованным. Две другие партии, либерально-демократическая «Рамкавар Азатакан» и социал-демократическая «Гнчак», отвергая идеологию и практику коммунизма, вместе с тем признавали, что Советская Армения — единственно оставшаяся часть их родины, на которой продолжается жизнедеятельность армянского народа в виде хоть и усеченного в составе СССР, но тем не менее государственного образования. Исходя из этого, они сочли советскую власть «меньшим из зол» и ограничились ролью «мягкой оппозиции». Сами эти позиции (независимо от их различий) были для партий и целью их этнополитической деятельности, и способом самоутверждения, если не сказать самооправдания, как таковых в диаспоре. В любом случае им была нужна поддержка как можно большего числа сторонников, включая разные армянские организации и в первую очередь Армянскую апостольскую церковь как наиболее авторитетный, общепризнанный национальный институт. В начавшейся борьбе за влияние на церковь, очевидно, лучшие шансы имела «мягкая оппозиция». Власти Советской Армении, с первых же дней жестко контролировавшие деятельность главы церкви — Католикоса всех армян в Первопрестольном Св. Эчмиадзине, старались максимально использовать зарубежные епархии в своем противостоянии дашнакам. «Жесткая оппозиция», со своей стороны, чтобы нейтрализовать такую политику большевиков, с успехом использовала насаждаемый последними в Советской Армении воинствующий атеизм — закрытие и разрушение церквей, гонения на священнослужителей и т.п., из-за чего не только была парализована деятельность церкви в стране, но само главенство Св. Эчмиадзина над зарубежными епархиями стало весьма условным.

На этом и строилась кампания по отторжению церковью диаспоры от Св. Эчмиадзина. Начало ей было положено в Нью-Йорке,

когда в 1933 г. членами «Дашнакцутюн» был убит за лояльное отношение к Советской Армении предводитель Американской епархии архиепископ Гевонд Дурьян. Стало постепенно расти (пока только в США) число церквей, объявивших о своей независимости от Св. Эчмиадзина. Этот процесс, естественно, вызвал сильное сопротивление и осуждение большинства американских армян. Психологически не была готова к нему и значительная часть самой партии «Дашнакцутюн». Порывая с Св. Эчмиадзином, они вольно или невольно не только отчуждались от одной из высших ценностей армянского бытия, но и обрывали последнюю, пусть символическую, связь с родиной.

В годы Второй мировой войны, когда угроза нацизма заставила вчерашних противников – СССР и страны Запада – стать союзниками, «Дашнакцутюн» в США была вынуждена если не отказаться от своего антисоветизма, то хотя бы не афишировать его, в том числе и по вопросу церкви. Политическое противостояние снова набрало силу с началом холодной войны; при все усиливавшемся антисоветизме традиционная политика «Дашнакцутюн» была обречена на успех. Кульминацией борьбы стали выборы главы Киликийского католикосата, который, как было сказано выше, с 1930 г. размещался в пригороде Бейрута Антилиасе и к тому времени имел в подчинении епархии в Ливане, Сирии и на Кипре. После кончины его главы в 1952 г. дашнаки вознамерились взять Католикосат под свой контроль и тем самым противопоставить его Св. Эчмиадзину в диаспоре [Zakian 1998, p. 73-76]. Неслаженные действия их оппонентов в Армении и диаспоре, а главное – открытая силовая поддержка ливанских властей обеспечили победу ставленника «Дашнакцутюн» на выборах 1956 г. Новое руководство Киликийского католикосата, как и ожидалось, сразу взяло курс на фактическое отделение от первопрестольного Св. Эчмиадзина – переподчинение себе некоторых действующих и учреждение новых епархий (одна из первых появилась в США), самостоятельное и равное со Св. Эчмиадзином представительство в экуменических движениях.

Разделенность армянского народа на Советскую Армению и диаспору, существующих в двух противоборствующих социально-политических мирах, не могла не вызвать политического размежевания в самой диаспоре. Этого размежевания не избежала и Армянская церковь. Ее раскол был результатом не каких-то догматичес-

ких расхождений, а противоречий в отношении политических сил диаспоры к Советской Армении (по аналогичным причинам в 1921 г. в югославских Сремски Карловицах появилась Русская православная церковь за границей). В свою очередь организационное разделение Армянской апостольской церкви завершило процесс институционального оформления политического размежевания в диаспоре. Речь идет о явлении, знакомом каждому, кто хоть недолго соприкасался с жизнью армянских общин, особенно в таких городах как Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Монреаль или Торонто. Там и сегодня можно видеть параллельное существование двух церковно-политических систем с симметричной структурой. Формообразующими элементами одной служат церкви, находящиеся под юрисдикцией Католикосата всех армян, политические партии «Рамкавар-Азатакан» и «Гнчак», культурные союзы «Текеян» и «Нор Серунд», молодежные организации – Ассоциация армянской молодежи и Армянский спортивный союз, Армянский всеобщий благотворительный союз, а также основанные ими школы, СМИ (периодические издания, радио/телепрограммы и станции и др.). Во втором случае таковыми предстают церкви, находящиеся под юрисдикцией Киликийского Католикосата, партия «Дашнакцутюн», культурный союз «Амазгаин», Армянский всеобщий спортивный союз, Союз помощи армянам, школы, СМИ и т. д. Применение к этим группировкам термина «система» не случайно, поскольку им присуща четкая структура, функциональная взаимозависимость элементов, способность к самоорганизации и адаптации в различных социокультурных средах.

Примерно до конца 1960-х гг. взаимоотношения между этими двумя церковно-политическими общинами носили весьма конфронтационный характер. В последующем, вследствие своеобразного разделения сфер влияния, они приобрели форму «мирного сосуществования» при строгой лимитированности связей даже на уровне межличностного общения. В этом смысле показательна история одного бракосочетания, которую автор этих строк наблюдал в Нью-Йорке. Жених и невеста были прихожанами армянских церквей двух «оппозиционных» епархий, но главное – жених был деятелем «Дашнакцутюн», а дядя невесты – одним из иерархов Эчмиадзинского Католикосата, изъявившим, к тому же, желание лично совершить обряд венчания. Интрига была в том, в церкви какой епархии

и кто будет венчать? В результате долгих согласований было найдено компромиссное решение. Венчание совершил дядя невесты, но в церкви Киликийского Католикосата. Предводитель же местной Киликийской епархии, который по идее должен был совершить этот обряд в своей церкви, очень кстати отсутствовал из города.

Несмотря на организационную разделенность Армянской апостольской церкви, для армян диаспоры она, тем не менее, продолжает оставаться высшей ценностью, первейшим средством этнической самоидентификации. Показательно, что в тех городах (Алеппо, Париж, Тегеран, Бейрут, Лондон и др.), где действуют церкви только одного из Католикосатов, их прихожанами являются все местные армяне, безотносительно к их идеологическим и политическим пристрастиям. Другое дело, что их участие в разных церковных структурах обусловлено принадлежностью к соответствующей церковно-политической общине.

Во многих странах наряду с Армянской апостольской существуют также Армянская католическая и Армянская евангелическая церкви. Армянская католическая церковь институционально оформилась в 1740 г. в Алеппо. До Первой мировой войны в Османской империи, включая Западную Армению и Киликию, она имела 19 епархий, 156 церквей, 32 монастыря, 6 семинарий и 148 школ. В 1701 г. аббатом Мхитаром была основана Конгрегация мхитаристов, которая с 1717 г. располагается на острове Св. Лазаря, близ Венеции, а с 1811 г. также и в Вене. Конгрегация стала одним из важных центров развития арменоведения, а научные труды ученых аббатов вошли в золотой фонд армянской науки и культуры [Бакши 1996]. И по сей день Конгрегация издает авторитетные в научных кругах арменоведческие журналы – с 1843 г. «Базмавеп» в Венеции, а с 1887 г. – «Андес Амсоря» в Вене. В 1931 г. патриаршество Армянской католической церкви было перенесено из Стамбула (здесь продолжает существовать Константинопольская епархия) в построенный еще в 1749 г. Змарский монастырский комплекс близ Бейрута. Сегодня в странах Ближнего Востока, Европы, Америки, а также в Армении и Грузии имеется около 15 епархий и экзархатов Армянской католической церкви [Армянская диаспора 2003, с. 671-674; Amadouni 1978].

Основание в 1846 г. в Константинополе Армянской евангелической (протестантской) церкви [Chourougian 1970] связано с активной

деятельностью американских миссионеров. Уже в начале XX в. в Западной Армении и Киликии насчитывалось 137 евангелических церквей, при которых действовали 270 воскресных и 46 средних школ, 7 колледжей и 3 богословские семинарии. В последующие после геноцида и депортации годы в диаспоре началось постепенное возрождение евангелических общин, и сегодня в 16 странах, включая Армению, действует более 110 церквей. Эти последние объединены в региональные союзы, деятельность которых, в свою очередь, координируется Всемирным советом армянских евангелических церквей. Из учебных заведений церкви следует особо отметить Университет «Айкацян», о котором речь шла в третьей главе. В отличие от католической, евангелическая церковь традиционно признает главенство Армянской апостольской церкви, признает ее святых отцов, литургию, проводит совместные богослужения. Структура этих двух конфессиональных общин, в целом, аналогична рассмотренным выше церковно-политическим общинам – молодежные, женские, благотворительные и др. союзы, школы, СМИ и др., – с одним, но весьма принципиальным отличием – изначальным отсутствием в них политических партий.

Отмеченная выше симметричность церковно-политических систем не случайна, она обусловлена общими для армян диаспоры, независимо от их церковной или политической принадлежности, социальными, культурными, образовательными и иными потребностями и ожиданиями. Другое дело, что можно говорить о действии механизма «вызов – ответ», когда создание новой структуры в одной системе стимулировало создание аналогичной структуры в другой. Подобная мотивация обозначилась, в частности, в случае с наиболее крупными благотворительными организациями диаспоры – Армянским всеобщим благотворительным союзом (АВБС, Armenian General Benevolent Union) и Армянским союзом помощи (АСП, Armenian Relief Society).

АВБС был основан в 1906 г. в Каире. Это было время активизации национально-освободительного движения на армянских территориях Османской империи, стимулируемого к тому же широковетательными заявлениями европейских политических деятелей. Не только основанные именно в этот период политические партии, но и все сколько-нибудь значимые армянские организации видели свое основное предназначение в способствовании в меру своих сил скорей-

шему избавлению от турецкого владычества. За всем этим как бы на второй план отходила реальная жизнь основной массы армянского населения империи. При этом турецкие власти в своем стремлении подавить освободительное движение армян лишь ужесточили репрессии в их отношении. Произвол турецких властей, отсутствие каких-либо гарантий безопасности, религиозные преследования и многое другое – все это усиливало среди армян настроения безнадежности и стимулировало их все возрастающую эмиграцию. В этих условиях все явственнее ощущалась необходимость организации реальной помощи проживающим на родине людям, что и стало главной целью АВБС. Его основателем стал крупный финансист и предприниматель Погос Нубар, сын Нубар-паши, несколько раз возглавлявшего правительство Египта. Поскольку как основателям АВБС, так и их преемникам были чужды идеи и методы деятельности «Дашнакцутюн», эти две влиятельные организации находились в постоянной оппозиции друг к другу. Иначе обстоит дело с партией «Рамкавар Азатакан», в целом успешно сотрудничавшей с АВБС. Вместе с тем, АВБС время от времени приходилось умерять притязания лидеров «Рамкавар Азатакан» на фактическое руководство АВБС.

В течение первых восьми лет, несмотря на свои еще ограниченные возможности и чинимые турецкими властями препятствия, АВБС открыл в Западной Армении и Армянской Киликии больше 40 школ и детских приютов, начал осуществлять программу по обеспечению крестьян сельхозорудиями, скотом и семенами. Сразу после Первой мировой войны АВБС возобновил работу в освобожденной от турков Киликии вплоть до конца 1921 г., когда Франция передала ее Турции. До середины 1930-х гг. основной задачей АВБС стала помощь выжившим после геноцида и депортации и рассеянным по разным странам армянам – основание сиротских приютов-школ, домов призрения для вдов, строительство жилых домов и деревень в Ливане, Сирии, Египте, Греции, Иерусалиме. Так, воспитанниками первой вне Армении школы АВБС, основанной в 1915 г. в палаточном городке для беженцев близ Порт-Саида (Египет), стали дети героических защитников Муса дага в Киликии, которым посвящена упомянутая выше книга австрийского писателя Франца Верфеля «Сорок дней Муса дага».

После Второй мировой войны и по сей день главная задача АВБС - сохранение этнокультурной идентичности зарубежных

армян. В период президентства Алека Манукяна (1953–1989) усилиями филиалов организации, действующих практически во всех общинах диаспоры, открыты десятки армянских средних школ, культурных и молодежно-спортивных центров, летних лагерей и др. В последние десятилетия АВБС особое внимание уделяет университетскому образованию и профессиональному росту молодежи.

Одна из последних инициатив АВБС – открытие в 2009 г. Армянского виртуального колледжа (Armenian Virtual College - www.agbu-avc.org). Это принципиально новый проект для изучения армянского языка и культуры, который позволяет армянам диаспоры получить образование через Интернет независимо от возраста и места жительства. Колледж имеет пока три отделения: языка, истории и культуры, каждое из которых предлагает курсы четырех уровней. Обучение ведется на армянском (западно- и восточноармянском), английском, французском, русском и испанском языках; это делает его доступным большинству зарубежных армян. Набранные в колледже кредитные оценки студенты могут перевести в университеты разных стран. Благодаря новейшим технологиям занятия проходят в удобное для студентов время и они могут напрямую общаться с преподавателями и сокурсниками по всему миру.

АВБС традиционно выделяет крупные средства Армянской церкви и культурно-просветительским организациям диаспоры (о деятельности АВБС во Второй (Советской) и Третьей Республиках Армении см. ниже в главе «Республика Армения и диаспора»).

Вторая крупнейшая благотворительная организация диаспоры – Армянский союз помощи – основан в 1910 г. в Бостоне. К тому времени в различных городах США уже успешно действовали филиалы АВБС, что и стимулировало «Дашнакцутюн» к созданию собственной аналогичной структуры. С этой целью в США был командирован видный деятель Эдуард Акнуни (Хачатур Малумян), который путем объединения уже существовавших армянских женских организаций в США и Канаде создал Красный Крест Дашнакцутюн, в 1946 г. переименованный в Армянский союз помощи (АСП).

В отличие от АВБС, эта организация с самого начала была нацелена на содействие армянам как в самой Армении, так и вне ее – в США и Канаде. Однако в силу послевоенных реалий АСП вы-

нужден был свои пока еще ограниченные возможности и средства полностью направить на помощь изгнанникам. В Сирии и Ливане, Греции и Болгарии, Иране и Ираке были открыты благотворительные столовые, детские сады и воскресные школы, дома-приюты для взрослых и детей, они же обеспечивались одеждой, обувью и др. После Второй мировой войны АСП принял деятельное участие в переезде и обустройстве в США нескольких тысяч армян, так называемых перемещенных лиц, находившихся в лагерях Германии, Австрии и Италии. Страны Ближнего Востока и после Второй мировой войны оставались основным полем деятельности АСП, впоследствии к ним прибавились также страны Европы и Латинской Америки. Во всех этих странах были основаны больницы, летние оздоровительные центры, дома для престарелых, воскресные и средние школы и др. В различных городах США и Канады (в Лос-Анджелесе, Сан-Франциско, Провиденсе, Монреале и др.), являющихся основными центрами армян-иммигрантов из стран Востока и Армении, открылись социальные центры АСП, оказывающие иммигрантам различные услуги (юридические консультации, обеспечение работой и жильем, языковые курсы и др.). Являясь крупнейшей женской организацией диаспоры, имеющей филиалы в 28 странах, АСП принимает активное участие и в международном женском движении. Его делегации принимали участие в работах Всемирного конгресса женщин в Копенгагене (1994) и Пекине (1995), в 1998 г. АСП стал членом ECOSOC – Экономического и социального совета ООН (о деятельности АСП в Третьей Республике Армении см. ниже в главе «Республика Армения и диаспора»).

Кроме АВБС и АСП, в армянской диаспоре в разные годы было создано большое число благотворительных фондов. Из ныне действующих наиболее долгую историю имеет Фонд Говарда Карагёзяна, основанный в 1921 г. в Нью-Йорке видными деятелями АВБС супругами Миграном и Забел Карагёзянами в память об их рано умершем сыне. Вскоре после основания Фонд Карагёзяна открыл в Стамбуле сиротский приют-мастерскую, располагавшийся на купленной с этой целью благоустроенной территории в 10 тыс. кв. м. После прихода к власти в Турции Ататюрка приют из соображения безопасности переехал во Францию и обосновался в Ля Котиньере. Примечательно, что в целях успешной интеграции воспитанников

приюта во французскую среду, особое внимание уделялось обучению французскому языку, вплоть до принятия в приют десяти местных детей для развития разговорной речи. После закрытия приюта в 1936 г. основной сферой деятельности Фонда стало здравоохранение: им была основана целая сеть детских больниц и поликлиник в Афинах, Бейруте, Алеппо и других городах, которые позднее превратились в многопрофильные социально-медицинские центры, обслуживающие не только детей, но и взрослых. После провозглашения независимости Армении, с 1993 г. Фонд Карагезяна открыл в Армении более семнадцати стоматологических и глазных кабинетов. На эти и некоторые другие благотворительные программы фонд потратил в Армении уже около шести миллионов долларов.

В ряду благотворительных фондов, основанных армянами диаспоры, особое место занимает Фонд Галуста Гюльбенкяна. Нефтяной магнат Гюльбенкян (1869–1956 гг.) был одной из самых влиятельных фигур своего времени. Он вырос в Стамбуле в состоятельной семье, имевшей финансовые и торговые связи с султанским двором. После окончания с отличием Кингз-колледжа Кембриджского университета он занялся нефтепромыслом. В 1896 г., когда в Османской империи шли массовые убийства армян, Гюльбенкян отправился в Европу и по пути остановился в Каире в доме своего родственника – упоминавшегося выше Нубар-паши. В качестве его друга и протеже он свел в Европе близкое знакомство с влиятельными банкирами – Касселем, Берингом и самими Ротшильдами. Накануне Первой мировой войны ведущие европейские страны стремились получить концессии на разработку нефтяных месторождений на Ближнем Востоке, на территориях тогдашней Османской империи. Благодаря посредничеству Гюльбенкяна удалось создать консорциум из двух конкурирующих компаний – Anglo-Persian Oil Company и Royal Dutch Shell, а также Deutsche Bank, который и получил заветную концессию. В качестве комиссионных за услуги Гюльбенкян пожизненно получил 5% акций консорциума. Именно с этого времени Гюльбенкян стал известен как «мистер пять процентов», а сама сделка и по сей день считается одной из самых выгодных в истории финансовых операций. Гюльбенкян с тех пор оставался влиятельным и активным (хотя и часто незаметным) участником политических и финансовых маневров европейских стран, направленных на приобретение все новых концессий в различных странах мира.

Подобный род деятельности практически исключал его сколько-нибудь активное участие в жизни диаспоры, но он оставался постоянным в своей преданности Армянской апостольской церкви, свидетельством тому и постоянные пожертвования, и возведение в Лондоне первой (и поныне действующей) церкви Сурб Саркис. Тем не менее, в 1930 г. он согласился возглавить АВБС после смерти его основателя Погоса Нубара. Как и следовало ожидать, он и в этом случае попытался действовать с присущей ему масштабностью, начиная от стремления объединить вокруг АВБС основные противоборствующие политические организации и кончая созданием всеармянского банка в диаспоре. Если создание банка требовало времени, то первая его цель с самого начала оказалась недостижимой из-за противодействия главным образом партии «Дашнакцутюн». Все бы ничего, но в это же время в связи с планами переселения части армянских беженцев в Сирию в его адрес из Советской Армении (в том числе из уст лидера компартии Агаси Ханджяна) прозвучали, и не раз, надуманные обвинения в пособничестве франко-английским империалистам, стремлении использовать беженцев в качестве дешевой рабочей силы на своих нефтепромыслах и т.п. Гюльбенкян воспринял все это как личное оскорбление, однако, сознавая, что его адекватный ответ может поставить под вопрос само сотрудничество АВБС с Советской Арменией, предпочел в 1932 г. подать в отставку с поста президента АВБС.

Через несколько лет после своей на шумевшей отставки, когда был еще жив его «обличитель» Ханджян, Гюльбенкян обратился к находившемуся проездом в Париже послу СССР в Турции Льву Карахану и передал ему доверенность на продажу своих поместий в Стамбуле, с тем, чтобы деньги от продажи были предоставлены на нужды Ереванского университета. Карахан, дав свое согласие (естественно, с санкции властей – иначе просто быть не могло), уехал в Анкару и «потерялся» для Гюльбенкяна; обращения Гюльбенкяна к советскому послу во Франции и к председателю правительства Армении не дали никакого результата. Сам Карахан был вызван в Москву и расстрелян в 1938 г. Последняя, но столь же неудавшаяся попытка проявить свой патриотизм в отношении к Советской Армении была предпринята Гюльбенкяном непосредственно после Второй Мировой войны, когда он изъявил готовность предоставить 150 тыс. долларов на благоустройство первопрестольного Св. Эчми-

адзина. Лишь спустя годы, после смерти Гюльбенкяна в 1956 г. выделенные согласно его завещанию Св. Эчмиадзину около 500 тыс. долларов наконец дошли до адресата. Такое отношение советских властей к его инициативам стало одной из причин того, что почти все свое состояние Гюльбенкян завещал на основание благотворительного научно-культурного учреждения в Лиссабоне, где он жил начиная с 1942 г. В 1969 г. в центре Лиссабона, на территории в 4 га было возведено пятиэтажное здание Учреждения «Галуст Гюльбенкян» (уставной капитал в 2002 г. достиг 2 миллиардов долларов), в котором расположилась его коллекция произведений искусства, считающаяся одной из лучших в мире и включающая, в частности, полотна Рембрандта, Рубенса, Ван Дейка, Ренуара и других великих мастеров, произведения античного, восточного и армянского искусства, а также библиотека (более 200 тыс. наименований), концертный зал на 1350 человек, центр современного искусства вместе с музеем, постоянно действующий симфонический оркестр и др. Учреждение «Галуст Гюльбенкян» сегодня является крупнейшим в своем роде культурным центром в Европе и входит в десятку подобных учреждений в мире.

При всем том, в завещании не было прямого указания о выделении сумм на сугубо армянские программы. Но благодаря усилиям члена попечительского совета фонда, зятя Гюльбенкяна Геворка Есяяна в структуре Учреждения было создано Отделение армянских программ. Отделение осуществляет в диаспоре целый ряд программ, преимущественно в культурно-образовательной сфере – основание собственных школ (например, «Нвард Гюльбенкян» в Тегеране), благоустройство и компьютеризация действующих школ, предоставление стипендий учащимся школ и студентам, издание арменоведческой литературы, оказание финансовой поддержки арменоведческим центрам и научным изданиям и др. С 1964 г. Учреждение «Галуст Гюльбенкян» начало сотрудничество с Советской Арменией (приобретение научной литературы и оборудования и др.), которое значительно расширилось после обретения Арменией независимости. В числе основных получателей его помощи – Институт древних рукописей Матенадаран, Ереванский госуниверситет, Национальная библиотека и др.

Среди организаций диаспоры надо особо выделить молодежные союзы или ассоциации, без которых все усилия по этнопатриотиче-

скому воспитанию молодого поколения были бы обречены на неудачу. Уже в 1918 г. в Стамбуле была создана первая из поныне действующих пандиаспоральных молодежных организаций — Армянский всеобщий спортивный союз (АВСС), который, однако, очень скоро, с приходом к власти кемалистов, вынужден был прекратить свою деятельность в самой Турции. Спустя три года, в 1921 г. в Алеппо был основан Армянский спортивный союз (АСС), наконец, в 1931 г. в Бейруте — Ассоциация армянской молодежи (ААМ). Такое число молодежных союзов не случайно: первые два были основаны соответственно партиями «Дашнакцутюн» и «Гнчак». Что же касается ААМ, то она, будучи создана на основе организации совершеннолетних сирот — выпускников приютов Американского комитета помощи Ближнему Востоку (Near East Relief), начиная с 1933 г. стала молодежной организацией АВБС; партия «Рамкавар Азатакан», пребывавшая в те годы в стадии самоутверждения, вместо создания собственной молодежной структуры удовлетворилась сотрудничеством с ААМ.

Число молодежных организаций и обстоятельства их создания говорят о том, что и после окончания Первой мировой войны со всеми ее катастрофическими последствиями для армян, конфронтация между основными политическими силами диаспоры так и не сменилась их консолидацией. Наоборот, различное понимание каждой из них степени своей ответственности за происшедшее, разное видение будущего, различия в отношениях с Советской Арменией, их претензии на роль единственного вершителя судеб народа — все это привело к еще большему их размежеванию, принимающему все новые институциональные формы. Начиная с периода интенсивного и в то же время автономного создания различных структур, преследующих, по сути, одни и те же цели. Примером тому названные выше молодежные организации, все с аналогичными установками — здоровый образ жизни через приобщение к спорту, воспитание в духе патриотизма, мужества и взаимопомощи. Примерно до 1970-х гг. все три организации действовали в основном в странах Востока, и лишь с началом эмиграции местных армян они усилили свое присутствие в странах Запада. Особой популярностью среди молодого поколения армян диаспоры пользуются различные виды спорта, в целях развития которого в разных городах построены стадионы, спортивно-оздоровительные цент-

ры, летние лагеря и др. Примечательно, что в некоторых странах Востока (к примеру, в Ливане и Сирии) успехи в таких видах спорта, как баскетбол, футбол и шахматы, привели к созданию армянских женских и мужских профессиональных команд, в разные годы становившихся чемпионами и призерами национальных первенств этих стран.

Армянский всеобщий спортивный союз и Ассоциация армянской молодежи (опять-таки – по отдельности) проводят так называемые Пандиаспоральные олимпийские игры с участием спортивных команд из различных стран мира. Подобные игры благодаря своей масштабности и большому числу зрителей становятся одним из наиболее примечательных событий в жизни армянских общин, будь то в Бейруте, Монреале, Лос-Анджелесе или Буэнос-Айресе. Опыт проведения этих игр подсказал идею организации Всеармянских спортивных игр в самой Армении, которые успешно проводятся с 1999 г. в Ереване. Именно на этих играх впервые состоялась встреча всех трех молодежно-спортивных организаций, соревнующихся на спортивных аренах, а не в политическом поле. В своей работе с молодым поколением зарубежных армян эти организации не ограничивались, конечно, физическим воспитанием. Однако лишь со временем пришло осознание необычайной важности приобщения молодежи к армянской культуре и необходимости создания с этой целью особых структур.

Наиболее подготовленной к этому оказалась партия «Дашнакцутюн», которая уже в 1928 г. основала в Каире Армянское общенациональное просветительно-издательское общество, переименованное впоследствии в Армянский общенациональный культурно-образовательный союз, известный под кратким названием «Амазгаин». Первые инициативы союза были продиктованы самим его названием. Спустя два года после своего основания «Амазгаин» открыл в Бейруте среднюю школу «Ншан Паланджян». Еще через год, в 1931 г. начала действовать типография (с 1967 г. носящая название «Ваге Сетян»), в которой изданы сотни наименований самой различной литературы, в том числе учебники для армянских школ. В 1962 г. «Амазгаин» начал издавать известный в диаспоре литературный журнал «Багин», в котором печатаются произведения авторов как из диаспоры, так и из Армении. Начиная с 1970-х гг. особое внимание уделяется этническо-

му образованию: в Бейруте, Марселе, Сиднее им были основаны ежедневные армянские школы, а однодневные школы имеются почти при всех его отделениях.

Другие две пандиаспоральные культурные организации основаны уже после Второй мировой войны и также политическими партиями. Первая из них - «Текеян», названная именем известного поэта Ваана Текеяна, основана партией «Рамкавар Азатакан» в 1947 г. в Бейруте, в год активизации национальной жизни. Также в Бейруте, в 1955 г., партия «Гнчак» основала «Нор Серунд». Несмотря на некоторые различия в формулировках программ и целей, они, как и «Амазгаин», нацелены на сохранение культурной идентичности армян диаспоры, что и предопределило схожесть результатов их деятельности. Другое дело – масштабы этой деятельности, обусловленные влиятельностью и возможностями самих партий. Союз «Текеян» финансирует армянские средние школы – «Текеян» в Бейруте и «Аршак Тигранян» в Лос-Анджелесе, с 1956 г. издает в Бейруте литературно-художественный журнал «Ширак», а с середины 1970-х гг. также еженедельники – «Сардарапат» в Буэнос-Айресе и «Апага» в Монреале.

По мере роста числа филиалов всех трех культурных союзов, существующих сегодня в подавляющем большинстве армянских общин, они развернули масштабную деятельность в самых различных сферах. Именно их усилиями основаны многочисленные культурные центры, в которых действуют театры, хоровые и танцевальные ансамбли, музыкальные и художественные школы, проводятся семинары по проблемам истории, политики и др. В 1990 г., вслед за партиями «Дашнакцутюн» и «Рамкавар Азатакан» свои филиалы в Армении основали «Амазгаин» и «Текеян». Наиболее значимыми результатами деятельности первого из них стали основание театра в Ереване, музыкальной школы в армянонаселенном Ахалцихе (Грузия), патронирование средних школ в Армении и Нагорном Карабахе, а в случае с «Текеян» – компьютеризация сельских школ, проведенная совместно с Союзом армян России, и вручение ежегодных премий в различных сферах культуры.

В ряду пандиспоральных организаций особо следует отметить земляческие союзы, которые являются обязательным атрибутом многих других диаспор. Первые свидетельства об армянских землячествах относятся к концу XVIII в., когда армяне, переехавшие

в поисках работы из Западной Армении и Армянской Киликии в столицу Османской империи Константинополь, стали объединяться по месту своего прежнего проживания - землячества армян из Вана, Себастии, Айнтапа и др. Позднее земляческие союзы появились также в Египте, Болгарии, США и других странах армянского зарубежья. Основной целью этих организаций было оказание помощи родине, точнее - своему родному городу или селу, главным образом в виде финансирования строительства и содержания там школ, церквей, библиотек, опекуинства сирот.

Трагические события в годы Первой мировой войны с неизбежностью привели к изменению как численности, так и целевых установок землячеств. Сотни тысяч изгнанников в первый, полный лишений период своей жизни, оказавшись в разных странах, справедливо рассчитывали на помощь своих живущих там соотечественников. Она ожидалась прежде всего от земляков, людей с общей для них памятью о прошлой совместной жизни, которую они пытались если не воссоздать, то хотя бы помнить на чужбине. Эта память, осознание принадлежности к некоему, уже потерянному микромиру с достаточно четкими границами – город, провинция – для многих армян диаспоры долгое время являлась доминантой их этнокультурного самосознания и бытия. И не случайно, что во всех этих землячествах объединялись самые разные люди, безотносительно к социальному статусу, политическим и религиозным пристрастиям. Все это привело к быстрому увеличению числа землячеств в различных странах, в том числе и в США. Именно на примере американских землячеств особенно отчетливо прослеживаются изменения и в самом характере деятельности землячеств, точнее – ее адресности.

Если до Первой мировой войны землячества, действующие в США, помогали своим родным селам и городам на родине, то после утери родины получателем помощи стали соотечественники-земляки (но не только), вынужденно обосновавшиеся в Ливане, Сирии и других странах. Здесь следует особо отметить одну из характерных черт армянской диаспоры – финансовую помощь армян стран Запада, в первую очередь США, общинам в странах Востока. Это явление, наблюдаемое уже с конца XIX в., приобрело систематический, постоянный характер, начиная с 1920-х гг. и во многом способствовало интенсивной этнокультурной жизнедеятельности армян в странах мусульманского Востока. Именно благодаря финан-

совой помощи различных организаций американских армян, включая и землячества, в этих странах были основаны многие приюты, школы, больницы, издавались газеты и журналы и др., не говоря уже о материальной помощи малообеспеченным семьям.

И если в этом отношении землячества уподоблялись многим другим организациям диаспоры, то была такая сфера деятельности, которая была присуща лишь землячествам и АВБС, а именно: участие в программах развития Советской Армении. Правда, в отличие от АВБС, землячества не были представлены в Армении, и их сотрудничество с властями осуществлялось именно через АВБС. Но что стоит особо отметить, сами эти программы преследовали всю ту же цель — помощь землякам, тем из них, которые с разрешения властей Армении иммигрировали в страну в 1920—1930 гг.

Правительство Армении, разрешив репатриацию, вместе с тем оказалось не в состоянии обеспечить репатриантов жильем. Поэтому оно, с одной стороны, вынуждено было ограничить репатриацию, а с другой — принять содействие диаспоры в финансировании строительства домов для репатриантов. Важно отметить, что подобная готовность властей распространялась лишь на неполитические организации, и эти последние в лице АВБС и землячеств поспешили воспользоваться этой редкой возможностью. Начало было положено в 1925 г. основанием близ Еревана поселка Нор Арабкир (Новый Арабкир) при финансировании землячеством выходцев из Арабкира в Западной Армении. В последующие годы, вплоть до 1937 г. подобные поселки были основаны и другими землячествами, получив соответствующие названия — Нор Малатия, Нор Себастья, Нор Харберд, Нор Бутания, Нор Евдокия, Нор Киликия и др. Помимо этого, землячества оказывали посильную помощь в развитии здравоохранения, образования и др. Традиция основания поселков была возрождена (хотя и не в таких масштабах) и после Второй мировой войны, в период репатриации 1946-1948 гг., когда был основан поселок Нор Зейтун и другие. По мере разрастания Еревана многие из этих поселков застраивались уже самими властями, становились частями города, при этом, однако, и поныне сохранив свои названия.

Начиная с 1960-х гг. в деятельности землячеств в странах Запада намечается спад активности — из жизни постепенно уходит старшие поколения, носители культурных традиций утерянной родины;

молодежь вовлекается в новые, отвечающие их интересам этнические организации, и все это на общем фоне аккультурации и ассимиляции армян диаспоры. Знаменательно, однако, что в это же время начинается процесс формирования землячеств нового типа, связанный с иммиграцией армян из стран Востока. Это была не только смена местожительства, но и переход из арабо-мусульманского социокультурного мира, в котором они жили несколько десятилетий, в иной, принципиально отличный мир западной культуры. Иными для них были и сами местные армяне, с их измененным образом жизни и этническим самосознанием. В этих условиях мигранты с тем большей силой осознали преимущества своего опыта проживания в странах Востока, и в попытках его сохранения и применения в этих новых странах стали объединяться в созданные ими же организации, например, союзы константинопольских или иранских армян. Позднее, с конца 1980-х гг., подобные процессы происходили и среди мигрантов из Армении.

Отмечая значимость пандиаспоральных организаций, их деятельность в наиболее важных сферах жизни армян диаспоры (религиозной, культурно-образовательной и политической), вместе с тем, следует подчеркнуть, что сама эта деятельность протекает на разных уровнях. В первом случае — на уровне армянских общин в отдельных городах той или иной страны, во втором — на уровне или в масштабах конкретной страны проживания, когда филиалы каждой из пандиаспоральных организаций осуществляют единую, направляемую из центра программу. При этом в некоторых крупных странах существуют также региональные структуры, как, например, в США, где большинство местных отделений пандиаспоральных организаций расположены на западном и восточном побережьях страны. Подобное структурное единообразие позволяет говорить о социокультурной общности этнических армян не только на уровне конкретных городов, скажем, в Лос-Анджелесе, Нью-Йорке, Бостоне, но и, в известной степени, на уровне всей страны — США. С другой стороны, сам факт существования таких организаций в самых различных странах, их пандиаспоральный характер, позволяет говорить уже о некоем структурном системном единстве армянской диаспоры в целом, объединяющей людей не только по их происхождению, но и наличием общих для них целевых установок, как особого этносоциального, этнокультурного образования. Вместе с

тем, параллельное автономное существование пандиаспоральных организаций со сходными целевыми характеристиками (благотворительные, молодежные, культурные и др.), дает основание для различных интерпретаций этого явления. Согласно одной, наиболее распространенной, оно служит подтверждением разделенности армян диаспоры, отсутствия столь желанного в массовом сознании армян единения их усилий при решении жизненно важных задач. Согласно другой – именно подобное разнообразие структуры диаспоры придает ей гибкость, столь необходимую для оптимальной адаптации к изменяющимся реалиям окружающего мира.

Таковы в самых общих чертах наиболее крупные и авторитетные пандиаспоральные организации зарубежных армян (о политических партиях см. ниже). Кроме них, во всех странах и городах проживания армян существует большое число других организаций местного значения, среди которых в последние десятилетия особенно значима деятельность профессиональных союзов – врачей, юристов, историков, бизнесменов и др. Все они вкупе с пандиаспоральными организациями и создают социокультурную и информационную среду, в которой протекает жизнь армян диаспоры.

Глава 6. Республика Армения и диаспора

Э.Мелконян

В период до Второй мировой войны стратегия и тактика внешнеполитической деятельности Советского Союза базировалась на двух основных принципах – классовой борьбы и мировой революции. Речь, в конечном счете, шла об уничтожении капитализма, поскольку именно от этого зависела сама возможность продолжения грандиозного социального эксперимента, поставленного большевиками в 1917 г. Задача эта уже тогда представлялась неосуществимой в силу разных причин, начиная от уровня развития Советского Союза и кончая отсутствием каких-либо союзников или партнеров на уровне государств. Внешняя изоляция страны и предопределила особый интерес советских властей к соотечественникам за рубежом, в том числе и к армянам диаспоры.

Для советских властей армянская диаспора была привлекательна по ряду причин: армянские общины существовали как в странах капитализма – США, Франции и др., так и в странах Востока, стремящихся к обретению полной независимости от ведущих стран Европы; в 1920–1930-е гг. основная масса армян диаспоры занимала низшие ступени социальной иерархии – рабочие, мелкие ремесленники и торговцы и др. Большинство из них, будучи к тому же изгнанниками и беженцами, не имели гражданства, были лишены многих прав, заменой чему в странах Европы служили так называемые «нансеновские паспорта». Все это давало основание рассматривать их в качестве потенциальных союзников – проводников идей и политики классовой борьбы в странах их проживания, тем самым и в грядущей мировой революции. Советские власти рассчитывали также на то, что в массовом сознании армян Россия традиционно являлась антиподом Турции, в основном именно с Россией связывались в прошлом надежды на освобождение от турецкого владычества. Вместе с тем, абсолютному большинству армян, в том числе и армянам диаспоры, коммунистические идеи и формы их реализации были не столько чужды, сколько попросту незнакомы.

Такое знакомство состоялось лишь после установления советской власти в Армении в ноябре 1920 г. Большевики, придя к вла-

сти в Армении, казалось, задалась целью сделать все, чтобы отвратить армян диаспоры от Советской Армении: полное игнорирование прав изгнанных из Западной Армении и Киликии армян на возвращение к родным очагам и вместо этого призывы солидаризироваться с турецкими трудящимися в борьбе против буржуазных эксплуататоров, категорическое неприятие армянских политических партий (в прошлом организаторов национально-освободительной борьбы, а к тому времени – консолидирующих институтов диаспоры), разжигание социально-классовой борьбы внутри диаспоры, требование безоговорочного признания и одобрения деятельности властей Советской Армении и т. п.

В угоду этой политике был использован Комитет помощи Армении, созданный правительством в сентябре 1921 г. с целью оказания армянами диаспоры помощи народу Армении, оказавшемуся в крайне тяжелом положении (голод, эпидемии и др.). Успешной деятельности Комитета во многом способствовало то, что его председателем был избран народный поэт Ованес Туманян. К концу 1920-х гг. около 200 филиалов Комитета было основано в Тбилиси, Москве, Баку, Одессе, Батуми и др., а также в различных городах Греции, Болгарии, Франции, Египта, США и других стран. Помимо оказания гуманитарной помощи, Комитет помощи Армении принял участие в некоторых строительных и культурно-образовательных программах, а с начала 1930-х гг. также в организации репатриации в Советскую Армению. Но в ряде стран руководство местных филиалов, следуя предписаниям из Еревана, занялось также распространением и пропагандой коммунистической идеологии, дискредитацией общинных организаций диаспоры. Примечательно, что в числе последних оказался и АВБС, активно сотрудничавший в те годы с Советской Арменией. Все это неизбежно привело не только к дискредитации самого Комитета в диаспоре, но и к запрету на его деятельность в некоторых странах. Но даже подобная верность советским властям Армении не спасла его в годы сталинского террора, и в декабре 1937 г. Комитет помощи Армении был ликвидирован по обвинению в антисоветской деятельности.

Логично было ожидать, что на подобную политику властей Советской Армении должна была последовать столь же однозначно негативная реакция диаспоры. В целом, так оно и произошло, но с некоторыми довольно существенными различиями. Как уже отме-

чалось, часть диаспоры — «жесткая оппозиция» во главе с «Дашнакцугюн» — в своем отношении к Советской Армении приоритетным сочла идеологический критерий и на протяжении всей истории противоборства двух мировых систем осталась верна политике антисоветизма. Другая часть диаспоры, во главе с «Рамкавар Азатакан», считая советскую власть наименьшим злом с точки зрения национальных интересов армянского народа, ограничилась ролью «мягкой оппозиции» и стремилась к установлению связей с Советской Арменией. Тем самым, в диаспоре установилось своеобразное динамическое равновесие, которое, несмотря на его негативные последствия, в целом явилось продуктивным. Оно придало ее политической конструкции пластичность, столь необходимую для адаптации в различных - в пространстве и во времени - средах своего существования.

«Мягкая оппозиция», казалось, вправе была рассчитывать на адекватную реакцию советских властей. Однако вплоть до середины 1960-х гг. советские власти не желали различать эти два политических полюса диаспоры, равно обвиняя их в антисоветской деятельности. Но еще в конце 1923 г. власти Армении дали разрешение на деятельность в стране Армянскому всеобщему благотворительному союзу. Факт этот примечателен хотя бы тем, что эта организация возглавлялась крупным финансистом Погосом Нубаром, известным к тому же своими связями с политическими лидерами ряда европейских стран, тем, что АВБС традиционно примыкала к партии «Рамкавар Азатакан», члены которой даже входили в руководящий состав АВБС, наконец, тем, что при всем желании ее трудно было заподозрить в просоветских настроениях. Тем не менее, разрешение было дано. Тому, конечно, были причины — острая необходимость помощи для выхода страны из глубокого кризиса, стремление заручиться поддержкой хотя бы части диаспоры, и, не в последнюю очередь, личные качества тогдашних руководителей Армении, искусно сочетавших коммунистические идеи с национальными интересами.

Несмотря на всякого рода препятствия, АВБС начал осуществлять ряд масштабных программ. В 1924 г. АВБС организовал перемещение в Армению 250 совершеннолетних сирот из своих приютов. Затем были основаны первые в Армении специализированные клиники — родильный дом «Даруи Акопян», глазная клиника

«Мари Нубар», а также пастеровская станция-больница. Первые две клиники действуют и сегодня, как и построенный на той же улице Абовян жилой дом для профессуры и деятелей культуры. Для развития арменоведения большое значение имело издание Фондом Мелконян около тридцати научных монографий, учреждение именных стипендий для студентов университета и их командирование в научные центры Европы. Вне Еревана АВБС построил деревню Нор Евдокия, несколько школ, поликлиник и др. Наиболее масштабным проектом стало основание близ Еревана поселка для репатриантов, названного в честь президента АВБС Нубарашеном (ныне в черте города).

Но в это же самое время в адрес АВБС периодически раздавались обвинения в антисоветской деятельности, выражались сомнения в политической целесообразности сотрудничества с этой, по советской терминологии, буржуазной организацией. Примечательно, что по этому поводу Сталин в разговоре с председателем правительства Армении Сааком Тер-Габриеляном в присущей ему манере сказал: «Если армянские капиталисты допускают глупость, помогая армянским коммунистам строить социализм, то коммунисты Армении допустят еще большую глупость, если откажутся от этой помощи» [Мелконян 2005-6, с. 282]. Но через несколько лет сотрудничество с АВБС стало уже орудием в смертоносных интригах Берии против руководства Армении, в борьбе партийных группировок в Армении, а для представителя АВБС в Ереване спецслужбами была уготована мнимая роль связника между неким несуществующим рамкаварско-дашнакским антисоветским центром и партийными лидерами Армении [Мелконян 2005-6, с. 297–308]. Если на проходивших в те же годы в Москве известных судебных процессах советские лидеры разоблачались как агенты тех или иных стран, то в Армении аналогичные обвинения имели некий национальный колорит — сотрудничество с антисоветскими организациями диаспоры. Подобно московским, эта история завершилась гибелью почти всех ее участников. Был расстрелян и представитель АВБС в Армении Айказ Карагёзьян, а деятельность самой организации в конце 1937 г. была запрещена по стандартному обвинению в антисоветской деятельности. Запретив деятельность Комитета помощи Армении и АВБС в Советской Армении, власти страны, тем самым, отказывались от всякого рода отношений с диаспорой.

Советские власти вновь вспомнили об АВБС сразу после Второй мировой войны, при организации репатриации армян диаспоры в Армению. В результате кампаний, проведенных АВБС по всей диаспоре, было собрано (главным образом в США) около двух миллионов долларов для покрытия транспортных и иных расходов репатриантов. Тем не менее, все усилия АВБС по возобновлению своей деятельности в Армении были напрасны, и деятельность АВБС в 1923–1937 г. осталась уникальным явлением в истории взаимоотношений Советской Армении с диаспорой

К числу наиболее примечательных эпизодов в истории взаимоотношений между Советской Арменией и армянской диаспорой относятся репатриации, осуществленные советскими властями в 1920–1930-х и в 1946–1948 г. Здесь надо сделать отступление о термине «репатриация», часто используемом в дальнейшем изложении. Для абсолютного большинства армян-изгнанников – простых людей и интеллектуальной и политической элиты – понятие родины естественно ассоциировалось с Западной Арменией и Киликией. Определение переселения в Советскую, бывшую Восточную Армению как «репатриации» было для них признанием окончательной потери родины, неким предательством своих предков, своей прошлой жизни. Поэтому они обычно употребляли армянские аналоги нейтральных терминов «иммиграция», «иммигрант» – «нергахт» и «нергахтох». То же самое наблюдается в разного рода официальных документах, принятых в Советской Армении. Даже в 1945 г. известное постановление Советского правительства (об этом ниже) говорит о создании комитета «по приему армян-иммигрантов». Только с середины 1960-х гг. сначала в Армении, а потом и в диаспоре термин «репатриация» приходит на смену «иммиграции». Этот непростой терминологический вопрос требует исторического рассмотрения, выходящего за пределы нашей темы.

С началом Первой мировой войны и боевых действий на русско-турецком фронте лишь малая часть армян, проживавших в приграничных с Россией областях, смогла перебраться на территорию входившей в состав России Восточной Армении и таким образом избежать ужасов геноцида. Уже после окончания войны и крушения надежд на возвращение к родным очагам, оказавшиеся на чужбине, лишённые средств к существованию и каких-либо

прав армяне видели свое спасение в воссозданном в мае 1918 г. на части Восточной Армении армянском государстве – Первой Республике Армении. Но Первая Республика, не сумев противостоять военно-политическому давлению Турции и Советской России, пала в ноябре 1920 г., и на смену ей на последующие семь десятилетий пришла Вторая – Советская Республика Армения. Военно-политический альянс с Советской Россией, завершившийся в конце 1922 г. вхождением в новое государство – СССР, прежде всего гарантировал безопасность Армении, что с учетом недавних событий, имело исключительное значение для армян. Руководство Армении со своей стороны проявило готовность содействовать репатриации соотечественников, что в те годы согласовывалось и с политикой советского правительства. Во всех местах оседания русских беженцев оно вело активную агитацию за возвращение в Россию, и с этой целью в ноябре 1921 г. приняло декрет об амнистии рядовых участников белогвардейских военных организаций. [Костиков 1990, с. 38–39], в результате чего в 1921–1931 гг. в Россию возвратилось более 181 тыс. русских эмигрантов [Ионцев, Лебедева, Назаров, Огороков 2001, с. 210].

Первая группа репатриантов, численностью около 3000 человек, прибыла в Армению уже в конце 1921 г. из Ирака, а в последующие годы (1922–1926, 1932–1933, 1936) из Греции, Ирана, Сирии, Болгарии, Франции и др. приехало еще около 39 тыс. армян. Желавших иммигрировать было значительно больше, однако власти вынуждены были ограничить их число в силу полной неготовности к их обустройству. В этой ситуации армяне диаспоры, главным образом земляческие союзы и АВБС финансировали основание поселков для расселения иммигрантов. Репатриация армян, однако, не имела своего продолжения и была прекращена в 1937 г., в год разрыва Советской Арменией отношений с диаспорой.

В годы Второй мировой войны угроза нацизма заставила вчерашних противников – СССР и страны Запада – вступить в союзнические отношения. Столь кардинальные изменения в политическом курсе этих стран обусловили соответствующую корректировку деятельности основных институтов самой диаспоры. Новый расклад сил наиболее ощутимо сказался на «жесткой оппозиции» во главе с «Дашнакцутюн», которая вынуждена была если не отказаться от антисоветской направленности своей деятельности, то во всяком слу-

чае не афишировать ее. И, наоборот, для «мягкой оппозиции» эти годы стали началом диалога с Советской Арменией. Именно в годы Второй Мировой войны руководство Армении вспомнило о диаспоре, когда по призыву Католикоса всех армян (конечно же, с санкции властей) был организован сбор средств в пользу Красной Армии. Но главное — уже в 1945 г. власти Армении обратились ко все тому же АВБС с предложением финансировать осуществление новой репатриации армян.

Решение о репатриации непосредственно после войны было принято не только в отношении армян. В канун пятой годовщины начала Великой Отечественной войны, 14 июня 1946 г. был подписан указ Верховного Совета СССР, согласно которому подданные бывшей Российской империи, а также лица, утратившие советское гражданство, получали право стать гражданами СССР. В. Костиков в своей книге, посвященной истории русского зарубежья, отмечает, что этот указ внес «настоящую сумятицу в умы русских эмигрантов. По случаю публикации указа целый ряд видных эмигрантов сделали патриотические заявления, в том числе Н.А.Бердяев» [Костиков 1990, с. 298]. Примечательна смена настроений, происходившая в годы войны в среде эмигрантов из России, «эмиграция была буквально опьянена успехами советского оружия в Европе. Под “очарование” личности Сталина подпали не только многие рядовые эмигранты..., но и часть видных эмигрантских деятелей» [Костиков 1990, с. 314; см. также Берберова, с. 304–307].

Если война привела к столь кардинальным изменениям в устроениях русской эмиграции, самым своим зарождением «обязанной» именно советской власти, то тем более естественной и ожидаемой была проявленная армянской диаспорой в те же годы солидарность с Советским Союзом, Советской Арменией. Именно в первый период войны, период, казалось, нескончаемых поражений советских войск, армяне диаспоры осознали, что отсутствие столь желанного полного суверенитета Советской Армении компенсировалось ее внешней безопасностью, и что поражение СССР автоматически приведет к оккупации Турцией и этой оставшейся части их родины. Одним из наиболее убедительных свидетельств подобной позиции армян диаспоры в эти годы может служить производство для советской армии на пожертвованные ими деньги танковой колонны «Давид Сасунский».

Начиная примерно с середины 1944 г. подобные настроения усиливаются вследствие исходящих из Москвы импульсов. Еще до окончания войны Сталин задался целью вернуть территории, переданные Советской Россией Турции согласно Московскому договору от 16 марта 1921 г. Предчувствуя возможное противодействие США и Англии, к тому времени уже встревоженных расширением сфер влияния СССР в Восточной Европе, на Балканах и в Иране, Сталин решил разыграть в числе других и армянскую карту [Советский Союз на международных..., с. 37–38, 135–136, 148–149]. Странями советских властей армяне диаспоры были своевременно извещены о планах Сталина относительно как возвращения армянских территорий, так и организации репатриации в Советскую Армению. При этом самих репатриантов, учитывая недостаточность территории последней, предполагалось расселить на возвращенных территориях. Расчет Сталина был верным – из разных стран в адрес советского руководства, а также глав других государств и ООН стали поступать многочисленные обращения армян в поддержку политики СССР.

Наконец, в ноябре 1945 г. в канун очередной годовщины советизации Армении Совнарком СССР принял решение за подписью Сталина, разрешающее репатриацию в Советскую Армению проживающих за рубежом армян. В течение последующих трех лет в Советскую Армению иммигрировало около 90 тыс. армян из Ливана, Сирии, Египта, Ирана, Франции, Болгарии, США и некоторых других стран. Последняя небольшая их группа приехала в Армению в начале 1949 г. Но к тому времени Сталин вынужден был смириться с новыми реалиями, в особенности с «Доктриной Трумена», дававшей военные гарантии со стороны США территориальной целостности Турции, и отказаться от своих планов. Это был по-своему уникальный случай, когда одну и ту же цель, хотя и из разных побуждений, преследовали и Сталин, и армяне в Армении и в диаспоре, но которая так и не была достигнута.

Репатрианты в своем абсолютном большинстве не были коммунистами и, независимо от политических симпатий, были одержимы лишь одной идеей – жить среди армян, в Армении, пусть даже советской, и в меру своих сил и знаний способствовать развитию своей родины. Однако это естественное желание жить на своей родине так и осталось непонятым многими, как простыми обывателями,

так и политиками. В ряде стран, в условиях начавшейся холодной войны, решение армян иммигрировать в Советскую Армению было воспринято как некий политический вызов. Так, заместитель Госсекретаря США Дин Ачесон во время беседы с делегацией Всемирного Армянского конгресса в 1947 г., услышав о желании армян присоединить к Советской Армении территории, некогда отошедшие к Турции, и об их репатриации, спрашивал, не являются ли все армяне коммунистами. В тех же США, а также в Иране, Греции, Франции и некоторых других странах власти чинили разного рода препоны с целью воспрепятствовать эмиграции армян. [Мелконян 2002, с. 75-76]

Судя по всему, для армян диаспоры подобная реакция на их решение иммигрировать в СССР была ожидаема, и они были готовы к ней. Но они никак не были готовы к тому, что их ожидало в самой Армении. Советское руководство, принимая решение о репатриации армян сразу после войны, не могло не понимать, что страна в целом и даже Армения, непосредственно не затронутая войной, никак не готова принять столь большое число людей, учитывая, в первую очередь, катастрофическую нехватку жилья, продовольствия, одежды и других предметов первой необходимости. Между тем иммигрировавшие армяне, в отличие от репатриантов 1920-1930-х гг., были уже не обездоленные беженцы. За исключением сравнительно небольшого числа крестьян (главным образом, из Ирана), они были жителями малых и больших городов, людьми разных профессий (от ремесленников и торговцев до врачей и ученых), к тому времени в той или иной мере самоутвердившимися в социально-экономической структуре соответствующих стран. Приехав в Советскую Армению, они с первых же дней оказались в условиях, несравнимых с теми, в которых жили в странах эмиграции. «Репатриант несвободен в выборе местожительства; несвободен переменить назначенное ему местожительство; несвободен действовать по своей инициативе; и самое ужасное, что несвободен говорить или принимать решения о чем-либо полезном для общества и народа, одним словом индивид не полноценная личность, а марионетка, лишенная воли и высшего дара — свободы...» [Базарян 1996, с. 54] Особенно тяжелой для репатриантов оказалась невозможность исполнения ими на родине столь священного для них долга перед предками — сохранения в памяти народа постигшей его в 1915 г. трагедии. Вместо этого на их глазах

в угоду идеологии и политике переписывалась сама история, в которой уже не было места ни Западной Армении и Киликии, ни геноциду, ни их жизни на чужбине, ни Первой Республике Армении. В подобных условиях их жизненный опыт - депортация, сиротские дома, борьба за выживание, их преданность ценностным установкам диаспоры, их практическое знание принципиально иных, не социалистических обществ в значительной мере обогатили палитру массового сознания местных армян.

Сами же они вынуждены были жить в атмосфере постоянного недоверия, логическим следствием которого стала высылка в 1949 г. части вернувшихся на родину армян вместе с другими «врагами народа» в отдаленные районы Советского Союза. К тому же усилиями властей между репатриантами и основным населением пролегла невидимая, но повседневно ощущаемая линия отчуждения. Спустя годы, когда, казалось, начали постепенно исчезать разделяющие искусственные барьеры, стало ясно, как глубоко укоренилась в репатриантах горечь и обида за причиненные им страдания и лишения. Жившее в них все эти годы стремление вновь обрести свободу мысли и действий обрело реальные очертания в середине 1970-х гг., когда советские власти в силу подписанного ими в Хельсинки Соглашения по безопасности и сотрудничеству в Европе вынуждены были разрешить эмиграцию из СССР евреям, немцам, армянам. С этого времени началась реэмиграция иммигрировавших в разные годы армян и их потомков (согласно формулировке — «с целью воссоединения семей») из так и не ставшей для них подлинной родиной Советской Армении. И сам факт их добровольной реэмиграции, их рассказы о подлинной жизни советских людей во многом способствовали формированию в армянской диаспоре более реалистических представлений о Советской Армении.

В 1962–1982 гг. в Армению иммигрировало еще около 32 тыс. армян. Несмотря на все трудности, репатрианты и их потомки, выросшие и получившие образование уже в Советской Армении, всемерно способствовали развитию страны. Особенно значителен был их вклад в сферу культуры и науки (Ерванд Кочар, Акоп Акопян, Ваграм Папазян, Грачья Нерсисян, Гоар Гаспарян, Грачья Бартикян и др.).

В период холодной войны Советский Союз, стремясь к расширению сфер своего влияния, в своей внешней политике начал придерживаться более гибкой тактики: поиск новых союзников велся

не только и не столько на основе идеологической общности, сколько на основе общих политических целей. В соответствии с этим претерпела определенные изменения и политика страны в отношении соотечественников за рубежом, в нашем случае — в отношении армянской диаспоры. В отличие от «Дашнакцутюн», партии «Рамкавар Азатакан» и «Гнчак» со всеми своими структурами стали рассматриваться как «прогрессивные и патриотические» и получили строго лимитированные возможности контактов с Арменией. Еще одним проявлением этой политики стало создание в 1964 г. Комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом, который в меру предоставленных ему полномочий обеспечивал контакты между Арменией и диаспорой. С этого времени сотрудничество, главным образом в культурно-образовательной сфере, постепенно приобрело более или менее регулярный характер — бесплатное обучение армян диаспоры в вузах Армении, ежегодные летние школы для преподавателей армянских школ, взаимные гастроли известных художественных коллективов и отдельных исполнителей и др. Несмотря на все эти положительные изменения, две части армянского народа продолжили свое раздельное друг от друга существование.

* * *

В годы перестройки в СССР в общем русле либерализации и демократизации общественно-политической жизни расширились контакты Армении с диаспорой в разных, в том числе и ранее недоступных сферах. Примером тому проведение в 1987 г. в Ереване международной научной конференции «Армянские общины в странах Запада и третьего мира», организованной Отделом истории и культуры зарубежных армянских общин Академии наук Армении. Беспрецедентная по своей тематике конференция отличалась не только высоким научным уровнем, но и составом участников — помимо специалистов из Еревана, Москвы и Санкт-Петербурга, в ней приняли участие также историки, социологи, психологи армянского происхождения из США, Франции, Канады, Ливана, Ирана [Дараган 1988]. Решение о регулярном проведении подобных конференций оказалось, однако, неосуществленным из-за последовавших вскоре событий, первым из которых стало разрушительное землетрясение в Армении в декабре 1988 г. Пострадавшему населению поспешили на помощь не только другие союзные республики, но и,

с небывалого разрешения руководства СССР, многие государства и международные организации. Подобное разрешение было дано и армянской диаспоре. На трагедию в Армении откликнулись все армяне диаспоры, независимо от политико-идеологических пристрастий, даже те, для которых сама причастность к материнскому этносу, казалось, носила сугубо символический характер. Во всех армянских общинах началась кампания по сбору средств для приобретения медицинского оборудования, лекарств, одежды, продовольствия и др. В ряде стран с этой целью были основаны специальные структуры. Так, во Франции известный шансонье Шарль Азнавур основал фонд «Азнавур Армении». В 1989 г. в Лос-Анджелесе для координации помощи пострадавшим районам Армении был создан Объединенный армянский фонд, куда вошли епархии Армянской апостольской церкви, Армянская евангелическая ассоциация Америки, АВБС, Армянская ассамблея Америки, АСП и Фонд Линси, основанный миллиардером Керком Керкоряном. За последующие годы эти организации предоставили Армении помощь на более чем 280 млн долларов.

После обретения Арменией независимости в 1991 г. начался новый этап в ее взаимоотношениях с диаспорой. В условиях глубокого экономического кризиса, который наметился уже после землетрясения 1988 г. и усугубился в период войны в Нагорном Карабахе в 1992–1994 гг., транспортной и энергетической блокады страны эти отношения в основном носили характер гуманитарной помощи. В дальнейшем приоритетным стало участие диаспоры в осуществлении программ развития – строительстве школ, больниц и дорог, инвестициях в сферу производства, создание совместных предприятий. Строительство и последующая эксплуатация этих и других учреждений, помимо прочего, создали новые рабочие места, способствуя тем самым снижению социальной напряженности в обществе. В этом смысле большое значение имеют и денежные перечисления, которые армяне диаспоры (главным образом эмигрировавшие из Армении в последние 20 лет) посылают своим родственникам и близким, в суммарном исчислении превышающие миллиард долларов в год. В марте 1992 г. указом президента Армении был создан Общеармянский фонд «Айастан», реализующий многочисленные программы развития Армении и Нагорного Карабаха, в том числе развитие сельских районов, восстановление зоны землетрясения,

строительство школ и дорог. Фонд «Айастан» имеет отделения во всех общинах диаспоры и ежегодно проводит в диаспоре телемарафоны по сбору средств на свои программы.

Как и следовало ожидать, наиболее активное участие в сотрудничестве с Республикой Армения принимают прежде всего пандиаспоральные организации. Армянский всеобщий благотворительный союз по традиции работает главным образом в сферах образования, культуры и здравоохранения. Крупнейшим образовательным проектом АВБС стало основание в 1991 г. Американского университета Армении. В области культуры самый важный проект АВБС – финансирование с 1992 г. Государственного филармонического оркестра Армении. В сфере медицины АВБС реализовал целый ряд проектов, в том числе основание одного из крупных медицинских учреждений Еревана – многопрофильной больницы имени Св. Нерсеса. Среди проектов АВБС в области помощи церкви – более 5 млн. долларов, выделенных на строительство в Ереване крупнейшей в мире армянской церкви Сурб Григор Лусаворич и основание Духовной семинарии Вазгена Первого («Вазгенян»). Кроме того, под эгидой АВБС действуют юношеские центры, скаутские лагеря и благотворительные столовые. В 2004 г. открылось представительство АВБС в Нагорном Карабахе: оно занимается восстановлением и заселением сел, развитием образования и культуры. Суммарная стоимость программ АВБС, осуществленных в Армении и Нагорном Карабахе за последние двадцать лет, составляет более 165 млн. долларов.

С 1991 года в Армении развернул деятельность и Армянский союз помощи. Сегодня в более чем 40 населенных пунктах Армении и Нагорного Карабаха созданы его местные организации. АСП в своей работе предпочтение отдает строительству больниц, школ, домов и других социальных объектов в различных регионах Армении. Особое значение имеет осуществляемая с 1992 г. программа помощи сиротам и детям воинов, погибших на войне в Нагорном Карабахе. АСП уже потратил на развитие Армении и Нагорного Карабаха около 25 млн. долларов.

Для оптимизации отношений между Республикой Арменией и диаспорой и выработки приоритетов правительство Армении периодически организует форумы «Армения-диаспора». В 2007 г. Парламент Армении принял Закон о двойном гражданстве, дающий переезжающим в Армению армянам диаспоры возможность принимать

армянское гражданство, не отказываясь от гражданства своих стран. В 2008 г. в Армении было создано Министерство диаспоры, которое уже начало осуществлять различные проекты, в том числе молодежные программы и специализированные форумы архитекторов, юристов и др.

На фоне установления тесных связей между Арменией и диаспорой особого внимания заслуживают процессы, происходившие в этнополитической сфере. Слоган «Вместе с диаспорой» был одним из наиболее популярных на массовых митингах, проходивших в Армении в 1988–1990 гг. Он отражал стремление народа Армении к восстановлению связей и простому общению с соотечественниками за рубежом, которого он был лишен в период коммунистического правления. Но не только. Прощаясь с советским периодом истории и решившись следовать в своем развитии примеру стран Запада, народ Армении рассчитывал на всемерное содействие армян диаспоры. Подобные, зачастую эмоционально окрашенные ожидания, были следствием незнания неизбежно сформировавшихся за семь десятилетий раздельного существования существенных различий — начиная от образа жизни и кончая этническим самосознанием — между армянами диаспоры и Армении. Особые ожидания связывались с политическими организациями диаспоры — партиями «Дашнакцутюн», «Рамкавар Азатакан» и «Гнчак». В общественном сознании народа Армении именно они являлись носителями и хранителями национально-политических идеалов, и отныне они могли не только продолжить свою миссию на родине, но и придать ей иное звучание — уже на государственном уровне.

Но не только в этом виделось их предназначение в новых условиях. Представлялось также, что за годы существования в странах Запада эти организации, став носителями определенных политических ценностей и традиций, смогут привить их в новой Армении. Подобные ожидания, однако, не учитывали принципиальную трансформацию функцию этих партий за годы их существования в диаспоре. Продолжая номинально называться политическими партиями, они в силу объективных причин перестали быть партиями классического типа — организациями, ставящими своей целью приход к власти в стране и осуществление собственной программы ее развития. Между тем, в своих ожиданиях народ Армении вольно или невольно проецировал на них свои представления об известных

ему политических партий классического типа, начиная от коммунистической партии Советского Союза и кончая политическими партиями стран Запада. И даже при всем понимании того, что партии диаспоры никак не являлись реальными игроками на политической арене тех или иных стран, тем не менее, само наименование этих организаций как «партий» для очень многих ассоциировалось с их способностью реализовать себя в качестве таковых в Армении.

Эти ожидания имели и другое объяснение. Несмотря на громадную популярность в Армении тех дней Армянского общенационального движения (АОД), возглавившего массовое движение за самоопределение народа Нагорного Карабаха, а затем и за независимость самой Армении, тем не менее, часть населения страны, в силу принципиальных или личностных соображений, именно с возвращением политических партий диаспоры связывала возможность альтернативной политической активности. Это объяснялось самой историей партий, их активной ролью в диаспоре, наконец, эффектом «запретного плода», вызванного запрещением их деятельности в Советской Армении.

Подобные настроения в армянском обществе были известны политическим партиям диаспоры и полностью отвечали их стремлению вновь утвердиться на родной земле. Примечательно, однако, что кардинальные изменения в Советском Союзе, сама скорость их протекания застали их врасплох. Впрочем, в этом они не были одиноки: столь же непредсказуемыми оказались эти процессы и для западных политиков и советологов. После недолгого периода колебаний, вызванного радикальными действиями армянской оппозиции в отношении местных и центральных властей, партии диаспоры, осознав необратимость распада СССР, воспользовались возможностью возобновления своей деятельности в Армении. Возвращение произошло в 1990 г., в смутный период двоевластия, когда все структуры и звенья советской государственной и партийной власти были парализованы, а новая власть находилась на начальном, полном неопределенности этапе формирования.

Вернувшись в Армению (но, что важно подчеркнуть, сохранив все свои структуры в диаспоре), эти партии вынуждены были начать свою работу практически с нуля — в стране не было ни их членов, ни каких-либо собственных структур. В стремлении к скорейшему самоутверждению они проявили лихорадочную активность, выразившуюся в

широкой кампании по привлечению в свои ряды возможно большего числа людей. В отсутствие местных кадров вся их деятельность на этом начальном этапе проводилась специально командированными из диаспоры партийными функционерами. Если в Армении не знали реалий диаспоры, то и у прибывающих эмиссаров были крайне смутные представления об армянской действительности. Примечательно, что независимо от гражданства, почти все эмиссары были выходцами из стран Среднего Востока – этой основной кузницы кадров армянской диаспоры – с характерным для них радикализмом в сочетании с упрощенным восприятием действительности. Во имя быстрого роста численности своих партий они не могли, а зачастую и не хотели видеть истинные мотивы неофитов, большинство которых имели весьма смутное представление о самих партиях, их истории и идеологических установках. Среди неофитов было немало бывших коммунистов, для которых членство в новых партиях должно было возместить утраченные гарантии исполнения их вполне прагматических ожиданий. Немалое их число рано или поздно должно было негативно сказаться на деятельности приютивших их партий. Однако в 1990–1991 гг. усилия по скорейшему формированию вернувшихся партий привели к тому, что они оказались в числе ведущих – вслед за АОД – политических сил страны. Показательно при этом, что сама степень их влияния в Армении в точности соответствовала положению дел в диаспоре – несомненное преимущество «Дашнакцутюн» перед «Рамкавар Азатакан», не говоря уже о «Гнчак».

Подобный рост популярности «Дашнакцутюн» и «Рамкавар Азатакан», по-видимому, был неожидан и для самих партий, точнее, для их функционеров из диаспоры. Введенные в заблуждение симпатиями к их партиям некоторой части общества, они лишились способности трезвой оценки реальности и пренебрегли обязанностью по постепенному, но постоянному привитию хотя бы своим же членам навыков политической культуры, демократических принципов построения и управления обществом, всего того, что так хорошо им было известно и чем так успешно они пользовались в диаспоре. Взамен этого партия «Дашнакцутюн» в своих амбициях решила на действия, имевшие важные последствия для внутривнутриполитического развития страны в целом.

Победа одного из лидеров АОД Л. Тер-Петросяна на первых президентских выборах в Армении в конце 1991 г. была ожидаема и

очевидна всем, начиная от простого обывателя и кончая политическими деятелями. Несмотря на это, партия «Дашнакцутюн» выдвинула собственного кандидата — известного и уважаемого в народе артиста театра и кино Соса Саркисяна — и повела широкую кампанию в пользу его избрания. Уже сам этот факт свидетельствовал, что «Дашнакцутюн» не имел в то время в Армении своего ярко выраженного, более или менее популярного в народе партийного лидера, способного конкурировать с кандидатом от АОД. Если бы все это происходило в стране с устоявшимися демократическими традициями, следствием подобных действий «Дашнакцутюн» стало бы лишь поражение на выборах (в пользу ее кандидата было отдано менее 5% голосов) и дальнейшее падение ее рейтинга. Однако в Армении тех дней последствия носили более масштабный и глубокий характер. И связано было это с последовавшей реакцией АОД.

Еще в 1988 г., когда движение за самоопределение армянского народа Нагорного Карабаха встретило жесткое противодействие со стороны центральных властей Советского Союза, АОД, как и другие оппозиционные советской власти силы, рассчитывало на полную поддержку со стороны армянской диаспоры. Однако первоначальная реакция диаспоры, в первую очередь ее политических партий, была для АОД совершенно неожиданной. Уже в ноябре того же года все три партии диаспоры выступили с редким для них совместным заявлением, суть которого сводилась к следующему: поддерживая вхождение Нагорного Карабаха в состав Советской Армении, они в то же время призывали армян к сдержанности и спокойствию, к отказу от действий, способных подорвать доверие к ним со стороны руководства Советского Союза. Подобная позиция политических партий, явившаяся следствием полного незнания армянских реалий, привела не только к разочарованию, но также и к недоверию к ним со стороны всего карабахского движения, и АОД в частности. [Libaridian, p. 127–133]

Эти настроения тем более усилились после возвращения партий в Армению, вследствие их неумеренной активности по скорейшему созданию собственных структур. На этом фоне сам факт выдвижения «Дашнакцутюн» собственного кандидата на президентских выборах 1991 г. был воспринят АОД как прямой вызов. При этом вызов был брошен партией, еще только-только обосновавшейся в Армении, никак не причастной к борьбе за обретение независимости и к то-

му же руководимой и финансируемой из-за рубежа. АОД, находившаяся в то время на пике своей популярности (за Тер-Петросяна отдали свои голоса 83% избирателей), вызов этот приняло.

В случае с «Дашнакцутюн» знаковыми оказались два события. Первое из них имело место уже в июне 1992 г., когда один из лидеров партии, гражданин Греции Грайр Марухян был выдворен из Армении по обвинению в подрывной деятельности, направленной против политики правительства и его усилий по урегулированию карабахского конфликта. Это был серьезный сигнал, показавший не только «Дашнакцутюн», но всей диаспоре, что руководство Армении не приемлет какого-либо вмешательства в управление страной. «Взаимное непонимание и недоверие, - заявил Тер-Петросян, - сохранятся до тех пор, пока лидеры диаспоры не свыкнутся с мыслью, что политика делается на этой земле» [*Armenian International Magazine*, March 1994, p. 32] Однако продолжающаяся активность партии «Дашнакцутюн» и ее несогласие со многими ключевыми положениями политики АОД послужили основанием для еще более репрессивных мер. В декабре 1994 г. Президент наложил запрет на деятельность партии «Дашнакцутюн» и всех ее структур, включая печатные издания. Помимо этого, в том же и последующем годах по разным обвинениям были арестованы и отданы под суд ряд членов партии, включая одного из ее лидеров. [*Armenian International Magazine*, November-December 1994, p. 37–38]

Важно отметить, что подобные действия властей осуществлялись на общем фоне отката от принципов демократического управления страной, неприятия не только критики, но даже сомнения в адрес проводимой ими политики в той или иной сфере. Показательным было в этом смысле отношение АОД ко второй по значимости вернувшейся партии «Рамкавар Азатакан». Эта партия в глазах как новых властей, так и значительной части общества изначально была дискредитирована своей «мягкой оппозицией» к советским властям. Утвердившись в Армении в 1990 г., она, не в пример «Дашнакцутюн», трезво оценив собственные возможности, отказалась от претензий на власть (во всяком случае - на тот момент) и в целом заняла лояльную позицию по отношению к руководству Армении. Однако даже она, несмотря на свое традиционное противостояние «Дашнакцутюн», сочла необходимым выступить против репрессий в отношении последней, рассматривая их как серьезную угрозу для

формирования демократического общества. В этом случае власти прибегли к тактике иного рода — расколу партии изнутри. Именно в это время дала себя знать неразборчивость «Рамкавар Азатакан» при комплектации своих рядов. Искусные действия властей увенчались успехом — партия раскололась и, оказавшись в глубоком кризисе, выпала из рядов основных политических сил страны.

Но точку ставить было рано, вернее — невозможно. Армения и диаспора не желали, да и не могли отказаться друг от друга. Образно говоря, они уподобились рассорившимся братьям, которых некому было примирить.

Тем временем власти Армении предприняли новую попытку нейтрализации вернувшихся партий — на этот раз непосредственно в самой диаспоре. На концептуальном уровне задача состояла в обосновании нецелесообразности существования политических партий как таковых в диаспоре, их ненужности. Эта мысль наиболее однозначно была выражена, как и следовало ожидать, самим президентом, в силу своей прошлой профессии склонным к теоретическим размышлениям. В июне 1994 г. в Нью-Йорке на приеме, устроенном в честь председателя Армянской Ассамблеи Америки, прозвучало записанное на видеокассету выступление президента Армении. Высоко оценив содействие этой организации независимой Армении, он противопоставил ее «...многим организациям диаспоры, я особенно имею в виду политические партии, само существование которых сегодня анахронизм ...партии должны рождаться, действовать и прекращать свое существование в Армении» [«Азг», 9 июля 1994 (на арм. яз.)]. В развитие этих идей президента министр иностранных дел В.Папазян, выступая на очередном съезде АОД, говорил: «В диаспоре политической жизни вообще не может быть. Она может быть только в Республике Армения» [«Айк», 2 декабря 1995 г. (на арм. яз.)].

Политические организации этнических меньшинств (безотносительно к тому, присутствует в их названии слово «партия» или нет) характерны главным образом для меньшинств, образовавшихся вследствие политической эмиграции (известный пример — политические партии в русском зарубежье после революции 1917 г.). Они отличаются от партий классического типа по многим параметрам: целям, национальному составу, сферам деятельности и др. Армянский вариант этого явления имеет ту особенность, что армянские

политические партии существовали в зарубежье еще до Первой мировой войны, до геноцида и депортации 1915 г., т.е. до образования современной диаспоры. С большой долей вероятности можно полагать, что они не дожили бы до наших дней, если бы Первая республика Армении не сменилась бы Советской Арменией, из которой эти политические партии вынуждены были эмигрировать, и если бы не было противостояния двух мировых систем в течение последующих 70 лет.

В своем стремлении к полной нейтрализации политических сил диаспоры, АОД, следуя примеру коммунистических властей Армении 1920–1930 гг., предприняло также попытку (правда, безуспешную) создания собственных структур в самой диаспоре в качестве альтернативы существующим. В августе 1994 г. официозная газета «Республика Армения» опубликовала воззвание некоей инициативной группы по основанию АОД в диаспоре. Обвинив политические партии диаспоры во враждебном отношении к властям Армении, авторы воззвания призывали к созданию в диаспоре, прежде всего в Лос-Анджелесе, новой политической идеологии. «Здоровые политические силы диаспоры, в сотрудничестве с лидером возникшего в Армении национального движения - Армянским общенациональным движением, должны сегодня взять на себя ответственность. Во имя достижения этой цели сегодня объявляем об основании в Лос-Анджелесе Армянского общенационального движения в диаспоре» [«Республика Армения», 11 августа 1994 г.]. Маловероятно, что эта затея могла возникнуть без согласия властей Армении, хотя она и противоречила вышеприведенным заявлениям президента и главы МИД. По-видимому, и сами власти не очень верили в ее успех. Впрочем, если новосозданная организация все же стала бы реальной силой, противостоящей политическим партиям диаспоры, то и отношение властей к политической деятельности армян диаспоры стало бы более благоприятным. А так, поскольку попытка эта очень скоро провалилась, уже ничто не мешало вновь и вновь говорить об «анахронизме» существования в диаспоре политических партий и политической деятельности вообще.

Примерно в это же время в центре внимания руководства Армении оказался вопрос, в решении которого в равной мере были заинтересованы как армянское государство, так и диаспора – вопрос о восстановлении единства Армянской апостольской церкви. Надо

сказать, что первые попытки по преодолению раскола были предприняты еще в 1960-е годы, и «удобным местом и временем» для начала диалога был избран все тот же Нью-Йорк, колыбель схизмы. Воспользовавшись прибытием туда в 1968 г. Католикоса всех армян Вазгена I для освящения кафедральной церкви Сурб Вардан, глава местной епархии архиепископ Торгом Манукян (с 1990 г. Иерусалимский патриарх), пригласил главу Киликийской епархии в США принять участие в намеченных торжествах и начать обсуждение путей восстановления единства этих двух параллельно существующих в одной стране епархий. Ответ, однако, был отрицательный. Безрезультатными остались и все другие подобные инициативы Св. Эчмиадзина, несмотря на состоявшиеся в последующие десятилетия встречи между представителями двух епархий и обсуждение ими некоторых проектов. [Documents on the Schism in the Armenian Church of America 1993]. Основным оправданием такой позиции служило то, что, несмотря на заметное оживление религиозной жизни и снятия ряда ограничений на деятельность церквей в Советской Армении, тем не менее, Св. Эчмиадзин продолжал быть подконтрольным советским властям, а сам СССР оставался тоталитарным государством, враждебным странам западной демократии. И казалось, что распад Советского Союза в 1991 г. и переход к демократическим принципам построения и управления обществом должен был снять все препятствия на пути к восстановлению единства Армянской церкви. Однако реальный ход событий был иным.

В первые годы независимости вопросы Армянской церкви (включая вопрос о ее воссоединении) были не очень актуальны на фоне событий в Нагорном Карабахе, массовой волны беженцев из Азербайджана, энергетической и транспортной блокады страны, резкого падения уровня жизни и ряда других явлений. Однако изменившиеся политические реалии означали новые возможности для церкви, новые ожидания от нее со стороны общества и государства. Особо надо отметить уготованную церкви роль в деле духовного и морального возрождения народа, его приобщения к национальным ценностям, противодействия хлынувшему в страну различного рода сектам, наконец, насаждения духа патриотизма.

В этом контексте резкое усиление интереса к вопросам церкви наметилось в связи с болезнью, а затем и кончиной (в 1994 г.) Католикоса всех армян Вазгена I, когда встал вопрос об избрании его

преемника. Молодое государство, находившееся в трудном процессе становления, рассчитывало на помощь церкви и потому не могло быть безучастным к выбору ее главы, тем более что впервые за долгие века выборы Католикоса должны были проходить в суверенной Армении, власть в которой принадлежала людям, избранным самим народом.

Для армян, как и для других народов, не имевших собственной государственности, избрание главы церкви всегда имело огромное значение. Личность Католикоса, его интеллектуальные, организаторские и дипломатические способности нередко играли существенную роль в решении жизненно важных для народа вопросов. Примером тому – Католикосы Геворг VI и Вазген I, которые на протяжении полувека (1945-1994), благодаря своей гибкой политике, смогли не только защитить интересы Армянской церкви в условиях советской действительности, но и способствовали ее постепенному возрождению, превратив Св. Эчмиадзин в один из немногих механизмов общения армян диаспоры с родиной.

В этих условиях руководство Армении не замедлило обнаружить свою заинтересованность в предстоящих выборах: президент Тер-Петросян за месяц до выборов прямо и недвусмысленно объявил о желании видеть в качестве главы церкви действующего Киликийского Католикоса Гарегина II. [«Айк», 8 марта 1995 (на арм. яз.)] При рассмотрении данного круга вопросов персонификация власти в лице президента не случайна и продиктована его некоторыми личностными характеристиками, которые, с одной стороны, отличали его от остальных членов высшего руководства страны, а с другой – предопределили его большую вовлеченность в решение вопросов, связанных с церковью. В ряду близких соратников Тер-Петросян был человеком особой, непохожей на других биографии. Выросший в семье репатриантов и долгое время живший в одном из районов Еревана, преимущественно заселенном такими же репатриантами, он не мог избежать влияния царившей там духовной атмосферы и особого образа жизни армян-выходцев из стран Среднего Востока, в том числе их преданности Армянской церкви в лице Св. Эчмиадзина. Профессиональные интересы были вторым важным отличием Тер-Петросяна от других представителей высшей власти, большинство которых составляли в прошлом специалисты в области точных или естественных наук, а также партийные и ком-

сомольские функционеры. Филолог по образованию, ставший специалистом в стенах Института древних рукописей — Матенадарана, преподаватель духовной семинарии Св. Эчмиадзина — все это выгодно отличало его от соратников в смысле солидных знаний по истории Армении и Армянской церкви. Вне сомнений, Тер-Петросян, как и многие, искренне желал восстановления единства церкви под главенством Св. Эчмиадзина, и в качестве президента Армении соznавал свои возможности для содействия его успешному осуществлению. Вместе с тем, в отличие от многих, он был отлично осведомлен о политической подоплеке раскола армянской церкви, о событиях 1950-х гг., о значимости Киликийского Католикосата для сохранения авторитета и влияния партии «Дашнакцутюн» в диаспоре. В контексте жесткого противостояния властей с вернувшимися из диаспоры политическими партиями восстановление единства армянской церкви под главенством Св. Эчмиадзина приобретало для президента дополнительное, уже сугубо политическое значение, т.к. оно привело бы, с одной стороны, к значительному ослаблению позиций «Дашнакцутюн» как в диаспоре, так и в самой Армении, а с другой — к уменьшению влияния «Рамкавар Азатакан» на епархии Св. Эчмиадзина в диаспоре. Тем самым, преодоление схизмы становилось для него некоей сверхзадачей.

Сама постановка этой сверхзадачи во многом была обусловлена начавшимися после землетрясения 1988 г. визитами в Армению Киликийского Католикоса Гарегина II и его встречами с Католикосом всех армян Вазгеном I. Именно эти встречи и озвученную в ходе них идею о необходимости восстановления единства церкви имел в виду президент, когда в 1993 г. в своем докладе на съезде АОД обвинил политические партии (именно партии, а не одну партию) диаспоры в расколе церкви, в том, что именно они делают невозможным ее воссоединение и ныне, «...несмотря на самые серьезные намерения двух католикосов» [«Республика Армения», 29 июня 1993 г.].

Когда спустя год умер Католикос Вазген I и встал вопрос об избрании его преемника, фигура Гарегина II в глазах президента приобрела особое значение. Гарегин II, некогда противник воссоединения церкви под главенством Св. Эчмиадзина, ныне не только стремился к этому, но и, как полагал президент, знал, как это осуществить. Его избрание Католикосом всех армян должно было только способствовать решению этой задачи. Реакция на позицию прези-

дента в Армении и в диаспоре была различной. Народ Армении в своем абсолютном большинстве не имел сколько-нибудь реального представления ни о самом Киликийском Католикосате, ни о расколе в Армянской церкви, ни о состоянии взаимоотношений между двумя церковно-политическими общинами в диаспоре. Даже в 1980-х гг. выезжающим по официальным каналам за рубеж специально указывалось на недопустимость контактов с так называемыми «антисоветскими» организациями, в том числе и церквями Киликийского Католикосата. Народ Армении в своей основной массе искренне скорбел по Католикосу Вазгену I, но, поглощенный борьбой за существование в условиях экономического кризиса, весьма индифферентно воспринял слова президента.

Совершенно иной была реакция той части диаспоры, включая членов и сторонников партий «Рамкавар Азатакан» и «Гнчак», которая на протяжении нескольких десятилетий оставалась верной Св. Эчмиадзину и ценой больших усилий и жертв противодействовала попыткам переподчинения церковью Киликийскому Католикосату. Для них позиция руководства Армении о предпочтительности избрания Католикосом всех армян именно Гарегина II, в их глазах — одного из главных идеологов схизмы — была не просто непонятна. Они склонны были видеть в этом также и пренебрежение интересами той части диаспоры, которая даже в годы холодной войны не отвернулась от родины — Советской Армении, а ныне всемерно содействовала становлению Республики Армении (позиция этой части диаспоры была донесена до армянского общества через издающуюся в Ереване газету «Азг», выразившую в то время точку зрения партии «Рамкавар Азатакан»).

Негативно отнеслись к предложению президента и служители церковью Св. Эчмиадзина в самой Армении; впрочем, их позиция практически не было озвучена во избежание нежелательного противостояния с властями. Для сторонников Св. Эчмиадзина в диаспоре особое значение имело согласие самого Гарегина II на воссоединение двух ветвей церкви, ибо лишь наличие такового могло оправдать столь чуждое им желание (воспринятое как решение) президента. «Хотелось бы знать, — писал один из видных деятелей партии «Рамкавар Азатакан» в диаспоре Ерванд Азатян, — какие гарантии дал Католикос Гарегин II относительно восстановления единства Армянской церкви. До сих пор он не сказал ничего конкретного.

Если он дал тайные гарантии, нам и не надо знать, какие, но хотя бы быть в курсе, что гарантии самые серьезные» [«Нор ор», Лос-Анджелес, 8 марта 1995 (на арм. яз.)]. Трудно судить, какого рода гарантии имел в виду Е.Азатян. Между тем, отвечая на вопрос о путях достижения единства церкви, президент сказал: «Киликийский престол, видимо, еще долго сохранит свое существование, признавая, вместе с тем, главенство Св. Эчмиадзина и постепенно ограничиваясь в пределах своих прежних епархий – в Сирии, Ливане и на Кипре» [«Айк», 8 марта 1995 (на арм. яз.)]. Это было сказано в том же интервью, в котором президент говорил о Гарегине II как о наиболее достойном из всех кандидатов на предстоящих через месяц выборах главы Армянской церкви. Если эти слова и не были согласованы с Гарегинем II, то у него было достаточно времени, чтобы заявить об этом, но с его стороны не последовало никаких комментариев, он лишь дал свое согласие стать кандидатом на выборах.

Происходило весьма знаменательное для современной истории Армянской церкви событие. Позиция Гарегина II, его молчаливое согласие с представлениями президента Армении о пути преодоления раскола в перспективе должны были привести к принципиальному изменению роли и места Киликийского Католикосата не только в системе Армянской церкви, но и в жизни армянской диаспоры в целом. А это, в свою очередь, неизбежно привело бы к существенному изменению расстановки политических сил в диаспоре. Возвращение Киликийского Католикосата в состояние до раскола 1956 г. (именно это и означали слова президента) стало бы, помимо всего прочего, мощным потрясением для партии «Дашнакцутюн», поскольку свело бы на нет результаты ее многолетней и успешной деятельности по созданию собственной церковной структуры, альтернативной Св. Эчмиадзину.

Чтобы поверить в столь резкий поворот во взглядах Гарегина II и впоследствии всячески содействовать его избранию главой Армянской церкви, у президента должны были быть веские аргументы. Такие аргументы мог предъявить лишь один человек – сам Гарегин II, высокий авторитет которого как богослова и организатора был признан не только в кругах Армянской церкви, но экуменическим движением (в 1968 г. он был избран членом центрального правления, а в 1975 г. – вице-председателем Всемирного совета церквей)

Ради чего Гарегин II мог поступиться всем тем, чему он так ревностно служил несколько десятилетий? Он, вероятно, сознавал, что с обретением Арменией независимости раскол церкви более не оправдан и противоречит интересам армянского народа в Армении и в диаспоре. Возможно, им также двигало желание, чтобы в памяти людей и в истории с его именем связывался не только раскол, но и восстановление единства Армянской церкви. Наконец, в его карьере не завоеванной оставалась лишь одна вершина – престол Католикоса всех армян, Св. Эчмиадзин, вершина, на которую до него не смог подняться ни один Киликийский Католикос. Решению этой сверхзадачи и решил посвятить себя Гарегин II. Это была именно сверхзадача, как и в случае с президентом. Казалось, сама судьба свела эти две неординарные личности, чтобы они сообща попытались в преддверии XXI в. придать новый облик Армянской церкви, а, тем самым, и диаспоре в целом, и ее отношениям с Арменией. Они сознавали, что лишь объединив, как главы государства и церкви, свои возможности, они смогут осуществить общую для них цель – восстановление единства Армянской апостольской церкви. Но когда они уже готовы были приступить к ее осуществлению, та же судьба отвернулась от них. В феврале 1998 г., спустя три года после избрания Гарегина II в апреле 1995 г. Католикосом всех армян уже под именем Гарегина I, президент Тер-Петросян вынужден был заявить о своей отставке, а еще через год после долгой болезни Католикоса наступила смерть.

Однако и в этот недолгий период одновременного пребывания у власти они стали свидетелями первых признаков несовершенства своего замысла. Оно было результатом, с одной стороны, переоценки собственных возможностей, а с другой – недооценки сил и возможностей «Дашнакцутюн» и Киликийского Католикосата. Последние в целом индифферентно отнеслись к избранию «своего» Католикоса главой Армянской церкви, но осознали возросшую в связи с его избранием возможность воссоединения церкви и утраты Киликийским Католикосатом своего статуса. А это уже грозило как политическими и материальными потерями, так и распадом всей возглавляемой ими системы. Известное положение, что первейшей функцией любой системы является функция самосохранения, было подтверждено и в этом случае. Принципиальное значение имело избрание нового Киликийского Католикоса, поскольку от его отноше-

ния к вопросу о единстве церкви зависело многое. И очень скоро опасения скептиков стали реальностью: новоизбранный Католикос Арам I последовательно продолжил политику своих предшественников. В ходе своего визита в США в конце 1997 г. он сделал ряд заявлений, которые были расценены как попытка распространить юрисдикцию Киликийского Католикосата на церкви, входящие в состав Св. Эчмиадзина. «После визита Католикоса Арама и его заявлений, ответственные лица местной Киликийской епархии в своих статьях в армянской прессе дали понять, что воссоединение американских епархий – вопрос, который не может быть решен в обозримом будущем» [The Torch Was Passed 1998, с. 217].

А уже в 2001 г., после кончины Гарегина I, Киликийский Католикосат, вразрез с достигнутой ранее договоренностью об отказе от основания новых епархий, предпринял подобную попытку в отношении своих церквей в Канаде, входящих в состав единой епархии Северной Америки и Канады. Реакция Св. Эчмиадзина была ожидаемо негативной и была негласно поддержана новыми властями Армении, хотя и по иным мотивам, чем в случае с Тер-Петросяном. В противовес прежним лидерам страны, новое руководство вело в отношении диаспоры политику примирения и спустя считанные дни после отставки Тер-Петросяна вновь легализовало деятельность «Дашнакцутюн». В свою очередь, «Дашнакцутюн», учтя уроки прошлых лет, отказалась от непомерных и непосильных амбиций и стала верным союзником нового президента Роберта Кочаряна. Если Левон Тер-Петросян, стремясь к восстановлению единства церкви, тем самым надеялся также нейтрализовать своих политических оппонентов в лице «Дашнакцутюн», то Кочарян, наоборот, приобретает «Дашнакцутюн» в качестве союзника, казалось, получал реальные шансы для восстановления единства церкви. На этом фоне основание новой епархии Киликийского Католикосата в Канаде параллельно с существовавшей там с 1984 г. епархией Св. Эчмиадзина самым серьезным образом ставило под сомнение не только возможность преодоления схизмы, но и способность властей сыграть взятую на себя роль объединителя армянского народа.

Показательны, однако, последующие действия Киликийского Католикосата. Как бы идя навстречу Св. Эчмиадзину и властям Армении, он на первых порах не принял окончательного решения о создании новой епархии, вместе с тем, однако, передав управление

своими церквями в Канаде специально назначенному экзарху. Эта двусмысленная ситуация разрешилась в начале 2004 г. объявлением об основании епархии Киликийского Католикосата в Канаде [«Азг», 19 марта 2004 (на арм. яз.)].

Таким образом, надежды на преодоление раскола церкви после распада СССР при новых властях — светских и духовных — не сбылись. Оставаясь куратором Киликийского Католикосата, «Дашнакцутюн» сейчас является одной из ведущих партий Армении, на протяжении нескольких лет входившей в правящую коалицию. Однако церковный раскол сохраняется, как сохраняются и все явственнее прослеживаемые различия между двумя частями армянского народа.

* * *

Для армянского народа XX в. ознаменовался событиями, которые радикальным образом изменили характер и форму его жизнедеятельности. В 1915 г. власти Османской империи осуществили геноцид армян, жертвами которого стали 1,5 миллиона людей. Несколько сот тысяч армян, выжившие после депортации в пустыни Сирии и Ирака, в силу послевоенных политических реалий, несмотря на поражение Османской империи в Первой мировой войне, лишились права на возвращение на родину — в Западную Армению и Киликию. Вынужденные рассеяться по разным странам, изгнанники сформировали новое в истории армянского зарубежья этнокультурное, этносоциальное образование — армянскую диаспору. Начав свою жизнь на чужбине как бесправные апатриды, они и их потомки с течением времени ценой самоотверженного труда и больших усилий смогли занять достойное место в социально-экономической иерархии как христианских обществ стран Запада и Южной Америки, так и мусульманских обществ стран арабского Востока и Ирана. Активно интегрируясь в принимающие общества, они вместе с тем целенаправленно стремились сохранить свою самобытность — культурные традиции, язык, верность Армянской церкви. Но различия в самих принимающих обществах с неизбежностью обусловили степень успешности этих усилий — от максимально возможного сохранения этнокультурной идентичности в странах Востока и до усиливающейся из поколения в поколение аккультурации в странах Запада. Но всех их объединяет память о страданиях, пережитых их предками, вера в восстановление исторической спра-

ведливости, совместная этнопатриотическая деятельность на местном, региональном и общедиаспоральном уровнях.

В начале XX в. произошло также событие, как бы призванное хоть в какой-то мере компенсировать трагедию геноцида и изгнания. Это воссоздание в 1918 г. собственной государственности, Первой республики на части территории Восточной Армении. Но переход власти к коммунистам в 1920 г. привел к разрыву отношений Второй (Советской) Республики Армении с диаспорой. Раздельное существование основных частей армянского народа в двух противоборствующих социокультурных, политических мирах продолжалось на протяжении последующих семи десятилетий. Только после образования Третьей Республики Армении в 1991 г. впервые начался нелегкий процесс их взаимного узнавания, а затем и сотрудничества. Но в эти же годы началась небывалая по своим размерам эмиграция армян с родины, главным образом в Российскую Федерацию, где процесс их самоорганизации проходит с большими сложностями.

Как скоро Армения сможет обустроить жизнь своих граждан и, тем самым, соответствовать ожиданиям в том числе и современных поколений армян диаспоры, сумеют ли армяне диаспоры найти более действенные механизмы сохранения своей идентичности в этом, столь быстро меняющемся мире, смогут ли Армения и диаспора сообща найти решение многих общенациональных проблем – на эти и другие вопросы, от которых зависит их будущее, предстоит дать ответ уже в XXI в.

Библиография

- Абрамян, Ара, Президент «Союза армян России». Отчетный доклад 111 съезду Союза Армян России за период 2002 – 2006 гг. и основные направления развития организации САР. 2006. Москва.
- Абрамян, Ашот. 1964, 1967 (Արևիտանյան Աշոտ: Համառոտ ուղարկիչ հայ գաղթաբանությանը պատմության). Краткий очерк армянских переселенческих очагов, т. 1, 2. Ереван: «Айастан».
- Абрамян, Левон. 2000. Армения и армянская диаспора: расхождение и встреча // Диаспоры. № 1-2.
- Азатян, Липарит. 1995 (Ազատեան Լիպարիտ: Հայ որբերը Մեծ եղբրնի: Հատոր Ա.). Сироты геноцида армян, т.1. Лос-Анджелес.
- Акопян, Виктор. 2007. Проблемы армян Ставропольского края //Армянские общины на современном этапе: выживание, перспективы. Материалы научно-практической конференции. Бюллетень фонда «Нораванк». Ереван.
- Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссиею. 1888. Тифлис, т. XI. <http://bibliophika.ru/book.php?book=1775>
- Алпояджян, Аршак. 1941, 1955, 1961 (Ալպոյաճեան Արշակ: Պատմության հայ գաղթաբանության). История зарубежных армян, т. 1, 2, 3. Каир.
- Ананян, Жорес, Хачатурян, Варган. 1993. Армянские общины России. Ереван: «Варандян».
- Армянская диаспора. Энциклопедия. 2003 (Հայ սփյուռք: Հանրագիտարան). Ереван: «Армянская энциклопедия».
- Армянская церковь: престолы, епархии. 2001 (Հայ եկեղեցի: Եփրատյանական արքեպիսկոպոսության պատմություն). Ереван: «Армянская энциклопедия».
- Армянский вопрос. Энциклопедия. 1991. Ереван: «Армянская энциклопедия».
- Армянское и азербайджанское меньшинства Грузии. 2006. Доклад Международной кризисной группы, № 178, 22 ноября.

- Базарян, М. 1996 (Բազարյանի Մովսեսի Նամակները սովետական քրիստոնեությունից). Письма из советского “рая”. Ереван.
- Байбуртян, Ваган. 1969. Армянская колония Новой Джульфы в XVII в. Ереван: Изд-во АН АрмССР.
- Бакши, Ким. 1996. Воскрешение Святого Лазаря. Москва: «ЭКСМО».
- Бакрадзе, Дмитрий, Берзенов, Николай. Тифлис в историческом и этнографическом отношении. СПб., 1870 /// Цит. по: Карапетян, Самвел. 2003. Мэры Тифлиса. Научные исследования, книга 5. Ереван: Центр изучения армянской архитектуры (РАА), с. 7.
- Балаян, Зорий. 1979. Между двух огней. Ереван.
- Бархударян, Владимир, Екавян, Завен (ред.) 1996 (Բարխուդարյանի Վլադիմիր, Եկաւյանի Զաւենի խմբ.: Էջեր հայ գաղթաբնակչության պատմության). Страницы истории армянских колоний. Ереван.
- Берберова, Нина. 1997. Люди и ложи. Харьков, Москва: «Калейдоскоп», «Прогресс-Традиция».
- Большая Советская Энциклопедия. 1973. Изд. 3. Москва, Т. 8.
- Большой энциклопедический словарь. 1991. Москва.
- Бродель, Фернан. 1988. Игры обмена. Москва: «Прогресс».
- Брубейкер, Роджерс . 2000. «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинами (на примере Веймарской Германии и постсоветской России) // Диаспоры. № 3.
- Буранян, Карен. 2007. Принадлежность к армянству доказываем делом // «Еркрамас», март.
- Буржуазные и мелкобуржуазные партии России в Октябрьской революции и гражданской войне. 1980. Москва.
- Варданян, Тамара. 2007 (Վարդանյանի Թամարա: Թիֆլիսահայությունից. Ժամանակի մարտահրավերներն ու համայնքի հեռանկարները). Тбилисские армяне: вызовы времени и перспективы общины // Армянские общины на современном этапе: выживание, перспективы. Материалы научно-практической конференции. 19-20 июня 2007 г. Бюллетень научно-образовательного фонда «Нораванк», N 20. Ереван.
- Гевенян, Сергей. 2002. Мой Тифлис. Эчмиадзин.

- Грев, 1898. наброски из истории армян. // Братская помощь пострадавшим в Турции армянам, 2-е издание. Москва.
- Григорян, Вардан. 1980. История армянских колоний Украины и Польши (армяне в Подолии). Ереван: Изд-во АН АрмССР.
- Григорьянц, Владимир. 2000. Из истории армян в Туркестане // Диаспоры. № 1-2.
- Гусейнова, Севиль. 2006. Проблематика «приписываемой» идентичности (бакинские армяне) // Диаспоры. № 4.
- Дадаян, Хачатур. 2007. Армяне и Баку. Ереван: «Сарвард Грат».
- Даллакян, Карлен. 1999 (Դալլաքյան Կարլեն: Ռամկավար Ազատական կուսակցության փաստաթղթերի Գիրք առաջին). История партии Рамкавар-Азатакан. Кн. 1. Ереван: «Гитутюн».
- Даллакяан, Карлен. 2004 (Դալլաքյան Կարլեն: Հայ սփյուռքի փաստաթղթերի. Համառոտ ակնարկ). История армянской диаспоры (краткий очерк). Ереван: «Зангак-97».
- Дараган, Наталья. 1988. Симпозиум «Армянские общины в странах Запада и «третьего мира» (Ереван, 5-6 октября 1987 г.) // Советская этнография. № 3.
- Дживелегов, Алексей. 1906. Армяне в России. Москва: «Труд и воля» /// Цит. по: Киракосян, Джон. 2007. Алексей Дживелегов и его историко-публицистическое наследие. Ереван, с. 89.
- Дживелегов, Алексей. 1910-е гг. Армяне // Энциклопедический словарь, 7-е переработанное издание. Москва: Издательство русского библиографического института «Гранат».
- Диаспоры. 2002. № 1.
- Дятлов, Виктор. 1996. Предпринимательские меньшинства: торговцы, чужаки или посланные Богом? Симбиоз, конфликт, интеграция в странах Арабского Востока и Тропической Африки. Москва.
- Дятлов, Виктор. 2000. Политический активизм армянской диаспоры на Ближнем Востоке // Диаспоры. № 1-2 (номер журнала целиком посвящен армянской диаспоре).
- Дятлов, Виктор. 2004. Диаспора: экспансия термина в общественную практику современной России // Диаспоры. № 3.

- Дятлов, Виктор. 2007. Армяне России: диаспоральные стратегии интеграции // 21-й век. Ереван. № 2(6).
- Еврейская энциклопедия. 1991. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем. Репринтное воспроизведение издания Общества для научных еврейских изданий и Издательства Брокгауз -Ефрон. Москва: «Терра». Том 7.
- Журавский, Алексей. 1990. Христианство и ислам. Социокультурные проблемы диалога. Москва.
- Журженко, Татьяна. 2007. Между кланом, семьей и нацией: постсоветская маскулинность/феминность в цветных революциях // Ab Imperio. № 1.
- Закареишвили, Паата. 2007. Грузия никогда не пойдет против Армении. Интервью агентству PanARMENIAN.Net 12.04.2007. <http://www.panarmenian.net/interviews/rus/?nid=75>
- Здоровец, Яна, Мухин, Алексей. 2005. Диаспоры и землячества: вопросы влияния / Общ. ред. А.А.Мухина. Москва: «Алгоритм».
- Иванов, Николай. 1992. Система миллетов в арабских странах XVI - XVII вв. // Восток. № 6.
- Ионцев, Владимир, Лебедева, Надежда, Назаров, Михаил, Окороков, Александр. 2001. Эмиграция и репатриация в России. Москва: «Попечительство о нуждах российских репатриантов».
- Ишханян, Бахши. 1920. Великие ужасы в гор. Баку. Тифлис /// Цит. по Дадаян, Хачатур. 2007. Армяне и Баку. Ереван: «Сарвард Грат», с 129.
- Кавказский календарь на 1916 г. 1915. Тифлис.
- Каждан, Александр. 1975. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI-XII вв. Ереван: Изд-во АН АрмССР.
- Кананов, Георгий. 1898. Армяне в России // Братская помощь пострадавшим в Турции армянам, 2-е издание. Москва.
- Карапетян, Самвел. (сост.) 1998. Государственная политика Грузии и памятники армянской культуры (1988-1998). Сборник документов и фотографий. Ереван: Центр изучения армянской архитектуры (RAA).

- Карпетян, Самвел. 2003. Мэры Тифлиса. Ереван. Центр изучения армянской архитектуры (RAA). Научные исследования, книга 5.
- Карпенко, Оксана. 2002. Языковые игры с «гостями с юга»: «кавказцы» в российской демократической прессе 1997 – 1999 гг.// Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ/ Ред. В.с. Малахова и В.А.Тишкова. Москва.
- Карпенко, Оксана. 2004. Как и чему угрожают мигранты? Языковые игры в «гостей с юга» и их последствия// Миграция и национальное государство / Под ред. Т.Бараулиной и О.Карпенко. СПб.: Центр независимых социологических исследований.
- Качазнун, Ованес. 1927. Дашнакцутюн больше нечего делать! Тифлис.
- Киракосян, Джон. 1989. Младотурки перед судом истории. Ереван: «Айастан».
- Косач, Григорий. 2001. Красный флаг над Ближним Востоком? Компартии Египта, Палестины, Сирии и Ливана в 20 – 30-е годы. Москва.
- Космарская, Наталья. 2005. От составителя // Диаспоры. № 1.
- Космарская, Наталья. 2006. «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские в Киргизии, 1992-2002). Москва: «Наталис».
- Космарская, Наталья. 2007. Диаспора // Большая Российская Энциклопедия. Т. 8. Москва: «Большая Российская энциклопедия». с. 718-719.
- Костиков, Вячеслав. 1990. Не будем проклинать изгнание...Пути и судьбы русской эмиграции. Москва: «Международные отношения».
- Малькова, Вера. 2003. Этничность и толерантность в современных российских СМИ // Этнографическое обозрение. № 5.
- Манукян, Арменак. 1999 (Մանուկյան Արմենակ: Քաղաքական րեպրեսիաները Հայաստանում 1920–1953 թթ.). Политические репрессии в Армении в 1920-1953 гг. Ереван: «Арересум-Ани».
- Мартиросян, Мартин. Армянский миф и политическое становление // Независимая газета. 1993, 18 мая.

- Матеосян, Варган. 2005 (Մատթեոսեան Վարդան: Հարաւային կողմն աշխարհի. Հայերը Լատին Ամերիկայի մէջ սկիզբէն մինչեւ 1950). На южной стороне Земли. Армяне в Латинской Америке, с начала и до 1950 г. Антилиас, Ливан.
- Меликсетян Овик. 1985 (Մելիքսեթյան Հովիկ, Հայրենիք-սփյուռք անկախությունները եւ հայրենադարձությունը 1920–1980 թթ.). Взаимосвязь родина - спюрк и репатриация 1920-1980 гг. Ереван: Изд-во Ереванского университета.
- Мелконян, Эдуард. 1988. Армянская семья в условиях диаспоры. Москва: «Советская этнография», № 6.
- Мелконян, Эдуард. 2000. Диаспора в системе этнических меньшинств // Диаспоры. № 1- 2.
- Мелконян, Эдуард. 2002. Армянская диаспора в ее сосуществовании с внешним миром (1920 – 1950-е гг.) // Вестник общественных наук НАН Республики Армения, № 2.
- Мелконян, Эдуард. 2004. Армянская апостольская церковь во взаимоотношениях Армении и диаспоры // Религия и политика на Кавказе. Ред. А.Искандарян. Ереван: Кавказский институт СМИ.
- Мелконян, Эдуард. 2005-а. Политические партии диаспоры и процессы демократизации в Армении // Диаспора, нефть и розы. Чем живут страны Южного Кавказа. Ред. И.Хаиндрава, А. Искандарян. Ереван: Фонд Генриха Белля и Кавказский институт СМИ.
- Мелконян, Эдуард. 2005-б (Մելքոնյան Էդուարդ: Հայկական Բարեգործական Ընդհանուր Միության Կառավարություն) История Армянского всеобщего благотворительного союза. Ереван: «Мугни».
- Микаелян, Григор. 1952. История Киликийского армянского государства. Ереван: Изд-во АН Арм ССР.
- Милитарев, Александр. 1999. О содержании термина «диаспора» (к разработке дефиниции) // Диаспоры. № 1.
- Минасян, Сергей. 2006. Этнические меньшинства Грузии. Потенциал интеграции на примере армянского населения страны. Ереван: Институт Кавказа.
- Можейко, Игорь. 1989. 1185 год. Москва: «Наука».

- Мокин, Константин . 2006. Диаспорная идентичность в динамике: конвергенция и энтропия (изучая армян Саратовской области) // Диаспоры. № 4.
- Мукомель, Владимир. Российские дискурсы о миграции // Полит.Ру. 2005, 7 авг.
<http://www.polit.ru/research/2005/07/08/mukomel.html>
- Мясников, Александр. 1925. Армянские политические партии за рубежом. Тифлис.
- Наджарян, Егия. 1973. Армяно-арабские культурные связи в Сирии и Ливане (1945-1970-е гг.) / Автореф. дисс... канд. ист. наук. Ереван.
- Население России 2003-2004. Одиннадцатый-двенадцатый ежегодный демографический доклад. 2006. / Под ред. А.Г.Вишневого. Москва: «Наука».
- Неймарк, Норман М. 2005. Пламя ненависти. Этнические чистки в Европе XX века. Москва-с. -Петербург: «АИРО-XX».
- Непролетарские партии и организации национальных районов России в Октябрьской революции и гражданской войне. 1980. Москва.
- Нерсисян, Мкртич (ред.). 1982. Геноцид армян в Османской империи: сборник документов и материалов. Ереван: «Айастан».
- «Ноев ковчег». 2006. № 14.
- Новый словарь древнеармянского языка. 1837. Т. 2 (Նոր բառգիրք Հայկազգեանի լեզուի: Հասորը երկրորդը). Венеция — Св. Лазарь. См. также факсимильное издание. Ереван, 1981: Ереванский госуниверситет.
- Оганесян, Николай. 1968. Образование независимой Сирийской республики (1939 — 1946). Москва.
- Оганесян, Николай. 1982. Ливанский конфликт и армянская община Ливана // Советский опыт решения национального вопроса и его значение для народов Азии и Африки. Ереван.
- Оганесян, Эдуард. 1991. Век борьбы. Очерк 100-летней истории дашнакской партии и национально-освободительной борьбы армянского народа. Т.1-2. Мюнхен-Москва: «Феникс».

- Орманиян, Малахия. 1913. Армянская церковь. Москва: издание А. Будагова.
- Паносян, Размик. 2000. Непростое прошлое, трудное настоящее, туманное будущее (отношения Армении и диаспоры в 1988 – 1999 гг.) // Диаспоры. № 1-2.
- Попков, Вячеслав. 2003. Диаспорная община – модель отношений этнических мигрантов с принимающим обществом // Диаспоры. № 3.
- Савва, Михаил. 2007. Армяне Краснодарского края в контексте современной миграционной ситуации // Армянские общины на современном этапе: выживание, перспективы. Материалы научно-практической конференции. Бюллетень фонда «Нораванк». Ереван.
- Санджян, Ара. 2004. Подъем и упадок армянской общины Ливана // Диаспоры. № 1.
- Саркисян Гагик, Худавердян Константин, Юзбашян Карен. 1998. Потомки Хайка. Очерк истории и культуры Армении с древнейших времен до становления Третьей республики. Ереван: «Армянская энциклопедия».
- Сароян, Уильям. 2004. Андраник Армянский // Сароян, Уильям. Ученик брадобрея. Рассказы. Москва: «Азбука-классика».
- Сафран, Уильям. 2004. Сравнительный анализ диаспор. Размышления о книге Робина Коэна «Мировые диаспоры» // Диаспоры. № 4.
- Сафран, Уильям. 2005. Сравнительный анализ диаспор. Размышления о книге Робина Коэна «Мировые диаспоры» // Диаспоры. № 1.
- Симонян, Никита. 1989. Футбол – только ли игра? Москва. «Молодая гвардия».
- Смирнов, Алексей. 1958. Армянская колония города Болгара // Материалы и исследования археологии. Т.61. Москва.
- Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов. Том 6. 1984. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля–2 августа). Москва.

- Степанян, Армен. 2004. Социокультурные особенности армянской этнообщины Москвы (экскурс в прошлое и результаты полевого обследования 2003 г.) // Диаспоры. № 1.
- Степанян, Геворг. 2008. Краткий очерк истории Бакинского армянского человеколюбивого общества (XIX в.) // Международный научный альманах. Вып. 3. Таганрог-Актюбинск.
- Тавадьян, Тигран. 2007. Армянские национальные «очаги» в Краснодарском крае // Армянские общины на современном этапе: выживание, перспективы. Материалы научно-практической конференции. Бюллетень фонда «Нораванк». Ереван.
- Тер-Саркисянц, Алла. 1998. Армяне. История и этнокультурные традиции. Москва. «Восточная литература».
- Титов, Владимир. 2003. О формировании прессой образа этнического иммигранта (взгляд социолога) // Социс. № 11.
- Титова, Татьяна. 2004. Армяне в городах Татарстана // Диаспоры. № 1.
- Тишков, Валерий. 2000. Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. № 2.
- Тишков, Валерий. 2003. Увлечение диаспорой (о политических смыслах диаспорального дискурса) // Диаспоры. № 2.
- Тишков, Валерий. 2006. Кризис понимания России. Москва-Воронеж.
- Тойнби, Арнольд. 1995. Цивилизация перед судом истории. Сборник. Москва: «Прогресс».
- Топузьян, Ованес. 1964. Участие армян в национально-освободительном и демократическом движении Сирии и Ливана / Автореф. дисс...канд. ист. наук. Ереван,
- Топузьян, Ованес. 1986 (Թոփուզյան Հովհաննես, Միքայիլ եւ Լիբանանի հայկազան գաղթախմբերի պատմություն. 1841–1946). История армянских колоний Сирии и Ливана (1841-1946). Ереван: Изд-во АН АрмССР.
- Труайя, Анри. 2005. Моя столь длинная дорога. Москва: «Эксмо».
- Фирсов, Евгений, Кривушина, Вера. 2004. К изучению коммуникативной среды российской армянской диаспоры (по материалам полевых исследований локальных групп Владимирской области) // Диаспоры. № 1.

- Фирсов, Евгений. 2006. Российские армяне и их исследователи// Этнографическое обозрение. № 1.
- Фрай, Ричард. 1972. Наследие Ирана. Москва: «Наука».
- Фурман, Дмитрий. 1992. Армянское национальное движение. История и психология// Свободная мысль. № 16.
- Чикадзе, Елена. 2000. Армяне Петербурга: от общественного движения к общинным институтам// Диаспоры. № 1-2.
- Чхетия Ш. Армяне в Тбилиси в шестидесятих годах XIX в. // Историко-филологический журнал, Ереван, 1958, № 3.
- Хагопян, Джон. 2000. «Ну, мой папа был армянином, да...» // Диаспоры. № 1-2.
- Хачатурян, Вардан. 2000. Становление армянских колоний в России // Диаспоры. № 1-2.
- Хечумян, Давид. 1987. Критический анализ идеологии и политики Армянской народной партии (1917-1921 гг.) / Автореф. дисс...канд. ист. наук. Ереван.
- Худавердян, Константин. 1977. Культурные связи Советской Армении. Краткий исторический очерк. Ереван.
- Хуршудян, Лендруш. 1965. Армянские политические партии на современном этапе/ Автореф. дисс...докт. ист. наук. Ереван.
- Хуршудян, Лендруш, Худавердян, Константин. 1980-а. Армянские политические партии. Некоторые вопросы истории и идеологии // Непролетарские партии и организации национальных районов России в Октябрьской революции и гражданской войне. Москва.
- Хуршудян, Лендруш, Худавердян, Константин. 1980-б. Крах политики и идеологии армянских политических партий в 1917-1921 гг.// Буржуазные и мелкобуржуазные партии России в Октябрьской революции и гражданской войне. Москва.
- Хуршудян, Рубен. 1980. Партия «Гнчак» в период Великого Октября // Буржуазные и мелкобуржуазные партии России в Октябрьской революции и гражданской войне. Москва.
- Шеффер, Габриэль . 2003. Диаспоры в мировой политике// Диаспоры. № 1.

- Язык мой...Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ. 2002/ Сост. А.М.Верховский. Москва: РОО «Центр «Панорама»,
- Adalian, Rouben.1980. "The Armenian Colony of Egypt during the Reign of Muhammad Ali." *The Armenian Review*. Vol. 33, No.2 .
- Aharonian, Aharon. 1983. *Intermarriage and the Armenian-American Community*. Shrewsbury, Mass.
- Amadouni, Garabed. 1978. *L'Eglise Arménienne et la Catholicité*. Venice. Ararat. 1961. Vol. 2. N 4.
- Atamian, Sarkis. 1955. *The Armenian Community: The Historical Development of a Social and Ideological Conflict*. NY: Philosophical Library.
- Baibourtian, Vahan. 2004. *International Trade and Armenian Merchants in the Seventeenth Century*. New Delhi: Sterling Publishers Private Limited.
- Bakalian, Anny. 1993. *Armenian-Americans. From Being to Feeling Armenian*. New Branswick and London: Transaction Publishers.
- Barton, James. 1930. *Story of Near East Relief (1915-1930)*. NY : The Macmillan Press.
- Bedoyan, Hratch. 1979. "The Social, Political and Religious Structure of the Armenian Community in Lebanon". *The Armenian Review*. Boston. Vol. 32. No.2.
- Binayan Carmona, Narciso. 1996. *Entre el pasado y el futuro: los Armenios en la Argentina*. Buenos Aires.
- Boudjikianian-Keuroghlian, Aida. 1978. *Les Arméniens dans la Région Rhône-Alpes*. Lyon: Audin.
- Boudjikianian-Keuroghlian, Aida. 1982. "Un peuple en exil: la nouvelle diaspora (XIXè-XXè siècles)". *Histoire des Arméniens*. Toulouse: Edit. privat.
- Boudjikianian, Aida. 1983. "Etude humaine et économique des Arméniens de l'agglomération de Beyrouth en 1970". *HASSK. Revue d'arménologie, vol.1981-82*. Beyrouth.
- Boudjikianian, Aida. 1986. "Les Arméniens de l'agglomération de Beyrouth: etude humaine et économique". 2ime partie. *HASSK. Revue d'arménologie, vol.1983-84*. Beyrouth.

- Braude, Benjamin and Bernard Lewis (eds). 1982. *Christians and Jews in the Ottoman Empire: The Functioning of a Plural Society*. NY. Vol. 1- 2.
- Caprielian, Ara. 1975. "The Armenian Revolutionary Federation and Soviet Armenia". *The Armenian Review*. Boston. Vol. 28. No.3.
- Chabry, Annie and Laurent Chabry. 1984. *Politique et minorités au Proche-Orient : les raisons d'une explosion*. Paris: Maison-neuve et Larose.
- Chopourian, Giragos.1970. *The Armenian Evangelical Reformation: Causes and Effects*. NY: AMAA.
- Christopher, Andrew. 1975. "Armenians in Cities". *The Armenian Review*. Boston. Vol. 28. No.3.
- Cohen, Robin. 1997. *Global Diasporas. An Introduction*. London: UCL Press.
- Corbin, Harry, Katharyn Griffith, Assad Rahhal. 1975-76. "Observations on the Armenians in Lebanon made in 1970-1973". *The Armenian Review*. Boston. Vol. 28. No. 4.
- Dadrian, Vahakn. 1995. *The History of the Armenian Genocide. Ethnic Conflict from the Balkans to Anatolia to the Caucasus*. Providence-Oxford: Bergahn Books.
- Der-Karabetian, Aghop and L. Melikian. 1974. "Assimilation of Armenians in Lebanon". *The Armenian Review*. Boston. Vol. 27. No.1.
- Der-Karabetian,Aghop and E. Oshagan. 1977. "Ethnic Orientation of Armenians in Lebanon". *The Armenian Review*. Boston. Vol. 30. No.2.
- Documents on the Schism in the Armenian Church of America. 1993. NY: St. Vartan Press.
- Freund, P. 1979. "Armenian-American Drinking Patterns" // *Working Papers on Alcohol and Human Behavior*, Brown University (Penn.). No.5.
- Gellner, Ernest. 1983. *Nations and Nationalism*. Oxford.
- Grand Larousse en 5 volumes. 1987. V. 2.
- Grigorian, Siran. 1971. "Armenian in America: a Sociolinguistic Perspective". *The Armenian Review*. Boston. Vol. 24. No.3.
- Gunter, Michael. 1983. "The Armenian Terrorist Campaign against Turkey". *Orient*. Hamburg, Jg. 24. No.4.

- Hagopian, John V. 1961. "Well, My Father Was an Armenian, Yes". *Ararat*. NY . Vol. 2. No.3.
- Kaprielian-Churchill, Isabel. 1999. "Armenians". *Encyclopedia of Canada's Peoples*. Ed. by Paul Robert Magocsi. Toronto-Buffalo-London: University of Toronto Press.
- Kaprielian-Churchill, Isabel. 2005. *Like Our Mountains. A History of Armenians in Canada*. Montreal & Kingston: McGill-Queen's University Press.
- Kirakossian, Arman (ed.). 2004. *The Armenian Massacres 1894-1896. U.S. Media Testimony*. Detroit: Wayne State University Press.
- Kirakossian, Arman (ed.). 2008. *The Armenian Massacres 1894-1896. British Media Testimony*. The Armenian Research Center. University of Michigan – Dearborn
- Lang, David and Christopher Walker. 1978. "The Armenians". *Minority Right Group Report*. London, No.32.
- Libaridian, Girair (ed.) 1991. *Armenia at the Crossroads: Democracy and Nationhood in the Post-Soviet Era*. Watertown, MA: Blue Crane Books.
- Manoukian, Agopic and Armen Manoukian. 1992. *Documents of Armenian Architecture // Documenti di Architettura Armena*. Vol. 21. Nor-Djulf. Venice: OEMME Edizioni.
- Melikian, L.H and Aghop Der-Karabetian. "Personality Change Over Time: Assimilation of an Ethnic Minority in Lebanon". *Journal of Social Psychology*. Provincetown, 1977. Vol.103, p.185-191.
- Mirak, Robert. 1980. "Armenians". *Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups*, ed. by Stephan Thernstrom. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Mirak, Robert. 1983. *Torn Between Two Lands. Armenians In America 1890 to World War I*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Mutafian, Claude. 1988. *La Cilicie au carrefour des empires*. 2 vols. Paris: Les Belles Lettres.
- Arberry, A. J. et al (eds.) 1969. *Religion in the Middle East. Three Religions in Concord and Conflict*. Cambridge. Vol. I. P. 482-519.
- Safran, William. 1991. "Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return". *Diaspora. Journal of Transnational Studies*. Vol. 1. No.1.

- Sanjian Avedis. 1965. *The Armenian Communities in Syria under Ottoman Domination*. Cambridge, MA: Cambridge University Press.
- Schahgaldian, Nikola. 1983. "Ethnicity and Political Development in the Lebanese-Armenian Community, 1925-1975". *The Armenian Review*. Boston, MA. Vol.36. No.1.
- Seth, Mesrob Jacob. 1937. *Armenians in India*. Calcutta.
- Ter Minassian, Anahide. 1989. "La Diaspora Armenienne". *Herodote. Revue de geographie et de geopolitique*. No.53.
- Terian, Abraham. 1992-1993. "Armenian Writers in Medieval Jerusalem." *Journal of the Society for Armenian Studies*. Michigan-Dearborn. Vol. 6.
- Ternon, Yves. 1977. *Les Armeniens, histoire d'un genocide*. Paris: Seuil /1990. *The Armenians: History of a Genocide*. Delmar. NY: Caravan Books.
- The Encyclopaedia Americana. 1987. Intern. Ed. Danbury (Conn.). Vol. 9.
- The New Encyclopaedia Britannica. 1992. 15-th Edition. Chicago. Vol. 4.
- Tryjarski, Edward. 1987. "The History of Armenian Professional Groups in Poland." *The Armenian Review*. Boston, MA. Vol. 40, №. 4
- Warner, Lloyd and Leo Srole. 1945. *The Social Systems of American Ethnic Groups*. New Haven: Yale University Press.
- Webster's Third International Dictionary of the English Language Unabridged. 1971. Springfield (Mass.).
- Wertsman, Vladimir. 1978. *The Armenians in America, 1618-1976. A Chronology and Fact Book*. NY : Oceana Publications.
- Zakian, Christopher (ed). *The Torch Was Passed. The Centennial History of the Armenian Church of America*. 1998. NY : St Vartan Press.
- Zeitlian, Sona. 2006. *Armenians of Egypt: Contribution to Medieval and Modern Egypt*. Los Angeles: Hraztan Sarkis Zeitlian Publications.

ИЗДАНИЯ ИНСТИТУТА КАВКАЗА

(до 2008 г. — КИСМИ — КАВКАЗСКИЙ ИНСТИТУТ СМИ)

Кавказ-2007. Ежегодник Института Кавказа. - Ред. А.Искандарян. Ереван, Институт Кавказа, 2009. — 256 с.

ISBN 978-99941-2-219-6

Пятый выпуск Ежегодника посвящен итогам 2007 г. на Кавказе. В основу сборника легли доклады, сделанные учеными из Азербайджана, Армении, Грузии, Турции, России и США на Ежегодной конференции Института Кавказа в мае 2008 г. Статьи сборника посвящены различным аспектам жизни Южного и Северного Кавказа в 2007 г.; в них отражена общая динамика политических и социально-экономических процессов на Кавказе, описано положение в сфере региональной безопасности, проанализированы перспективы конфликтного урегулирования.

Авторы:

Р.Раджабов, А.Искандарян, А.Гегешидзе, Г.Гогсадзе, Д.Петросян, С. Минасян, Т.Джрбашян, Д.Арутюнян, Д.Малышева, М.Айдын, С. Маркедонов, В.Школьников, А.Касаев

Кавказское соседство: Турция и Южный Кавказ. — Ред. А.Искандарян. Ереван, Институт Кавказа, 2008. — 171 с.

ISBN 978-99941-2-180-9 на русском яз.

ISBN 978-99941-2-220-2 на английском яз.

Сборник Института Кавказа посвящен роли Турции, а также признанных и непризнанных государств Южного Кавказа в процессах региональной интеграции и урегулирования имеющихся в регионе этнополитических конфликтов. В основу аналитических статей легли доклады, сделанные независимыми экспертами из Турции, Азербайджана, Армении, Грузии, Абхазии, Нагорного Карабаха и Южной Осетии, на конференции, организованной Институтом Кавказа в Стамбуле 1-4 августа 2008 г.

Авторы:

А.Искандарян, Д.Гоксел, Х.Гаджи-заде, Г.Тер-Габриелян, И.Хайндрава, С. Минасян, Р.Мусабеков, М.Маилян, П.Закареишвили, К.Дзугаев, В.Шария, А.Горгулу

Кавказ-2006. Ежегодник КИСМИ. – Ред. А.Искандарян. Ереван, КИСМИ, 2008. – 314 с.

ISBN 978-99941-2-090-2

Четвертый выпуск Ежегодника посвящен итогам 2006 г. на Кавказе. В основу сборника легли доклады, сделанные учеными из Азербайджана, Армении, Грузии, России и США на ежегодной конференции КИСМИ в мае 2007 г. Основную часть выпуска составляют аналитические материалы, посвященные различным аспектам жизни Южного и Северного Кавказа в 2006 г. В статьях показана общая динамика политических и социально-экономических процессов на Кавказе, описана ситуация в сфере региональной безопасности, проанализированы перспективы конфликтного урегулирования. В приложениях – краткая хронология, библиография книг о Кавказе, географические карты и список интернет-ресурсов.

Авторы:

А.Юнусов, М.Мухелишвили, Г.Жоржолиани, Г.Арутюнян, С. Арутюнов, А.Егиазарян, Д.Петросян, С.Минасян, Р.Гирогосян, С.Маркедонов, А.Искандарян

Кавказ-2005. Ежегодник КИСМИ. – Ред. А.Искандарян. Ереван, КИСМИ, 2007. – 195 с.

ISBN 978-99941-2-064-2

Третий выпуск Ежегодника КИСМИ посвящен итогам 2005 г. на Кавказе. В основу сборника легли доклады, сделанные учеными из Азербайджана, Армении, Грузии, России и Турции на ежегодной конференции КИСМИ в апреле 2006 г. Основную часть выпуска составляют аналитические материалы, посвященные различным, в первую очередь политическим, аспектам жизни Южного и Северного Кавказа в 2005 г. В приложении имеется хронология, статистические данные об экономической ситуации и военно-политическом балансе сил в регионе, библиография книг о Кавказе, географические карты и интернет-ресурсы.

Авторы:

А.Искандарян, А.Крылов, Л.Бакрадзе, Д.Петросян, Т.Саркисян, А.Цуциев, А.Цыганок, В.Кауфман, А.Цинкер.

Минасян С. Этнические меньшинства Грузии: потенциал интеграции на примере армянского меньшинства страны. — Ереван, КИСМИ и Союз общественных организаций «Еркир», 2006. — 172 с.

ISBN 99941-2-053-0 на русском яз.

ISBN 99941-2-058-1 на армянском яз.

ISBN 99941-2-058-1 на английском яз.

ISBN 99941-2-066-6 на французском яз.

ISBN 99941-2-065-9 на грузинском яз.

Работа посвящена анализу ситуации с защитой прав человека и этнических меньшинств Грузии, поиску перспектив их интеграции в общественно-политическую и культурную жизнь страны. Исследуются существующие правовые рамки, регулирующие данную проблему, в том числе исходя из международно-правовых обязательств, и практика их реальной политической реализации в современной Грузии. На примере армянонаселенного региона Самцхе-Джавахети делается попытка выработки механизмов и рекомендаций для достижения компромисса между сохранением самобытности, языка и культуры меньшинств и предоставлением им реальных политических прав, с одной стороны, и их дальнейшей гражданской интеграцией — с другой.

Научный редактор: А.Искандарян

Редакторы: Г.Харатян, Н.Искандарян, Р.Татоян

Кавказ-2004. Ежегодник КИСМИ. — Ред. А.Искандарян. Ереван, КИСМИ, 2006. — 359 с.

ISBN 99941-2-028-x

Второй выпуск Ежегодника КИСМИ посвящен итогам 2004 года на Кавказе. В основу сборника легли доклады, сделанные учеными из Азербайджана, Армении, Грузии, России и Турции на ежегодной конференции КИСМИ в апреле 2006 г. Основную часть выпуска составляют аналитические материалы, посвященные различным, в первую очередь, внутренне- и внешнеполитическим аспектам жизни Южного и Северного Кавказа. В Ежегоднике делается попытка показать общую динамику событий, политическое и экономическое развитие признанных и непризнанных государств Кавказа в указанный период, анализируется перспектива процессов по

урегулированию региональных конфликтов. В приложении приводятся хронология, статистические данные, списки книг о Кавказе, географические карты и интернет-ресурсы.

Авторы:

А.Искандарян, А.Юнусов, Г.Арешидзе, С. Золян, Л.Арутюнян, А.Хачатрян, С. Арутюнов, М.Баснукаев, А.Скаков, И.Торбаков, Д.Петросян.

Постсоветские СМИ: от пропаганды к журналистике. – *Ред. Н.Искандарян.* Ереван, Кавказский институт СМИ, 2005. – 192 с. ISBN 99941-2-014-х

Публикация представляет роль СМИ в странах бывшего СССР и Восточной Европы. Большая часть статей в книге написаны журналистами и специалистами по СМИ, которые приняли участие в конференции на эту тему осенью 2003 года в Ереване. Некоторые статьи для издания написаны европейскими специалистами по СМИ, которые сфокусировали свои исследования на развитии постсоветских СМИ в посттоталитарной обстановке. В первой главе исследователи СМИ подвергают анализу то, как социальный переход воздействует на роль и функциональность постсоветских СМИ, останавливаясь на таких аспектах, как общественное доверие в области новостевой журналистики, представление соотношения факт/комментарий в новостях, влияние Интернета, состояние создания социальных сетей и собственность на СМИ. Во второй главе журналисты из различных стран и регионов представляют развитие и текущие проблемы своих стран в последнем десятилетии. Экономические трудности, устаревшая учебная система, тоталитарное наследие, низкий журналистский опыт и практика и общее разочарование - основные проблемы СМИ на всем постсоветском пространстве. В третьей главе делается попытка понять способы, которыми постсоветские правительства оказывают давление на журналистов и журналистику.

Авторы:

с. Бондаренко, Л.Грибал, И.Гусейнова, М.Дурдыева, И.Костриченко, Р.Мелоян, М.Мухелишвили, Р.Лани, А.Сухов, А.Хамагаев, А.Харченко, В.Четерян, Д.Шмидт

Диаспора, нефть и розы. Чем живут страны Южного Кавказа. — Ереван, Фонд Генриха Бёлля и Кавказский институт СМИ, 2005. — 214 с. ISBN 99930-78-74-3

Главная идея издания — составить представление о том, чем живет и в каком направлении развивается постсоветский Южный Кавказ. Для этого было решено собрать под одной обложкой работы ученых из Азербайджана, Армении и Грузии, и таким образом получить разностороннюю и максимально непредвзятую картину внутривосточного развития каждой из южнокавказских республик, а в результате — образ региона в целом. Вынесенные в заголовок «ключевые слова» — диаспора, нефть и розы — отражают наиболее распространенные представления о том, на что опираются южнокавказские страны в своем развитии: Армении помогает ее обширная диаспора, Азербайджан зарабатывает на нефтяном проекте, а Грузия сделала громадный шаг вперед благодаря «революции роз». Диаспора, нефть и розы стали неотъемлемой частью имиджа соответствующих стран. Разобраться, где кончаются имиджи и начинаются реалии — одна из задач данного издания.

В 2005 г. Фонд Генриха Бёлля опубликовал немецкое издание книги под заголовком *Diaspora, Öl und Rosen. Zur innenpolitischen Entwicklung in Armenien, Aserbaidtschan und Georgien* («Диаспора, нефть и розы. О внутривосточном развитии Армении, Азербайджана и Грузии»). В русское издание внесены небольшие изменения и уточнения.

Авторы: А.Абасов, С. Багиров, Р.Бадалов, Т.Джуварлы, З.Мамедли, Р.Мусабеков, А.Карагулян, А.Искандарян, Н.Искандарян, Э.Мелконян, Р.Мелоян, А.Татевосян, А.Хачатрян, Д.Бердзенишвили, Р.Гоциридзе, Д.Дарчиашвили, О.Канделаки, Д.Усупашвили, И.Хаиндрава, Л.Хомерики

Кавказ-2003. Выборный год. Ежегодник КИСМИ. – Ред. А.Искандарян. Ереван, КИСМИ, 2005. – 231 с.

ISBN 99930-78-73-5

Издание представляет собой пилотный выпуск Ежегодника, посвященный наиболее важным событиям и тенденциям 2003 года на Южном и Северном Кавказе. В основу аналитических материалов первого выпуска легли доклады, сделанные на международной конференции «Кавказ-2003», прошедшей в Ереване весной 2004 года. Авторы подытоживают важный для Кавказа выборный 2003 год с различных точек зрения: внутри- и внешнеполитической, экономической, этнологической, религиозной.

Ежегодник адресован широкому кругу читателей. В него включены как справочные материалы о текущем положении на Кавказе (например, хронология 2003 г. на Южном и Северном Кавказе), так и общие сведения о регионе (в т.ч. географические карты).

Авторы: А.Агаджанян, С.Арутюнов, А.Дарбинян, К.Дзугаев, А.Искандарян, О.Канделаки, И.Кузнецов, Д.Ованесян, Д.Петросян, Д.Фурман, И.Хаиндрава

Религия и политика на Кавказе. Материалы международной конференции. – Ред. А.Искандарян. – Ереван, КИСМИ, 2004. - 120 с.

ISBN 99930-78-42-5

В сборник вошли доклады, сделанные на международной конференции «Религия и политика на Кавказе», состоявшейся в КИСМИ в 2003 году. Статьи касаются самых острых проблем региона в области религии и политики: радикальных исламских течений на Северном Кавказе, деятельности православных пуристов и антиэкуменистов в Грузии, исламского возрождения в Азербайджане, религиозно-политических разногласий внутри армянской диаспоры и их переноса в Армению, превращения православия в государствообразующую религию в поликонфессиональной России.

Сборник рассчитан на широкий круг читателей, в частности журналистов, освещающих эти проблемы в своей каждодневной работе, а также на всех, кто интересуется Кавказом и ролью религии в политике (и наоборот) в современном мире.

Авторы: Т.Светоховский, Э.Мелконян, И.Хаиндрава, Д.Фурман, К.Каарияйнен, А.Искандарян, С. -М.Хасиев

Кавказ-Россия: миграция легальная и нелегальная. – *Ред. А.Искандарян.* - Ереван, КИСМИ, 2004. - 160 с.

ISBN 99930-78-37-9

Издание представляет собой исследование положения мигрантов с Кавказа в Российской Федерации - их адаптации, трудоустройства, статуса, социального положения, реакции принимающего сообщества, дальнейших миграционных планов.

Статьи сборника написаны российскими социологами, принимавшими участие в исследовании незаконной миграции, проведенном московской исследовательской программой Международной организации по миграции в 2001-2002 гг. в двенадцати регионах России. Результаты исследования представляют большой интерес и для российских специалистов, и для тех, кто изучает миграцию на Южном Кавказе - как взгляд на миграцию с другой стороны, с позиции принимающего сообщества.

Авторы: Г.Витковская, Д.Полетаев, Е.Тюрюканова, Е.Красинец

Миграции на Кавказе. Материалы конференции. – *Ред. А.Искандарян.* - Ереван, КИСМИ, 2003. - 132 с.

ISBN 99930-78-30-1

Издание содержит материалы, представленные на международной конференции по миграции на Кавказе. В центре внимания ученых и журналистов лежит роль миграций в жизни обществ Южного и Северного Кавказа. Авторы подводят итог завершившегося периода вынужденных миграций и обсуждают особенности новой миграционной волны, преимущественно экономического характера. Статьи сборника посвящены таким неизменно актуальным проблемам, как формирование этнических диаспор, адаптация беженцев, маятниковая миграция и гастарбайтерство.

Авторы: Л.Арутюнян, Г.Витковская, В.Дятлов, А.Искандарян, Э.Мелконян, Г.Погосян, Г.Сванидзе, Д.Сванидзе, А.Скаков, Л.Хоперская

Викен Четерян. Малые войны и большая игра. - Ереван, КИСМИ, 2003. - 132 с.

ISBN 99930-78-25-5

В монографии анализируется ситуация на постсоветском Северном и Южном Кавказе, причины и участники вооруженных конфликтов, их возможные последствия для региона и место на мировой арене. Рассматривая кавказский регион в целом, автор выявляет потенциальные источники напряженности и основные тенденции развития. Издание предназначено для журналистов и широкого круга читателей. В приложении имеются географические карты конфликтных зон, хронологические таблицы, данные о национальном составе и численности вооруженных сил кавказских республик.

Постсоветский Южный Кавказ. Библиография и обзор публикаций по социальным и политическим наукам. Россия, Армения, Азербайджан, Грузия. 1991-2001 гг. - Ред. А.Искандарян. - Москва, 2002. - 138 с.

ISBN 5-94398-007-5

Издание представляет собой сборник аналитических статей, описывающих ситуацию в научном кавказоведении России и в трех странах Южного Кавказа, и библиографических списков публикаций по кавказоведению, вышедших в этих странах с 1991 по 2001 г. Статьи снабжены диаграммами, иллюстрирующими тенденции в книгоиздании по данной тематике. Издание подготовлено Кавказским институтом СМИ, предназначено для ученых-кавказоведов, журналистов, широкого круга читателей, интересующихся данной проблематикой.

Авторы-составители: Д.Мальшева (Россия), А.Юнусов (Азербайджан), С. Манукян (Армения), М.Мухелишвили (Грузия)